

В номере:**Рецензии и критика***Марк Сапожников. Сергей Пагын – поэт-современник* 3**Духовное возрождение***Лариса Балабан. Кому много дано – с того много и спросится* 7**Личности и государство***Сергей Пожар. Развлекался сам и народ приобщал к искусству*..... 12**Проза***Георгий Каюров. По ту сторону* 15*Борис Благовещенский. Муравейник, или Один день Ивана Самарина*..... 39**Гость номера***Владимир Гусев. Рассказы* 49**Легенды старой Ирландии***Николай Костыркин. Пёс из Махи* 57**Старики-разбойники***Петр Разумовский. Принципиальный* 86*Виктор Андон. Дога, дайся сам* 91**Дебют***Славич* 96*Виктор Хантя* 99*Михаил Луговец* 101**Памятники зодчества***Наталья Синявская* 102**Сокровища зарубежного юмора***Александр Порожняков*..... 104

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров.

Редактор-издатель Надежда Тодорова в статье «От редакции» писала:

«Наше поколение должно быть свежо, бодро и здорово, потому что оно может надеяться и верить в лучшую жизнь и обновление в смысле честности, трезвости... На знамени поколения должно быть начертано: Оздоровление. К здоровой, разумной, трезвой и деятельной жизни и будет призывать наш журнал, не признавая партийности, которая ставит рамки, суживает жизнь. Журнал наш будет органом поколения. Он будет как зеркало отражать жизнь, думы и душу поколения».

(Из программного заявления «От редакции»)

Учредитель:

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор:

Георгий КАЮРОВ

Редакционный совет:

З. Чиркова, В. Силкин, А. Торопцев, В. Сундеев, Н. Костыркин

Литературный редактор:

Вера Димитрова

Корректор:

Галина Поддубная

Художник:

Э. Майденберг

Фотограф:

Валерий Корчмарь

Дизайн:

Илья Александров, Светлана Александрова, «IVESA Grup»

Вёрстка:

Людмила Ильина

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Марк САПОЖНИКОВ

Сергей Пагын – поэт-современник

Во втором номере нашего журнала читатели ознакомились с подборкой поэта из Единоц Сергея Пагына. Стихи обратили на себя внимание тем же, чем и человек, про которого говорят: он *свой*. Не в смысле профессии или группы лиц, придерживающихся одних взглядов (как, например, очередной сочинитель песенок воровского содержания или тексты радикального характера с протестом против закоснения человека в современном мире – для неформалов) с использованием характерной лексики и речевых оборотов. В понимании *свой* – это человек, которому можно довериться; поэт, не уходящий от проблемы в сложные формулы, а говорящий понятными образами и словами на общечеловеческие темы.

Настоящий художник изначально не должен быть субъектом стиля и школы, используя краски или слово. Осваивая опыт уже имеющихся достижений, он изучает то, что было создано до него, чтобы обрести точку опоры для своего творчества и возвести новый этаж в здании искусства и традиций. Причем поле будущих трудов не представляет собой чистую плоскость. Это лабиринты возведенных стен и едва наброшенные детали отделки, представляющие целый мир для того, кто за них возьмётся.

Началу творческого пути свойственно подражание. Это естественное и даже необходимое явление. Кто из великих его миновал! Оно способствует отработке вкуса и мастерства. В подражании помимо образцовых мотивов присутствует и современное – не злободневностью (мобильный телефон в руке Моны Лизы), а новым решением, неотделимым от духа времени, – в отличие от эпигонства, удела пошляков и графоманов. Вершина подражания – литературная традиция, концепт – «своим пером» выявить общую тему и с ее помощью изменения, которые претерпело общество с момента ее предыдущей «фиксации». Проследим эту преемственность на примере Есенина и Пушкина.

*...Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся...
...И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

*...И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Какая свобода, какой гуманизм и поэтический разбег после классических гекзаметров, скованных штилевым разделением и умозрительными философскими формулами. И насколько легче и современнее звучат строки Есенина, вобравшие больше исторического и лингвистического опыта.

*...Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.
Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.
Самодержавный русский гнет
Сжимал все лучшее за горло.
Его мы кончили –
И вот
Свобода крылья распростерла.
...Но обреченный на гоненье.
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

Не стало самодержавного гнета, а на гоненье обречен. Не есть ли сам гнет, «сжимающий все лучшее за горло», лишь следствием, а причина в чем-то более глубинном, нежели государственный строй.

В этом контексте рассмотрим творчество Пагына – поэта-современника. Приведу пример его строфы.

*В силках метафор стонут облака
и наизнанку вывернуты вещи...
Стихом из русла вынута река
и, задыхаясь, бьется и трепещет.
Какой же сути и какого дна
хотим достичь в своей словесной муке?!
Ведь все само идет на имена
и, как ребенок, просится на руки.*

Сергей Пагын придает слову «метафора» смысл гротескного уродливого сравнения, ни качественно, ни контекстуально не соотносящегося с предметом, банального, общего эпитета, всего, что написа-

но из одного только желания выделиться, не имеющего ни природных, ни социокультурных корней, а потому фальшивого. И далее восклицание, содержащее жесткий критический вопрос к тем, кому не дано, а хочется, сопровождаемое простым, лишенным традиционного пафоса утверждением, будто все только и ждет внимания поэта к себе («как ребенок»). Казалось бы, все просто: сейчас мы прочтем о нас самих и нашей действительности в близких сердцу стихах, каких еще никто об этом не писал.

*И опять начинаешь с нуля:
ни вчера нет, ни завтра - лишь это
ожидание слов и дождя,
созревание звука и света, -*

читаем мы в следующем стихотворении. В этих строках уже заключена внутренняя борьба, созревание какого-то решения, которое не принесло вчера и без него не будет настоящего завтра. И нет необходимости вводить образ разразившейся грозы («лопнул молнии скрученный жгут» – кстати, весьма распространенная метафора).

Разумеется, что такое состояние не может длиться долго. И тут же мы понимаем, о чем идет речь. Внезапность «пригубья» после «приближенья» создает образ алкоголика, измученного борьбой между желанием выпить и попытками завязать. Как видно, Сергей сам еще в «силках метафор»!

При всей очевидности таланта, оригинальности художественного мышления и отработанной ритмики Пагыну порой не хватает последовательности и более глубокого проникновения в то, о чем он пишет. Ибо в книге, изданной три года спустя, повторение той же ошибки:

*(Жизнь) ...врывалась огнем,
вырывала заклепки в отсеках
кротких слов -
разлетались ошметки корней.*

...Пускай растет мой сын и пишутся слова...

Первым циклам многих поэтов присуща эгоцентричность; относительное отсутствие материала у них превращается «в закрытость бытия», желание писать много и хорошо не находит пищи и вместе с неумением пользоваться тем, что есть, обращается против них самих, привнося состояние срыва и апелляцию к шаблонным категориям, симуляцию мотивов одиночества и рока. Они на всех парусах ввергают себя в ис-

терику, а читателя в скуку, не замечая, что наступают на горло собственной песне в то время, когда необходимо просто перейти к менее кризисным темам оттачивать мастерство и углублять опыт.

*Дойти до сути...
Нет - вдохнуть
на срыве смертного дыханья
еще не названную суть
в пустую глотку
мироздания.
...Живые краски ты вздымаешь слепо
и холст тревожишь, как суглинок, грубый.
Еще нет тела... но взрывают небо
твои поющие бормочущие губы.*

Стихотворение посвящено поэту. Хотелось бы уточнения: поющие губы или бормочущие: почему они взрывают небо, а не песня. Еще один шаблон стихотворцев-неофитов: изображение «словесной муки» через атрибуты художника. Блокнот и ручка всегда с собой. Может, потому, что они так же привязаны к образам, заменяющим пока еще сложную картину мира, как художник к своей мастерской?

*Стынет масло на кончике кисти,
белизна в напряженьи дрожит.
Что напишется: яблоки, листья,
рыжий голубь, летящий в зенит?*

Много таких рыжих голубей затерялось среди более зрелых стихов. В них Сергей предстает уже сформировавшимся поэтом, умело пользующимся материалом и средствами художественной выразительности. Это стихи, посвященные жене, отцу, «Февральский Дон Кихот», это завершившее собой этап в творчестве Пагына:

*Не обо мне заплачет дождь
и не меня коснется иней
деревьев голых...
это ложь,
что все само идет на имя.*

Целая пропасть между теми и этими строками! Однако это внутренний кризис, не имеющий связи с внешним социальным миром. «Где честный звук и четкое значение?» – спрашивает поэт, являя себя в образе Дон Кихота:

*То ли конь твой упал, то ль с коня
ты слетел среди белого дня.
Нет ни мельниц тебе ветряных
ни гигантов рукастых и злых.*

Запутавшись в казалось бы накатанной

дороге, он делает попытку художественно-го осмысления проблемы, что само по себе является выходом из тупика.

Стихи Сергея Пагына проникнуты мотивами многих поэтов: Мандельштама, Есенина, японской поэзией – тот самый конь, с которого ему пришлось слететь. Как и ранний Мандельштам, Пагын лишь «приглубляет» мир, не углубляясь в него, а потому его реальный вкус – только ингредиент в коктейле мифологического взгляда на мир. Преображенные этим взглядом вещи сами в свою очередь становятся мирами, в которых Слово, материализующее их, приобретает сакральный характер. Сакрализация слова проходит красной нитью через его книги.

*Здесь камню и вину, и чаше, и свечам,
всей утвари, податливой и сонной,
дана иная участь,
Божий храм –
собрание вещей преобразенных.
...А в слове «дерево» – томлень по корням
и боль коры морщинистой и грубой.*

Пагын углубляет и расширяет только затронутое Мандельштамом.

*...И ныне я не камень,
А дерево пою.
...Стучите, молотки,
О деревянном рае,
Где вещи так легки.*

«Молотки», вбивающие сваи – образ строительных работ, весьма и весьма не легких – Пагын заменил образом слова:

*Я светлые звучащие слова
...в ладони принял и заколдовал,
вложив во тьму дремучей сонной плоти.*

«Своим пером» передает он и чувство, уже воспетое Есениным, но ощущаемое каждым человеком:

*Послушные предметы и тепло...
Но мышью в сердце странная тревога:
все кажется, с вещами заодно
я лишь присел на долгую дорогу.*

Что же касается «японских экзерсисов», то они удачно вписываются в мир Пагына как освоенный урок, но остаются при том стилизацией. Не скрывал своего внимания к японской поэзии и Федерико Гарсиа Лорка, корни творчества которого уходят все же в традиции испанского фольклора – романсеро. Прежде всего в них черпал он мифологическое преобразование реальности

(гаснут окна и фонари – появляются светлячки и звезды, освещая уже иную призрачную, зодиакальную ночь), фрагментарную композицию стихов и поэм, перемену перспективы от события и человека к природе и мирозданию, намечающую два плана: местный и духовный. Душевное состояние он передает через преобразенную им реальность окружающего мира, исходя из его трансцендентальности (солнце может быть и зеленым, просто человек чаще всего видит его желтым). Миниатюрные зарисовки не связаны между собой предложениями, отглагольными оборотами и развернутыми метафорами, но будучи фрагментарными, создают единую сюрреалистическую картину. В них не самоцель поэта, ибо при необходимости он легко переходит к более привычной поэтической речи, а средство для достижения большей выразительности. Сергей воспринял ту же модель, но пока его стихи носят сугубо частный характер.

Конечно, миры Гарсиа Лорки и японской поэзии неразрывно связаны с особенностями культуры и быта. Распространенный в Японии буддизм предлагает медитативное углубление в себя в целях достижения духовного совершенства, культовой основой синтоизма выступает живая природа. В немалой степени это обусловлено и местным ландшафтом. Мудрость там – достижение гармонии с природой и растворение в ней. Искусство борьбы, икебаны, философия и хокку – грани одного целого. Федерико Гарсиа Лорка вывел культурное ядро своего народа, чтобы яснее понять те проблемы, которые ставила перед ним современность, главная из которых – надвигающийся фашизм. Сергею как поэту еще предстоит приступить к этому глубокому и вдохновенному труду, поскольку Молдова также не лишена своих традиций, песен и особенностей культуры.

*Часы,
лишенные стрелок, –
бескрылое насекомое. –*

бесполезный механизм, утративший свое предназначение – насекомое, выпавшее из жизни, которой оно предназначено. Это лишь метафора, обособленная автором наподобие хокку, начало, требующее продолжения, такое же безвременное, если не бесполезное само по себе.

*Рекою душа играла
под синюю кровлей.
А время на циферблатах
уже истекало кровью, –*

в строках Гарсиа Лорки – радость мирной жизни драматически обострена грядущими событиями.

Немалое внимание Пагыну следует уделить и лексике. Просторечия и термины вторгаются в поэтические образы, как звук железа по стеклу в оперное соло. «Метаморфозы летнего дождя» без ущерба для авторского смысла можно заменить на «лики», обогащающие поэзию этих строк. В свою очередь, джазмен – название профессии, как врач или учитель. «Давай накинём белые одежды» – базарное «давай» стилистически несовместимо с белыми одеждами.

*Так обрыдло срываться в шепот,
В древний заговор, в ворожбу...
...Страх протопал замшелым вием...*

Слова «обрыдло» и «протопал» (перен. зн.) теряют остроту, которой наделены в своей лексической группе и «простаивают» в стихотворении, полном энергии и динамики.

Настоящему поэту присуща органическая спаянность высокой художественности и современности. Разумеется, знать современность, не зная прошлого, невозможно. К тому же современность (которая неразрывно ассоциируется с урбанизацией и научно-техническим прогрессом) зачастую далека от поэзии, и начинать свое творчество с

описаний вокзала или спального района, где первое, на что обращаешь внимание – глыбы домов, киоски и автомобили между ними, не стоит. Кроме того, как писал Н. Асеев, развитие литературы тормозит опрощенье: «Опрощенье – сознательный отказ от трудностей и риска быть непонятым ради общедоступности и привычности; высказываемое таким образом становится местом, против которого нечего возразить, но которому нечего и удивляться». К нему и прибегают неопиты, будучи еще не в силах оценить и осознать то, что происходит с ними и вокруг них.

Сергей Пагын обладает редкой на сегодня образностью, что уже спасает его от опрощенья. А поскольку поэт растет, как и ребенок, осваивая новые сферы бытия, то и Сергей, пройдя школу лучших поэтов, неизбежно расширит свой творческий мир, обладая единственно современной способностью – своим Словом, дающим возможность с полногласием истинного поэта ступать по земле.

*Все возможно,
все еще возможно:
бег босой и облако во сне,
и полет ночной, и осторожный
шаг по водам в хрупкой тишине.
Только веры...
Веры мало, знаю:
зыбки воды, воздух вял и пуст.
но ступаю – по земле ступаю,
павшей хвои осязая хруст.*

Лариса БАЛАБАН,
доктор искусствоведения

Кому много дано – с того много и спросится

Теодор Згуряну – дирижер, композитор, педагог. Родился 24 мая 1939 года в селе Кондрэтешь Унгенского района. В 1964-м окончил Кишиневский государственный институт искусств им. Г.Музическу по специальности дирижер хора, класс профессора Л.В.Аксеновой. В 1967–1976 годы – дирижер академической хоровой капеллы «Дойна», в 1976–1987 годы – художественный руководитель и главный дирижер хора Гостелерадио «Молдова», основатель (1988) и дирижер студенческого хора «Renaissance». Член Союза музыкальных деятелей (1972), Союза композиторов (1980) Молдовы. С 1987 года – заведующий кафедрой Академии музыки, театра и изобразительных искусств. Автор многочисленных произведений разных жанров.

В чем смысл жизни? Ради чего осваивают сложную профессию? Чем руководствуются в ее выборе?

Дирижирование – необычный вид деятельности. Возникнув в Левитском служении как одна из форм поклонения Богу, оно продолжает оставаться служением чему-то возвышенному. Это миссия, а не способ завоевать престижное положение, не форма самоутверждения, тем более не способ зарабатывать себе на хлеб насущный... Не каждому дано быть музыкантом. Не каждый музыкант может стать дирижером. Наделяя талантами людей, Бог лишь некоторых избирает, щедро одарив их. Наверное, это трудная обязанность, тяжелая ноша, ведь в Библии сказано, кому много дано, с того много и спросится.

Эти и многие другие вопросы хотелось бы задать Теодору Згуряну, одному из известнейших дирижеров, композиторов, общественных деятелей республики, свидетельствами широкого признания художественных достижений которого стало присуждение ему звания народного артиста Молдовы, лауреата международных конкурсов, почетного члена французской академии «Амадеус» и члена-корреспондента Американско-Румынской академии, а также высоких государственных наград.

В текущем году музыкальная общественность широко отметит 70-летие маэстро. Пройдут концерты, премьеры, многочисленные творческие встречи. Накануне этих событий предлагаем читателям размышления юбиляра о жизни, о творчестве, о себе.

– Юбилей – это вовсе не повод для подведения итогов. И все-таки, не могли бы Вы, господин Згуряну, сказать, довольны ли достигнутым? Осознает ли в принципе творческая личность то положение, какое она занимает в профессиональной иерархии, роль, которую играет в кругу коллег? И еще, в какой мере ей дано судить объективно о влиянии, оказываемом на развитие отечественной культуры, образования, в воспитании подрастающего поколения?

– Так уж принято у творческих людей, чтобы каждое новое сочинение, каждую

концертную программу выставлять на суд слушателей. Для меня это серьезный экзаме́н. После каждого нового показа произведений коллег или мировой классики я делаю определенные выводы: как творить дальше, на что я еще способен. Никогда не зазнавался, «звездной» болезнью не заражаюсь, даже после больших успехов.

Всевышним определены точные сроки нашего пребывания на земле. Поэтому необходимо свои таланты, если таковые имеются, использовать на всю мощь, творить возвышенное, что радовало бы сердца людей и заставляло бы их задуматься: есть две неоспоримые вещи – Бог и Смерть! Для каждого творца самым строгим судьей должен быть он сам.

– В юбилейный год, наверное, мысли невольно обращаются к началу пути. С чего же началось увлечение музыкой?

– Музыкой я стал серьезно заниматься только в двадцать лет, когда был принят в Госконсерваторию на педагогическое отделение в класс профессора Л.В.Аксеновой, но любовь к этому искусству я впитал с молоком матери, которая напевала мне народные песни. Отец обладал очень красивым баритоном, пел в церкви, в поле, на праздниках, повсюду. Об артистической карьере в юности я не задумывался: мечтал стать военным офицером. Но в Каларашском педучилище, где я обучался, повстречался мне замечательный наставник Дмитрий Бердышев, который увидел во мне какие-то особые способности к музыке и вынес свой вердикт: «Военных много на свете, ты же должен стать профессиональным музыкантом». С тех пор и «обеднела» армия на одного офицера, а музыкантов стало на одного больше.

– В 1967–1976 годы Вы работали дирижером академической хоровой капеллы «Дойна», затем более десяти лет художественным руководителем и главным дирижером хора «Телерадио-Молдова», в 1987-м на пике дирижерской карьеры Вы неожиданно для всех перешли на преподавательскую работу. Чем вызван такой вираж судьбы?

– На этот вопрос я бы ответил красивым анекдотом, хотя ко мне это не относится. Встречаются два приятеля, которые давненько не виделись, и спрашивают друг друга о работе. Первый говорит, что по-прежнему играет в оркестре на контрабасе, а второй с надменной улыбкой отвечает: «А я стал классиком!» На что первый по-дружески ему заметил, дескать, нехорошо самого себя называть классиком! «Да, да! Я понимаю, только я имею в виду, что рань-

ше я играл на сцене, а сейчас вот преподаю, т.е. работаю в классе». К счастью, со мной так не случилось, потому что, придя на кафедру, я создал женский камерный хор «Renaissance», с которым объездил пол-Европы, завоевав семь лауреатских званий, а дважды (в Болгарии в 1995-м и в Венгрии в 1996-м) мне вручали дипломы и премии лучшего дирижера конкурса. После длительного турне по Франции в 1993 году и нескольких мастер-классов меня удостоили звания «Почетный член Академии Amadeus». Да и после передачи хора «Renaissance» в надежные руки Оксаны Филип мне не сидится только в классе: разучиваю произведения коллег, записываю их на радио, да и сам сочиняю, говорят, много.

– Вы очень много сил отдаете педагогической деятельности. А что она дает вам?

– Приносит огромное наслаждение, ведь студент есть отражение педагога. Отрадно, когда ты наблюдаешь своего питомца, постепенно поднимающегося по довольно крутой лестнице исполнительского искусства. Могу с гордостью назвать несколько имен, которые уже вписали заметные страницы в исполнительское искусство республики.

Это лауреаты международных конкурсов Маестру ын Артэ Оксана Филип, доктор музыкознания Эмилия Морару, Светлана Весиловски, Ольга Бурля и т.д.

Быть педагогом-музыкантом огромная ответственность: либо ты отдаешь полностью себя без остатка призванию, либо надо искать себе другое занятие. Третьего не дано!

– Отличается ли нынешнее поколение студентов от своих сверстников 80-х?

– Археологи, раскопав какие-то древние камни, расписанные трудночитаемыми иероглифами, в конце концов все же прочли: «Тяжелые времена настали... Пошла другая молодежь, не то что мы были...». Имея большой стаж работы с молодежью, могу с уверенностью сказать, что сегодняшняя молодежь ничуть не хуже «вчерашней». Просто происходящие в обществе не всегда лучшие перемены отрицательно влияют на неоформившиеся юные души. Зачастую они становятся безразличными к своему будущему. Многие хотят быстрой выгоды от жизни, не отработав еще ни дня; некоторые завидуют своим школьным коллегам, которые накануне не блистали учебой, а сейчас «процветают», имея машину, квартиру, деньги. Не приложили ведь для всего этого ни малейшего усилия. По этому поводу я бы обратился к коллегам-педагогам, к родителям: найдите тот ключ к сердцу вашего чада и направьте его на путь истины, на путь, указанный Всевышним, и вы увидите, сколько радости и признательности затем принесут вам ваши питомцы.

– Вы автор симфонии, посвященной Михаю Эминеску, однако общественность в «живом» исполнении ее так и не услышала. Что связывает вас с последним из романтиков XIX века?

– Эминеску – нескончаемый источник вдохновения и для композиторов, и для художников, и для театралов. Его гений почитаем во всем мире. Ведь он не только поэт, не только публицист и литературный критик. Он произвел фурор среди ученых-астрономов, «заглянув» в бесконечные космические дали. В своем творчестве я обращался к его лире много раз, начиная с романсов, потом была кантата «Răsaî asupra

mea, Lumină Lină», затем я использовал его бессмертную «Дойну» в оратории «Ştefan cel Mare și Sfînt». Ну а недавно я действительно закончил работу над симфонией «Эминеску», записав ее на «Телерадио-Молдова». Кстати, в прошлом году, в день памяти поэта, она несколько раз пошла в эфир, чему я очень рад, ибо многие люди звонили и благодарили меня за показ такого огромного полотна. Надеюсь, что в ближайшее время оно прозвучит и в концертных залах.

– В числе немногих молдавских авторов Вы постоянно обращаетесь к историческому прошлому родного народа. Здесь и опера «Дечебал», и оратории, и многие другие сочинения...

– Закономерно и естественно, что мой взор обращен к историческим событиям моих предков. Ну а опера «Дечебал» стоит особняком. Она исполнялась 10 августа 2002 года на международном фестивале «Приглашает Мария Биешу», и премьера прошла, на мой взгляд, с огромным успехом! Ее не ставят только потому, что у кого-то такие имена, как Дечебал и Троян, стоят поперек горла. Хотя во всем мире знают достоверную историю конфронтации этих двух военных гениев, которая и дала ассимиляцию двух народов.

– Вы одним из первых в стране стали возрождать духовную культуру, не только создавая собственные опусы на канонические тексты, но и пропагандируя наследие прошлого, творчество нынешних коллег по цеху. Что Вам дает общение с незаслуженно забытым пластом культуры?

– На самом деле он не просто был отброшен и забыт – категорически запрещен к исполнению. Большинство храмов были закрыты, священнослужители расстреляны или сосланы в края, откуда возврата нет. Народ сильно ущемили запретом на вероисповедание. Лишь только в конце 80-х XX столетия наступило первое потепление к возврату духовных ценностей. Но даже в прежние тяжелые времена библейская тематика меня особенно интересовала. Позднее мною написаны «Оратория Псалмов», «Пророк Давид», «Ночь святого Андрея Первозванного», «Литургия Иоанна Златоуста» и др. Я создал хор из студентов,

назвав его символически «Renaissance» (т.е. «Возрождение»), с единственной целью: воскресить духовные песнопения нашей Бессарабии, затем взяться и за XV-XVI века, т.е. саму эпоху Ренессанса, перед которым преклоняется весь мир! Буквально во всех странах, где мы выступали, это слово произносят с особым восторгом и почтением: «Выступает хор "Renaissance", Молдова!».

– Ваше отношение к фольклору?

– Связан с ним всеми своими узами. Без него не мыслю свое творчество! Я невольно сливаюсь с напевами моего народа, даже если порой пропускаю их сквозь призму современных гармоний или необычных построений. В молодости сам увлекался собиранием фольклора, записывая сотни образцов народной музыки. В 1965 году участвовал во всесоюзном съезде фольклористов – на меня это произвело огромное впечатление.

– Придя в вуз, Вы основали и возглавили хор «Renaissance». Почему в нем только девушки?

– Я уже говорил об этом выше: мне нужно было создать нечто новое, особенное и главное, чтобы это был очень гибкий, мобильный коллектив, способный осилить партитуры любой сложности. Случай подтвердился сам по себе. В составе хора кафедры 1988-го учебного года оказалось 60 девушек и 10 юношей. Что это за хор? Пародия! И я решил перекроить этот состав на два нормальных хора, т.е. женский и смешанный. Иные коллеги по кафедре посмеивались над моей новизной, дескать, ничего у Вас не получится! Однако вышло наоборот. О женском хоре стали все чаще и чаще говорить, газеты начали писать хвалебные рецензии. Съездили дважды на Украину, несколько раз – в Румынию, ну а после блестящей победы в Таллине нас заметили многие страны.

– С этим хором Вы исколесили пол-Европы, стали лауреатом ряда международных конкурсов. Что запомнилось особо?

– Да, это так! Мы ездили много, и каждый раз одерживали победы, где большие, где меньшие, но ниже третьего места не опускались. К великому сожалению, из-за нашей вопиющей бедности мы не могли от-

ветить на целый ряд престижных приглашений. Очень многое запомнилось. Я бы смог каждый конкурс описать в мельчайших деталях. Ну, вот, к примеру, один: когда в 1991 году мы получили обязательную партитуру из Таллина, я удивился невероятной сложности письма, а главное – не были указаны ни темпы, ни нюансы, ни характер интерпретации. Когда попытался узнать о неопрятной «оплошности», мне ответили: «Делай, как можешь!» Много бессонных ночей провел я в разгадке той «Глории» Н.Отсса. А когда мы готовились к выходу на сцену, перед нами выступал женский хор Таллинской консерватории. Конечно же, исполнялась та самая коварная партитура, причем совершенно иначе. Мои девочки, изрядно испугавшись, спросили меня, как быть. На что я им сказал коротко и ясно: «Они поют так, а мы споем по-другому!». И победа была за нами. Еще один показательный момент с того же конкурса. На акустической репетиции, поздно вечером, в ожидании своей очереди я обратился к профессору В.Лаулю, ректору Таллинской консерватории, с просьбой подсказать, правильно ли по тексту и характеру исполняю «Ласточку» Густава Эрнессакса. Он охотно согласился и после репетиции сам подошел ко мне со словами: «Вы поете медленнее эту песню, потому что считаете нас северянами. Мы поем это быстрее». Я отвечаю: «Весьма благодарен, профессор, конечно, это я учту, и мы споем как надо». На что услышал: «Ни в коем случае! Вы лучше поете». Этим воспоминаниям конца и края нет!

– Гастролируя, Вы имеете возможность сравнивать, на каком уровне находится хоровое искусство Молдовы...

– Да, я слышал очень много хоровых коллективов разных стран. Очень сильны Венгрия, Литва, Эстония, Америка, Южная Корея, Филиппины. Но наша Молдова ни в чем не уступает. Все коллективы Академии музыки блестяще себя показывают, добавьте сюда хор «Credo», «Moldova» и др.

– Как Вы оцениваете современное состояние молдавской хоровой культуры? Как представляете перспективы ее развития?

– Во всем мире делается очень многое для развития хорового искусства. Разные

государства ежегодно проводят конкурсы, фестивали, мастер-классы дирижеров-хормейстеров. В Прибалтике, скажем, популярны «Праздники хора», проходящие под патронажем главы государства, на которые стекаются до 20-30 тысяч хористов! Эстетическое воспитание там превыше всего, ну и результаты налицо – культура тех стран на самом высоком уровне.

зиумах, Вы член правления ряда творческих союзов. Как все успеваете?

– Да, это отнимает довольно много ценного времени, но зато я в курсе всех событий и, главное, могу добрым советом помочь любимому делу.

– Что в Ваших ближайших планах?

– Не люблю говорить о том, о чем только мечтаю!

Хотелось бы, чтобы и мы не оставались в стороне. Много уже делается и у нас, открываются школы с музыкальными классами, в каждой из них – свой хор. Я вижу музыкально-эстетическое воспитание неотъемлемой частью общего воспитания! Сейчас вошла в моду сольная карьера, пение, «обработанное» на компьютере. Между тем еще древние греки говорили: «Если ты не поёшь в хоре – ты бескультурный человек».

– Вы занимаетесь активно общественной работой: Вас часто можно видеть в жюри, на конференциях, симпо-

– И все-таки, кто Вы в первую очередь: композитор, дирижер или педагог?

– Для меня все эти три понятия идут через знак равенства. Все мне дороги, ко всем отношусь с величайшей ответственностью! Да поможет мне Бог!

– Если бы Вам представилась возможность начать все сначала...

– Пошел бы тем же путем!

– Желаю Вам, маэстро, долгой-долгой и счастливой дороги в служении Великому и Возвышенному! Здоровья Вам и творческого долголетия!

Сергей ПОЖАР

Родился 22 апреля 1961 г. Выпускник музыкального училища им. Шт. Няги, Молдавской государственной консерватории им. Г. Музическу (кафедра теории музыки и композиции), Университета марксизма-ленинизма (факультет этики и эстетики). Докторант Института культурного наследия Академии наук РМ. Преподаватель музыкально-теоретических дисциплин и фортепиано Школы искусств им. В. Полякова. Автор монографической серии «Гордость музыкальной Молдовы», нотных альбомов, книг «История музыкального Кишинева», «Лучафэра таинственный полет», «Плоды одного древа» (совместно с К. Шишканом) и др. Опубликовал свыше 1500 газетных и 150 журнальных материалов, научных и энциклопедических статей. Член Союза композиторов и музыковедов, Союза музыкальных деятелей, Союза журналистов, Союза театральных деятелей.

Развлекался сам и народ приобщал к искусству

Кто не слышал о бесконечной потемкинской лестнице в Одессе? Или о легендарных потемкинских деревнях? Хорошо знакомо многим и имя самого Григория Александровича – государственного и военного деятеля, дипломата, генерал-фельдмаршала (1784). Только вот мало кому известно, что он является одним из первых просветителей и пропагандистов искусства и высокой культуры в Молдове.

На свет он появился 24 сентября 1739 года в семье мелких провинциальных смоленских дворян. Участник дворцового переворота 1762 года, любознательный и отважный молодой человек вскоре стал фаворитом и ближайшим помощником императрицы Екатерины II. Он способствовал освоению Северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма к Российской империи был награжден титулом светлейшего князя Таврического. Воплощая в жизнь идею государственности как абсолютной монархии, содействовал расширению границ страны, укреплению ее международных позиций.

В русско-турецкой войне 1768–1774 годов князь участвовал в битвах при Фокшанах, у рек Ларга и Кагул, получив за доблесть чин генерала. В результате следующей русско-турецкой войны 1787–1791 годов, в которой командовал русской армией, часть левобережья Днестра была включена в состав России.

Г. Потемкин входил в число самых эрудированных людей своего времени. Воспитанник Московского университета, куда поступил в год его основания (1756), он учился с Д. Фонвизиним и Н. Новиковым, дружил с ними и покровительствовал таким выдающимся деятелям культуры, как Г. Державин, В. Петров, Е. Костров, М. Березовский, О. Козловский, Дж. Сартини, И. Хандошкин, Ш. де Пик, Г. Козлов, И. Старов, Ф. Данилов, М. Иванов, М. Шибанов и многие другие. Он увлекался архитектурой и живописью, литературой и театром. Являясь «великим режиссером императорских феерий» (по свидетельству историка К. Валишевского), князь обладал незаурядными актерскими данными, с 1774 года повсюду возил за собой драматический театр, на который не жалел ни средств, ни времени. Однако более всего любил музыку, ставшую непременной частью его быта. Он приглашал на службу крупнейших композиторов эпохи, выписывал танцовщиков из Парижа, певцов из Италии, у фельдмаршала К. Разумовского перекупил за баснословные деньги знаменитый роговой оркестр. Стал инициатором открытия первой в России Музыкальной академии (в качестве составной части Екатеринославского университета). Проявляя интерес к музыке разных народов, особенно любил русский и украинский фольклор. Если обнаруживал у других хозяев талантливых крепостных, то выкупал и обучал их. Среди музыкантов в его став-

ках находились и молдаване, играющие на свирелях, т.е. на флуерах.

Григорий Александрович жил с исключительной роскошью и расточительством, поскольку являлся одним из крупнейших крепостников империи, владевшим колоссальным состоянием в виде земель, недвижимости, крепостных, драгоценностей и денег. Но более всего накапливал художественные ценности в виде картинных галерей, библиотек, хоров, оркестров.

Во время победоносной русско-турецкой войны организовал в Молдавии три ставки, являвшие собой некое подобие Петербургского двора: в Яссах, Дубоссарах и Бендерах. Художественные впечатления представителей молдавского населения, связанные с музыкально-театральным бытом, там были столь значительны, что позволили говорить об «эпохе Потемкина» в Молдавии. Тем более, что Светлейший, сознательно укреплявший связи россиян с населением края, постоянно привлекал ко двору местную знать, «особенно был ласков к молдавским боярам и их прелестным куконам» (Н.Надеждин). Много молдаван служило при главном штабе и в действующей армии. Среди них – выходцы из старинного боярского рода Кантакузино, в одном из загородных домов которых располагалась резиденция князя в Яссах.

«Унылая армия, – утверждал Потемкин, – не способна к великим предприятиям». Поэтому он устраивал помпезные развлекательные действия не только при главной квартире, но и в усадьбах видных молдавских бояр (Стурдзы, Кантакузино и др.). В особо же торжественных случаях, связанных с военными успехами, – прямо на открытом воздухе при огромном стечении народа, в том числе простого люда. Таковым было исполнение в 1789 году оратории «Тебе, Бога, хвалим», специально написанной Дж. Сартти по случаю взятия Очакова. Недалеко от Ясс на поле Цуцоры перед многотысячной толпой выступало до 300 оркестрантов и певцов. Все это сопровождалось колокольным звоном, фейерверком и залпами 10 орудий. В уникальные представления вылились и первые показы в Бендерах кантат Дж. Сартти «Юпитер, слава и смерть» и «Те Деум» на взятие крепости Килия. По своей мощи и красоте их мож-

но сопоставить с Петербургской премьерой кантаты того же автора «Славы в вышних Богу» для двух хоров, двух оркестров, рогового ансамбля, с пушечными выстрелами и фейерверком, которая была дана в 1792 году по случаю окончания войны.

О другом образце потемкинского праздника мы узнаем из описания знаменитого представления, устроенного князем в 1791 году в честь взятия Измаила. Оно прошло в Конногвардейском (позднее «Таврическом») дворце Петербурга. Огромная труппа, прибывшая с ним из Ясс, показала два уже готовых и «обкатанных» аллегорических балета (один из них с хором) и две комедии на французском, служившем тогда языком межнационального общения.

По свидетельствам современников, ставки Потемкина были похожи скорее на двор, чем на лагерь. Здесь «азиатская роскошь и европейская утонченность соединялись на праздниках, следовавших один за другим, непрерывной цепью... Лучшие современные артисты стекались тешить «великолепного князя», у которого в гостях толпились важные знаменитые вельможи соседних стран» (Н.Надеждин). «Балы сменялись театрами, фейерверки и кавалькады – концертами светского и духовного пения» (Г.Данилевский).

В первоисточниках есть сведения, что Потемкин при главной квартире в Молдове имел «полную капелю музыки в составе 200–300 артистов, куда входили инструментальный, духовой, роговой оркестры и огромный хор, собственный театр, который переезжал за ним во все места...» – он включал «хороших комедиантов, особливо же хороших оперисток» и «целую группу балетных танцоров и танцовщиц». Князь «содержал за дорогую цену виртуозов разного рода, певиц, плясунов, шутов, забавных дураков и даже хор раскольников».

Гораздо меньше мы знаем конкретные имена артистов. В первую очередь назовем выдающегося итальянского композитора и педагога, Почетного члена Петербургской Академии наук Джузеппе Сартти, в чьи обязанности входило создание торжественных ораторий, кантат, гимнов, разучивание и исполнение их. В нашем крае рождаются его лучшие партитуры, отнесенные академиком Б. Асафьевым к высшим достижен-

ям «музыкального петербургского барокко». Из его многочисленных воспитанников выделяется Осип Козловский, в ту пору офицер русской армии. Его перу принадлежат самые ранние из известных обработок молдавских мелодий и музыка к драме «Взятие Измаила» на текст двоюродного брата Светлейшего, участника войны, генерала П.С. Потемкина. Не исключено, что, именно находясь в Молдове, Козловский создает знаменитый полонез «Гром победы раздавайся!» на стихи Г. Державина, ставший первым Государственным Гимном Российской империи.

Возле Дж. Сартти находился также другой его ученик – Степан Давыдов, впоследствии автор популярных опер и балетов. Известно также, что князь собирался пригласить к себе в Бендеры гениального композитора и пианиста В.-А.Моцарта. Он даже вел переговоры на сей счет с русским послом в Вене графом Андреем Разумовским, который не без оснований утверждал, что творец «Свадьбы Фигаро» и «Дон Жуана» «был недоволен своим положением... и охотно предпринял бы это путешествие».

Среди других потемкинских артистов до нас дошли сведения об Иване Нестерове и Филиппе Лопулине, совмещавших обязанности танцовщиков и живописцев, музыканта и художника Александра Новикова и просто музыкантов – Быльцова, Латышова, Богдановича, Кандыбы и т.д. Из Петербурга приехал балетмейстер Розетти, а также юные питомцы известного балетного постановщика и педагога Шарля де Пика. А вот бедного самородка Евстафия Алтини из Ясс он, напротив, посылает учиться в Венскую Академию художеств...

Загадочен уход Светлейшего князя в мир иной. Взяв неприступный Измаил – последний серьезный оплот турецких полчищ, – он уезжает с докладом в Петербург. По возвращении же в ставку узнает с негодованием, что при подписании предварительных условий мира с Османской им-

перией генерал-фельдмаршал и дипломат Николай Васильевич Репнин все военные заслуги отнес на свой счет. Не меньше разволновала его и внезапная смерть другого генерала – высокопочитаемого им принца Карла Виртембергского. Выйдя из церкви, где отпевали покойного, Г. Потемкин по рассеянности сел в дроги, приготовленные для усопшего. Это стало последней каплей после всех волнений, подорвавших его сердце. Почувствовав себя совсем скверно, он велел срочно готовиться к отъезду, оговорившись: «По крайней мере умру в Николаеве». 19 октября 1791 года в десяти верстах от села Пунчешты (ныне Старые Редены Унгенского района Молдовы) Светлейший остановил карету и произнес: «Будет, теперь... некуда ехать... я умираю... Выньте меня из коляски... хочу умереть в поле».

Его племянница графиня Браницкая тут же поручила художнику Казанову, работавшему при ставке, воспроизвести все происшедшее на полотне. Иванов, другой художник князя, нарисовал его лежащим в гробу. С обеих картин сделали гравюры, ставшие вскоре большой редкостью.

Графиня распоряжается также прямо в степи, на месте кончины Г. Потемкина, соорудить круглый каменный столб с домиком для сторожа вблизи. После разрушения колонны на ее месте воздвигают обелиск из ракушечника высотой 13 метров, стоящий на квадратном основании. Недалеко от него лежит большой памятный камень, украшенный резным рельефом, на котором высечен текст: «На сем месте преставился князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический».

Георгий КАЮРОВ

Продолжение. Начало в предыдущем номере.

По ту сторону

Повесть

Прошедших медосмотр собирали в накопитель, куда периодически входил дьячок и, выкрикивая фамилии, делил собравшихся на две группы. Меньшую – выводили в дверь с выкрашенными стеклами обратно в коридор, с которого начинался медосмотр, – это были те, кто не прошел медкомиссию и на второй экзамен не допускался. Но об этом мы узнали позже. Большую группу, в которую попали мы с Виктором и Семен, дьячок вывел в другую дверь с приколоченным к ней восьмиконечным крестом. Мы прошли по темному коридору, и когда, натываясь друг на друга, все остановились, дьячок открыл следующую дверь в просторное помещение, осветив и нас и коридор ярким солнечным светом. Нашему взору предстали полки с аккуратно сложенными одеждами и огромные полосатые мешки, набитые бельем. В нос ударил тяжелый воздух с парами хозяйственного мыла. Встретила нас хозяйка прачечной – добротная баба в наглухо повязанном платке. Она тут же расплылась в улыбке:

– А-а, касатики, будем знакомы – тетя Лида, – представилась кастелянша и тут же принялась снимать с полок свертки с одеждой и выкладывая на прилавок.

– Всем одеваться, – призвал дьячок.

Отроки начали хватать одежды и подняли веселый гомон. Это было первое веселье с самого начала медосмотра. О группе, которую вывели в другую дверь, вспомнили, когда все оделись и разглядывали новые семинарские наряды – подряски. Дьячок просто прокомментировал наш интерес:

– Все, кто находится здесь, годятся по телосложению и мускулам быть батюшками.

Мы с облегчением выдохнули, и тут же грянуло дружное «Ура!» Но недолго длилось ликование. Вдруг кто-то сказал:

– Еще же второй экзамен.

Опять наступило гробовое молчание. Разрядил обстановку все тот же дьячок:

– Одеваемся, одеваемся, сам ректор распорядился вас облачить, стало быть, все поступите. Благодарите наступающие перемены в стране. Набор должен быть полным.

Последних слов дьяка мы не поняли, но новый выдох облегчения пронесся по толпе уже без дополнительного ликования. Общительный же дьяк продолжал распространяться:

– Не все дойдут до окончания.

– Как это? – поинтересовался кто-то из поповичей.

– А вот так! – многозначительно заключил дьяк. – Отсеетесь за четыре года. Добре, если половина дойдет. Не такой простой путь вам предстоит. Тернист путь в батюшки.

– А к богу? – с серьезным видом спросил дьяка Семен, а мне лукаво подмигнул.

Во взглядах отроков застыло напряжение. Дьяк не понял Семеновой иронии и на полном серьезе ответил:

– К богу путь у каждого свой... – и, выдержав паузу, заключил. – Аминь!

Каждый отрок озадачился услышанным, но своим не изменившимся надменным видом показывал, что к нему это не относится.

После облачения в семинарские одежды многих отроков невозможно было узнать. Их лица застыли в величественных гримасах. На тощих грудных клетках засияли маленькие нательные крестики-распятия, которые они то и дело поправляли. На что Плогий, пришедший проверить облаченных отроков, язвительно сказал:

– Чего нательные распятия выставили?

Не все поняли, в чем промашка, а Плогий, выдержав паузу, уже гаркнул:

– Значит так! Убрать с подрясника!

Отроки засуетились, пряча распятия туда, где им и место. Плогий наблюдал за всем молча. Когда строй успокоился, он еще более зычно приказал:

– Завтра второй экзамен! Марш все в общежитие! На расселение, – и, круто развер-

нувшись, ушел. Дьяк только крикнул от удовольствия. За всю свою жизнь, проведенную в стенах семинарии, он не раз видел подобные сцены и для себя с них начинал курс обучения для новичков. Он по-отечески относился ко всем отрокам, особенно к вновь прибывшим. Их ему было чуточку жаль. Поэтому, отворачиваясь от отправляющихся в общежитие отроков, растроганный дьяк прослезился. Для него торжественная часть на этом и закончилась.

К началу первого экзамена сумки с вещами отроков свалили в холле общежития. Так распорядился предусмотрительный комендант, чтобы сразу исключить из числа поселенцев тех, кто провалился после первого тура. Прошедшие первый экзамен и облаченные в подрясники, будущие батюшки кинулись выхватывать каждый свою сумку. Хватали – как рвали. В результате разворошили все и разбросали сумки с вещами тех, кого отсеяли. Какая-то неоправданная злоба взвилась над головами будущих батюшек. Надо полагать, и подворовали, не побрезговали. Мы с Виктором наблюдали за нашими завтрашними одноклассниками и диву давались. Все на радостях улыбались, но смотрели и совершали пакости над вещами неудачников со злобой. «Чем ближе к вышке, тем виднее задница мартышки», – вспомнилась мне любимая отцом поговорка. «Как нам повезло», – отметил я про себя и тут же поделился с товарищем:

– Хорошо, что нас не заставили собирать вещички и освобождать комнаты.

– Тихо, – зашипел на меня Виктор, указывая на старуху у двери, зорко наблюдающую за бедламом. – Они, наверное, решили, что мы старшекласники.

– Сейчас проверим.

– Ты куда? – хватая за руку, попытался остановить меня Виктор.

– Пошли за мной, – уже я вцепился в руку товарища и потащил его навстречу старухе, которую мы благополучно миновали. Она даже не попыталась нас остановить, пропустила с таким видом, словно узнала своих. Проскочив на второй этаж, мы пожали друг другу руки и с восторженным чувством разошлись по обжитым углам, ожидать соседей. Откуда-то снизу раздавались распоряжения, отдаваемые старухой, и, вторя ей, приближался гомон торжествующих отроков.

Расселяли по двое-трое в комнатах. Не повезло тем, кого разместили по трое. Комнаты, так называемые кельи, рассчитаны на двоих – по количеству шкафов. Как разделить два шкафа на троих, ума не приложу.

Наконец, дошла очередь и до моей комнаты. В дверях показалась старуха, сопровождаемая семинаристами-поселенцами. Из толпы протиснулся Семен и, быстро смерив меня взглядом, скомандовал:

– Так. Тут я остаюсь, – он поднадавил на «я» и, бросив на кровать сумку, по-свойски подмигнул мне. Затем, резко развернувшись, Семен воздел руки кверху и забасил: – Все, все. Нам здесь и вдвоем тесно будет. Не видишь, матка, какое у меня брюхо? – с этими словами Семен выпучил глаза и навис над старухой, грозно уставившись ей в темя.

Старуха собралась было возразить, но Семен надул пузо и надвинулся на нее. Старуха, быстро оглядев комнату, удалилась, уводя за собою всех остальных. Шумная толпа поселенцев переместилась в комнату напротив, к Виктору. Я с облегчением выдохнул и ждал, разглядывая моего будущего соседа по келье с нескрываемым весельем. Семен медленно повернулся, показывая свою сияющую физиономию. Он был доволен тем, что отбил для себя желаемое пространство.

– Будем жить вместе, – пробасил Семен и, розовея, улыбнулся.

Я не успел ответить, как опять открылась дверь, и вошел мужик с ящиком инструментов. Он молча подошел к открытому окну и, захлопнув шипку, заколотил гвоздями. В ответ на наш немой вопрос сухо пояснил:

– Не положено, – и удалился.

Мы рассмеялись в спину плотнику. Черт с ним, с этим окном, только бы не подселили третьего.

– Запри дверь на ключ, и молчок, – приложив палец к губам, засуетился Семен, когда

за плотником закрылась дверь. Подойдя к заколоченному окну, он потянул, проверяя его на прочность. Створка скрипнула под напором амбала, а тот прокомментировал: – После откроем.

– Располагайся. Эта тумбочка твоя, – наконец, смог и я проявить гостеприимство, с интересом наблюдая за Кувалдой, с которым, может быть, предстояло прожить четыре семинарских года. – Твой шкафчик правый, – вводил я в курс общежития своего соседа. – Койка эта, – ткнул я пальцем на кровать, на которой уже лежала огромная сумка Семена.

– Хлиповата сеточка, – Семен, проверяя сетку на прочность, слегка, как мне показалось, придавил ее, да так, что та едва не коснулась пола.

Мне пришлось признать, что в этом толстяке сидела недюжинная силища.

– Матрас там, на антресоли, – продолжал я знакомить Семена с хозяйством нашей комнаты. – Постельное белье в том мешке.

Семен слушал и исправно обустроивался в новом жилье. Он, как пушинку, стянул с антресоли матрас и вмиг застелил постель. Затем также легко закинул свою сумку на освободившееся от матраса место. Открыв шкафчик, Семен долго смотрел внутрь и, покачав головой, захлопнул дверцу. Я же с интересом наблюдал за моим соседом по комнате и утвердился окончательно: «Кувалда».

Поселение было закончено, и Семен, уже как полноправный жилец нашей кельи, свалился на кровать, которая по-своему приветствовала нового жильца – она рухнула, огрев Кувалду битьем по голове.

– Чуюла моя душа – бесовская кроватка хлипкая для праведника, – сквозь стон лукаво улыбался Семен, потирая ушибленную голову.

Уже вдвоем мы снова наладили кровать, и Семен опять попробовал ее на прочность, как и прежде с силой надавив. Критически осмотрев кровать со всех сторон, он все-таки медленно растянулся на ней, всем видом показывая, что не намерен отступить. Кровать скрипнула угрожающе, но на этот раз устояла. Новичок был прописан в жильцы!

Больше нас никто не тревожил. Оставшиеся до ужина полдня мы с Семеном никуда не выходили. Запершись в комнате, тихо разговаривали, знакомясь, и делились планами на будущее. Так я узнал, что Семен пошел в семинарию, только чтобы не идти в армию.

– А я от звонка до звонка, два года назад демобилизовался. Домой пришел, отец уже месяц как лежит. Я уходил – была одна страна, а вернулся – в другую, – с каждым словом грусть пропитывала мой голос, как я ни старался с нею бороться, но так на надрыве и рассказал свою незамысловатую историю прихода к Богу. – Когда отец умер, еще сомневался – идти в семинарию или нет? Думал в институт поступать. Пока похороны, пока девять дней, затем – сорок. Мать расплакалась – отец бросил, на кого ты бросаешь меня? Сроки поступления и прошли. Устроился на работу в кооператив. Их теперь расплодилось видимо-невидимо. Денег платили мало. А тут приехал новый священник. Дом, в котором мы жили, – приходский. Куда деваться? Мать все гадала, выселят нас или нет. Господу Богу молилась. Новый священник как вошел в дом, так матушку у него на глазах удар хватил. Скоропостижно скончалась. Священник разрешил пожить, пока не похороню, но потом велел освободить дом. У самого семейство. Спасибо, дал направление в семинарию. Я взял на всякий случай. Положил вместе с письмом отца. Отец перед смертью вручил мне письмо для ректора семинарии отца Владимира, сказав, что, если надумаю поступать, поеду с этим письмом к брату Владимиру. Не пригодилось, – с этими словами я достал конверт и показал своему соседу. – Я даже не читал письмо. Так и лежит нераспечатанное. Пусть лежит. Для истории. Выделил мне новый батюшка из казны тысячу рублей для поездки и поступления в семинарию. Сказал, что будет от прихода платить стипендию, если поступлю, а нет, так и суда нет. Куда идти? Прописки нет. Без нее талонов не дают. А талоны на все – масло, сахар, мыло. Отец не очень-то хотел, чтобы я посвятил себя церкви, а вот мать упрашивала не сворачивать с пути, избранного отцом для нашей семьи. Она считала, что это мой путь. Как же мой путь, если отец рассказывал, что случайно попал в священ-

нослужители. Может быть, это и есть рок – не хотеть, а прийти в церковь? Ведь народ не зря говорит: яблоко от яблони...

Семен слушал мой рассказ, затаив дыхание и с каким-то торжественным видом, потом долго еще лежал, не проронив ни слова. Помолчав, коротко сказал:

– Ты какой-то настоящий, – и замолк, обуреваемый мыслями.

Меня восхитил настрой Семена. Я не решился расспрашивать, что он имел в виду, и потому что мне понравилось, как Семен это сказал. Наш разговор так и проходил, то прерываясь, чтобы каждый мог собраться с мыслями от услышанного или сказанного, то возобновляясь. Замолкали мы как по команде лишь в те моменты, когда по коридору проходили или слышались чьи-то голоса. Даже когда в дверь тихо постучались и голосом Виктора предположили, что я, наверное, куда-то ушел, я все равно не отозвался и не открыл товарищу.

Уже далеко за полночь наша комната отходила ко сну в полном сборе и отведя душу.

Нас разбудил электрический звонок во дворе. Все время пребывания в семинарии я много раз собирался отыскать, где он находится, но так и забывал. Звонок нас только разбудил, но поднять не смог. Мы с Семеном пошевелились под одеялами и замерли.

– Надо вставать, – промямлил мой товарищ. У меня не было желания ему отвечать, хотелось досмотреть сон, развязка которого витала теперь только в моем воображении. Неистовый стук в дверь сорвал нас с постелей, и Семен кинулся открывать. За дверью никого не оказалось, но точно такой же стук раздался в соседнюю дверь, потом покатился по всем дверям комнат спального корпуса.

– Кто это? – стук так прошелся по моим нервам, что я готов был убить того, кто это сделал.

– Чертова карга, – падая обратно на кровать, выругался Семен, но не успел высказать своего возмущения. По коридору, в обратном направлении просеменила возмутительница спокойствия – ночная вахтерша, старуха-горбунья – скандируя:

– Подъем! Подъем!

Семинаристы, зевая, вяло выходили из комнат и направлялись в конец коридора, где располагалась комната для умывания, которую мы сразу прозвали умывальником. Это было небольшое помещение, панели которого выложили керамической плиткой, а не как обычно покрасили. Вдоль стен и в два ряда посередине умывальник заставили раковинами. В стене зиял проем без дверного полотна. Там находился туалет на четыре лежащих толчка.

Спустя некоторое время умывальник заполнился до толкотни. Выяснилось, что для многих будущих батюшек самостоятельное умывание – это новое занятие. Вафельные семинарские полотенца, обвязанные на талии, только подчеркивали худобу отроков.

Я успел умыться, одеться и заправить постель, а под упитанным телом Семена все еще стонала кроватная сетка.

– Семен, поднимайся! – торопил я соседа. – Опоздаешь на утреннюю.

– Это они все опоздали, – сонно прочмокал Семен. – Заутренняя еще с третьими петухами начинается. А сейчас, – Семен продрал глаза и вытаращился на будильник, – уже восьмой час. – И опять уснул, словно и не он разговаривал. Я решил все-таки поспешить на молитву, оставив Семена досыпать свою судьбу. Когда я уже был в дверях, Семен вдруг спросил:

– Знаешь, что придает уют и домашнюю обстановку комнате?

Меня рассмешил вопрос сонного товарища, и прежде всего потому, что я решил – тот разговаривает во сне. Но я ошибся, потому что уже в следующую секунду Семен приподнял голову и посмотрел на меня заспанными, но хитрыми глазками. Потешаясь, я ожидал завершения монолога.

– Так и думал, что не знаешь, – роняя голову на подушку, довольный заключил Семен и, вытащив руку из-под одеяла, ткнул пальцем в будильник. – Будильник на столе! – многозначительно протянул он, указывая пальцем в потолок.

– Семен, вставай, – я больше не мог без смеха смотреть на товарища, да и следовало поспешать.

За последние две недели это были первые сутки, когда мы не виделись с Виктором. Поэтому, встретившись на молитве, обрадовались.

– К тебе подселили? – тут же поинтересовался Виктор.

– Да.

– И как?

– Верзилу Семена, помнишь? Ну, Семен?

– А, того! Одного? Повезло. И как?

– Слава Богу! Вроде ничего.

– Ко мне двоих. Хорошо, что у меня много вещей и шкафчик забит под потолок. Так эти двое поделили один шкафчик. А где ты был вечером?

– Закрылись в комнате, чтобы третьего не подселили.

– Так ты слышал, что я приходил?

Я кивнул товарищу, приложив палец к губам. Наше бубнение начало привлекать внимание чтеца, и он пару раз уже посмотрел грозно в нашу сторону. Главное, мне не хотелось объясняться с Виктором по поводу того, почему я не открыл ему дверь, и не хотелось больше рассказывать о своем новом соседе.

После молитвы все семинаристы возвращались в спальный корпус. В воротах семинарии с журналом в руках нас встречал инспектор. Он, ни на кого не глядя, что-то заносил в журнал. Со стороны отец Лаврентий смотрелся как обычный преподаватель, который шел себе шел и тут вспомнил, что что-то забыл записать. Такое возможно, но это стоял инспектор семинарии и проходящие мимо воспитанники понимали – никуда он не шел и не просто так что-то записывал. Семинаристы в основном проходили мимо инспектора, затаив дыхание. Находились и такие, которые старались пройти, чтобы хоть как-то коснуться брата Лаврентия, а прикоснувшись, заискивающе извинялись с лъстивыми улыбками. И все это только для того, чтобы их отметили. Кто-то отважился приложиться к руке инспектора, но взять руку смелости не хватало, так и целовали – прямо в пишущую кисть. Цапля брезгливо одергивался, раздувал ноздри, но занятия своего не прерывал. Тех, кто здоровался, инспектор приветствовал, не поднимая головы. Кому кивал, а кого-то оставлял и без такого внимания, тем самым воздействуя на льстеца убийственно.

– Вы! – неожиданно выкрикнул инспектор, когда мы с Виктором проходили мимо. – Подойдите!

– Я?! – в один голос отозвались мы и остановились в недоумении, кого имел в виду брат Лаврентий. Как загипнотизированный, Виктор двинулся к инспектору и едва живым голосом, заикаясь, переспросил:

– Я?

Цапля промолчал, а я постарался быстренько улизнуть. Уже входя в корпус, я обернулся, чтобы удостовериться, правильно ли поступил. Виктор с инспектором мирно разговаривали. «Значит, его звали! Интересно, что он от Витьки хочет? – на мгновение промелькнула у меня тревожная мысль, но, отметив, как спокойно они беседуют, я тут же сам себя успокоил: – Так, ничего страшного. Еще ничего не успели натворить. Потом узнаю, чего хотел инспектор».

Дверь нашей комнаты была распахнута настежь, постель соседа еще разобрана, а самого его не было. После улицы в нос ударил застоявшийся воздух. Я тоскливо обвел комнату взглядом и еще тоскливее посмотрел на заколоченное окно. И все-таки меня волновал вопрос, куда подевался Семен? Мне недолго пришлось пребывать в догадках. Из дальнего конца коридора, эхом пустого умывальника, донесся гогот Семена. Сквозь смех он что-то говорил, а точнее нравучил кого-то. Да так зычно, что стекла дрожали на всем этаже. Его увещевания прерывались только хохотом, смешанным с плеском воды. Я направился взглянуть, что там происходит. В умывальнике уже собралась ватага отроков и потешалась разыгрывающейся сценой. Нагой Семен восседал в шлейке, одной

рукой наполнял ведро водой и затем опрокидывал себе на голову. Вокруг него, причитая, кружила старуха, чествуя на чем свет стоит бесстыдного отрока. Боясь быть облитой, она резво отскакивала от многочисленных брызг и, сжимая кулачки, показывала, как бы она поколотила срамника. Семен же гоготал и наставлял старуху:

– Ступай отселя, ведьма! Га-га-га! Ступай, старая греховодница, прочь!

Собравшихся воспитанников веселила перебранка новичка со старухой, и они всю потешались. Наконец, Семен закончил омовение и, упершись в таз, рванул всем телом, вставая. Старуха отскочила, вскрикнув и прикрыв лицо концами платка, врезалась в толпу отроков, прорываясь к выходу. Семен разразился еще более громким гоготом. Мне показалось, что еще мгновение, и он присвистнет старухе вдогонку, но Семен только подмигнул мне и, замотавшись полотенцем, потрусил в комнату, оставляя следы-озера по всему коридору.

– Донесет ректору. Не боишься? – уже в комнате с равнодушным видом поинтересовался я у товарища.

– Чего же мне, потомственному священнику, бояться? – улыбаясь во всю физиономию, вопросом на вопрос ответил Семен. – Еще мой прадед девок гонял на реке. Да так гонял, я тебе скажу, что потом пол-округи белобрысых байстрюков бегало. Любого могу со спокойной совестью дедом кликать. И ничего! Потом дед задавал этим матронам перцу так, что дым стоял коромыслом. Прошлым летом к бабушке приезжал Сам, – здесь Семен перешел на шепот, толстым пальцем указал за спину и, смешно гримасничая, выговорил одними губами: – Ректор, – и уже во все горло закончил: – Так они с бабушкой моим так погуляли на озере, что, когда через время соседки стали по очереди брюхатеть, матушка долго из бабушки те гульки выколачивала. Этот-то сбежал сюда в город, – и Семен опять махнул за спину пальцем.

Семен мне нравился. Я слушал его и восхищался. И прав оказался Семен – ничего ему не было за его утреннюю выходку. Похоже, старуха даже не ходила жаловаться ни ректору, ни инспектору.

Второй экзамен проходил тихо. Всех экзаменующихся собрали в одной аудитории и велели разобрать билеты, разложенные на передней парте. Отроки сгрудились у билетов, выбирая счастливый. Чего только не придумывали, чтобы угадать тот самый единственный! И крестятся, и плюют через плечо, и совершают магические па, и с закрытыми глазами тыкают пальцем, и даже стараются схватить билет, уже выбранный кем-то другим. Разбирание билетов едва не заканчивается потасовкой. Вмешался отец Михаил, отвечающий за второй экзамен. Он нараспев продекламировал:

– Братия мои! С билетами подходим ко мне и называем номер.

Все выстроились в очередь. Когда последний из отроков назвал номер билета и занял место в классе, отец Михаил просто возвестил:

– Пишем, – и беззвучно положил руки на стол, давая команду успокоиться и работать над ответом.

Мы склонили головы над листками и над последним незначительным барьером в ворота жизни бабушки. Пишем все. Стараюсь не смотреть по сторонам. Спешу закончить, чтобы скорее выйти на улицу. Как назло, пишется легко, и пишу много.

– Сдаем работы, – прерывает нас отец Михаил.

Оказывается, прошло уже девяносто минут. Со всех сторон раздаются возгласы сожаления, но отец Михаил непреклонен. Добродушная его физиономия снимает напряжение экзаменующихся. Мы и так не особо волновались, но все-таки.

– Сдаем, сдаем, – вещает отец Михаил. – Что успели, то написали. Все оценится по заслугам.

Возвращаем билеты и сдаем экзаменационные листы. У многих написано не больше нескольких строчек. Чем же они занимались все это время? Моя работа особо привлекла внимание отца Михаила. Он даже повертел исписанные листы в руках, одобрительно цок-

нув языком, и положил сверху. Еще бы! Почти четыре листа! Ловлю на себе завистливые взгляды, но мне не до них. Хочу скорее на свежий воздух.

– Все в общежитие, – вслед нам отдает распоряжение отец Михаил. – До обеда общежития не покидать.

Хоть глоток свежего воздуха, а потом можно опять в заточение, проскакивает ироническая мысль, и я криво улыбнулся.

Направляясь в общежитие, мы проходим мимо отсеянных медицинской комиссией. Они сгрудились у колонн административного корпуса. Отцы отправились к ректору, а отроки застыли в ожидании своей судьбы. Их злые взгляды ощущаем на себе, их злые языки находят наши уши, но и мы платим тем же – сторонясь изгоев и не обращая на них внимания, проходим, как сговорившись, с высоко поднятыми головами.

Неожиданно подалась входная дверь. Кто-то из наших шарахнулся, и вся толпа как по мановению всевышнего ринулась вслед – скорее удрать подальше. Оказалось, из здания вышел ректор. По бегущим пробежало «ректор-ректор-ректор». И снова, как по чьему-то приказу, мы останавливаемся и замираем в ожидании чего-то. И это что-то не заставляет себя долго ждать, потому что толпа не поступивших живет по своим правилам. Она жаждет чуда любой ценою! Из толпы изгоев на весь двор раздается протяжный вопль. Вопящий вырывается из кучи, кидается ректору в ноги и начинает ползать по земле, облизывая его дорогие хромовые туфли. Отроки, опоздавшие предпринять столь радикальный метод, заливаются слезами. Один из них не выдерживает, опускается на колени и, причитая, начинает рассказывать о своем тяжелом пути прихода к Богу:

– Святой отец, пожалей. Все посты соблюл. Паломничество совершил. Дважды совершил. Денно и ночью простаивал у иконы Божьей Матери. Как же так, батюшка? Отец родной, не остави! – с последними словами отрок бросился оземь и с такой силой ударился лбом о мраморные плиты, что мне показалось – убьется. Но он с еще большей прытью подполз и обхватил другую ногу ректора. Ректор же, не глядя вниз, с трудом высвободил одну ногу, затем другую и двинулся прочь. Я заметил, его больше волновало, чтобы не выпачкали рясу, потому он приподнял полы и так и ушел с приподнятыми.

Я старался не смотреть, но и не мог оторвать взгляда. Противно было видеть, до какой степени человек может опуститься в собственном самоуничижении и как при этом может окончательно потерять человеческое достоинство. Меня охватил ужас от осознания того, что это могла быть и моя участь. Наверное! Я обвел взглядом однокашников. Все отроки реагировали на эту сцену по-разному, но всех объединяла высокомерно-брезгливая складка на лице. Причем пролегалла она у каждого на своем месте. У кого-то под носом, у кого-то под нижней губой или на губах, а у кого-то на лбу или на щеках. Но она была! Я грозно взглянул на Виктора, и тот мгновенно изменился в лице, краснея. От моего взгляда его складка, которая едва намечалась под носом, исчезла, и мой товарищ виновато потупил глаза. Только Семен рассеянно взирал на происходящее и, встретившись со мною взглядом, зевнул и успокоительно махнул рукой: «Не бери в голову». В это время толпа дрогнула, потому что стоящий на коленях перед ректором развернулся и также на коленях пополз в нашу сторону.

– Братцы! Уступите место мне! – взывал рыдающий отрок, то и дело ударяясь лбом об землю.

Пятясь, мы ломанули в общежитие и едва не снесли двери, пытаюсь протиснуться по несколько человек одновременно.

Зрелище, невольным свидетелем которого я стал, произвело на меня угнетающее впечатление. Семен старался шутить на разные отвлеченные темы. Я отмалчивался и все-таки не выдержал:

– Скажи правду, Семен, тебя это не тронуло?

– Что – это, Егор?

– Ну, вот там, – смешался я. – Ну, ректор, эти... – я не знал, как все это назвать, и совсем запутался.

– Вот видишь, и для тебя они – эти, – спокойно парировал Семен. – Оставь. Ты слишком впечатлительный. Учись управлять своим внутренним состоянием.

Трезвостью и прагматизмом мышления Семен превзошел все ожидания. Надо же! – распаялся я в гневе. Какой здоровый цинизм! Этот толстяк-увалень, поповский баловень, недоросль, дезертир оказался рассудительным, с внутренним стержнем и умно мыслящим. Умный умом, который мне еще предстояло понять, достичь и, может быть, позаимствовать. Сегодня я Семеном побежден и осмеян. Я чувствовал себя униженным. Мне больше не хотелось с ним разговаривать. И тут же решил – завтра попрошу переселить меня в другую комнату. Вспомнил о Викторе и о том, что забыл поинтересоваться, зачем инспектор его остановил и о чем они разговаривали. Я вообще после того утра не видел Виктора. Надо будет с кем-то поменяться из его комнаты. Тем более мы с Виктором сразу хотели поселиться вместе.

Продолжение дня потекло скучно и сонно. Оба отлеживались на кроватях – я читал, Семен дрых. Я сторонился Семена и даже старался не смотреть в его сторону. Мы молча вышли и отправились на собрание по подведению итогов вступительных экзаменов. Тот же актовый зал, но на этот раз встречали нас только отец Михаил и инспектор. Собрание выглядело формальностью, но необходимой, и началось с молитвы. Опять говорил только отец Михаил, инспектор что-то писал и все также не глядел в зал. Нам зачитали списки поступивших и списки распределения по классам. Мы с Семеном попали в один класс, а Виктор – в параллельный. На собрании я встретил того паренька, который на медкомиссии выкрикнул о вонии Плогия. Думалось, толстяк его съест и паренек завалится на чем-то, но нет, вот он сидит рядом со мною. Я обратился к нему познакомиться.

– Здорово ты его, – не нашел я ничего лучшего для предлога.

– Что? – не понял меня паренек.

– Ну, тогда на медкомиссии.

– А-а, – почесав затылок, паренек опять покраснел и улыбнулся. – Батя мне тогда давал пенделей.

– Что, толстяк пожаловался?

– Да... Они же с моим батей эту семинарию заканчивали.

Мне стало ясно, почему Плогий не покусился на обидчика. Мы познакомились. Паренька звали Алексей Разумовский, и ему едва исполнилось семнадцать. Алексей рассказал, что он из потомственной семьи священников. Прапрадед, прадед, дед, отец – все были священниками. В семье отца рождались только девочки, он родился шестым и на радость батьке – сын. И вот теперь его черед стать священником, хотя он хотел поступать в мединститут.

– Батя говорил, что от Плогия всегда воняло. Они его за это частенько бивали. – Алексей с охотой делился тайнами семейства. – Так батя хоть и поддал мне за Плогия, но Плогию сказал, что если я не поступлю, то он напомнит ему горячие дни шальной молодости, – с этими словами Алексей посмотрел на меня победителем.

– Ты в какой класс попал? – спросил я.

– В «б».

– Я в «а».

– Жаль, – с сожалением сказал Алексей. – Уже познакомились.

– В твоем классе будет учиться Витька, вон, видишь, сидит с бледным лицом прямо перед нами в первом ряду, – я показал на Виктора. – Вот такой парень, – и подкрепил слова, подняв большой палец. – Правда, очень суеверный.

– Так ему и учиться незачем, – тут же лукаво парировал Алексей, и глаза его зажглись бесинкой.

Меня развеселила тонкая лукавость моего нового знакомого. Видно было, что Алексей – свой парень. Я приписал его к будущим товарищам. В вере не по возрасту выбирают товарищей, а по убеждениям.

Собрание закончилось поздно. Если бы не прибежал дежурный по столовой, наверное, продолжалось еще пару часов. Дежурный сообщил, что поварам пора уходить домой, и

отец Михаил быстренько свернул затянувшееся мероприятие. Даже молитву мы читали на ходу.

Перед самым сном Семен подошел ко мне и, протянув руку, улыбнулся:

– Ладно, извини.

Я не стал принимать его рукопожатия, не собираясь мириться так запросто, хотя Семен был мне чем-то симпатичен и в глубине души я был с ним заодно, но я еще не мог себе ответить окончательно.

– Хорошо, – не сдавался Семен. – Давай завтра пойдем и вместе откажемся от поступления в пользу тех двоих.

Семен опять ударил в самую десятку, и я опять проиграл. Да, он был циничнее меня, это следовало признать безоговорочно, но и честнее. Я не мог не отдавать себе в этом отчет и поэтому смягчился, сдаваясь. Семен оказался еще и прозорливее. Он почувствовал изменения в моем настроении и снова протянул руку.

– Не сердись. Мы могли оказаться на их месте, – Семен как-то по-стариковски вздохнул и, довольный примирением, нырнул под одеяло. – Давай спать. Утро вечера мудренее.

Сложно было не согласиться с ним. И в этот раз я принял предложение моего соседа по комнате и, скорее всего, товарища по учебе без ощущения душевных терзаний и воспаленного самолюбия. Мое приживание в семинарии продолжалось.

Итак, наступил тот день, когда нас, уже полноправных семинаристов, разбудил колокол к утренней молитве. Дьячок бегал по комнатам и торопил. Церковь находилась недалеко, но следовало поторапливаться. Нехорошо начинать обучение с опозданий. После ночи, проведенной в душной закупоренной келье, спешить не хотелось, но надо было, и даже легкие, осознавая это, жадно хватали прохладный воздух. И все равно тихая радость переполняла мое сердце. Я проникался в это божественное утро торжественным настроением. Белоснежный собор, словно беззубой пастью, поглощал входящих. Тишина и таинственный сумрак, в котором холодно мерцали лампадки, зажженные перед киотами особо чтимых святых и божьих угодников, – все это постоянные обитатели церкви. Посреди левого притвора на большом позолоченном подсвечнике уже потрескивали, бросая ввысь языки пламени, несколько сальных свечей для чтеца, который, приготовившись, стоял с часословом в руках. На утреннюю молитву собрались все воспитанники – от новичков до старшеклассников и много новых людей; как потом выяснилось, пришли все преподаватели семинарии и обслуживающий персонал. Служил сам ректор митрополит Владимир, помогал ему отец Михаил. Молитву прервали только раз, для того чтобы дьячок зачитал список вновь зачисленных, нуждающихся в особом благословлении. Когда службу закончили, митрополит Владимир благословил нас на избранном пути и напутствовал всех на грядущий учебный год. Сердце у меня, торжествуя, вырывалось из груди. Я зачислен в первый класс семинарии! От переполнявшей меня радости я толкнул Виктора, но тот зло отмахнулся. Мне стало обидно за товарища и за однокашников, на лицах которых я не видел радости, а только еще сильнее хмарились важность и напыщенность. Так хотелось отвесить хорошего леща или выдать добротного тумака каждому юному «батюшке». Но что поделаешь. Надо привыкать ко всему, поскольку я вступал на стезю, по которой ходят человеческая подлость, алчность, зависть и еще много пороков, за которые с той стороны ограды семинарии пришлось бы платить высокой ценой. Здесь же... Путь извилист.

С началом занятий набежало множество старух в черных одеждах и наглухо повязанных платках. Они сновали повсюду, наводя порядок и настраивая вновь поступивших на семинарский лад. Мы, семинаристы, как-то сразу невзлюбили их. Старухи вели себя, как наши матери, с навязчивой заботой, мы же себя считали уже взрослыми. Злило то, что это были чужие старухи и надо было их терпеть, поскольку они составляли молчаливую часть обслуживающего персонала семинарии. Поговаривали, это были самые рьяные доносительницы инспектору. Никто не знал правды, но слухи ползли зловещие, и за

это семинаристы побаивались старух и исподтишка пакостили им – сопрут чего, изведут продукты, которые те таскали из столовой домой. Смельчаки могли и ножку подставить. Старуха могла рухнуть об землю, да так, что нос разбивала в кровь. Тогда мы все дрожали, ожидая расправы от инспектора. Со временем забывали и снова очередная подножка или другая пакость. Как нас терпели старухи, ума не приложу. В общем, хватало забот и со старухами.

Каждое утро после молитвы отправляемся на завтрак в семинарскую столовую. Столовая поделена на две обширные залы с разными входами и небольшой, но просторный кабинет тоже с отдельной дверью, на которой висит медное распятие, украшенное разноцветным ограненным хрусталем.

Одна зала уютно обставлена столиками на четверых человек, застеленными скатертями с салфетками и подставочкой для специй. Каждому полагаются отдельный стул со спинкой и приборы, состоящие из ложки, вилки, ножа и ложечки для десерта. Они аккуратно завернуты в белоснежную салфетку и уложены в плетеный коврик. Лакированный паркетный пол покрывает красная ковровая дорожка. Здесь трапезничают преподаватели и семинаристы третьих-четвертых классов. В другой зале царит естественная жизнь. Бетонный пол уже не блестит, а чернеет от многолетнего мытья жирными тряпками, которыми растаскали грязь по углам, и те чернеют, то ли от сумрака помещения, то ли от усердно забитой помывкой грязи. Голые серые стены с выкрашенными панелями пробуждают мрачное чувство, которое усиливается при виде грубо отесанных столов с лавками, тоже просаленных и затертых. На столах ковши со сваленными в них алюминиевыми ложками. Семинаристы роются в них, выбирая для себя ту одну, приметную. Одна ложка на все блюда.

Кабинет – ректорский. Что там и как, известно только самому богу! И митрополиту Владимиру!

Трапезы проходят всегда одинаково. В столовой дежурит кто-то из святых отцов. В обязанности дежурного входит проверять пищу и следить за порядком. Мы, семинаристы, не сильно-то боимся дежурных, но в их присутствии не выставляемся. Перед приемом пищи дежурный подает жест, и все хором читаем молитву. За завтраком чаще – нестройно, в обед и ужин хор из молодых голосов звучит даже приятно. Затем дежурный благословляет данную богом пищу и... Кормежка разная, но скудная, и мало. Каждый семинарист старается побольше запастись хлебом. Несмотря на это, находятся смельчаки озорничать, – скатывают хлебные шарики и пуляют друг в друга. Алешка Разумовский тощий, а не наедается, поэтому напоследок сгребает кусочки масла тех, кто не успел взять, и быстро намазывает толстым слоем на кусок хлеба. Быстро, пока товарищи не опомнились, отправляет все в рот и фальцетом полного рта возвещает отсебятиной догму из Евангелия:

– Не хлебом единым, дети мои, сыт человек, а духом Божиим!

– Куда в тебя лезет, – подтрунивает над Лешкой Семен.

– А я солитера подкармливаю, – Лешка за словом в карман не лезет и на кулачках спуску никому не дает.

Обиженные молчат, но по лицам видно – отомстят. И отомстят-таки. Только с Лешки, как с гуся вода!

Как всегда наобум кто-то восклицает: «Помолимся!» Со всех сторон подхватывают: «Помолимся, помолимся». Голоса звучат со смешками, иронично, чтобы дошло до дежурного. Тот словно не с нами, ест себе и в ус не дует. Мы же исподтишка расстреливаем друг друга так называемыми «бомбочками», в ход идут зубчики чеснока, и находятся смельчаки запустить и луковицу. Наконец дежурный заканчивает трапезу и, вздохнув, громогласит: «Помолимся». Мы поднимаемся и, перескакивая через лавки, вразброд читаем молитву на ходу. Все спешат проскочить проверку, потому что карманы набиты хлебом. После трапезы пол усыпан «бомбочками». На выходе из столовой уже стоит цербер и досматривает отроков, чтобы те не выносили из столовой продукты. До каких только ухищрений не доходила голодающая семинарская мысль, чтобы вынести несколько кусочков хлеба.

Особенными днями сразу стали воскресенье и понедельник. В воскресенье к многим

приезжали родственники и привозили сумки с продуктами. В понедельник возвращались отпущенные на выходные домой и тоже привозили полные торбы еды. Сумки домашних гостинцев на короткое время превращали жизнь их хозяев в настоящий ад – пиновала вся семинария. Доходило до драк! Тех обладателей весомой подпитки из дома, кто пытался отстоять свои права хотя бы на половину собственности, сминали, жестоко били и тогда жрали прямо из сумок, чаще всего изводили продукты. Особо ретивых запирали и тоже расправлялись со всем на ходу, пока запертый колотил дверь, орал и проклинал всех и вся. Запертого могли забыть и до следующего дня.

Из года в год повторяется одно и то же – все первоклассники жалуются на паршивое питание. Не минует и нас участь голодающих. Идем к эконому с ультиматумом – улучшить питание, иначе пожалуемся ректору.

– Разве так должны вести себя воспитанники семинарии, пожелавшие стать батюшками? – внушительно вправляет нам мозги эконом. – Не животы отъедать собрались, а перед богом в постах и молитвах избавляться от грехов.

– Мы идем к ректору с жалобой, – твердо заявляем эконому. Со всех сторон раздается: «Что с ним разговаривать! Пошли к ректору!» Эконом не выдерживает и сдается:

– У-у, ироды! Успокойтесь, ублюдки неблагодарные! Я прослежу, чтобы улучшили питание и разнообразили меню. Все! Теперь идите с богом куда хотите.

Конечно, мы не идем к ректору, а с богом, которого посулил нам эконом, расходимся, чествуя на чем свет стоит хитрого воришку-эконома.

Со временем все набирались опыта. Все через это проходили, но ничего не помогало. Те из семинаристов, кто не ездил домой, с самого утра воскресенья караулили визитеров. К кому приезжали, наоборот, старались побольше съесть, пока родители гостили, и отказывались брать еду с собою. Родители загружали их насильно, и к злорадству сторожащих отроки, обреченно склонив головы, тащили это все в общежитие, где их уже ждали. У самой двери они со слезами махали родственникам, прощаясь, и с лютой злобой в глазах провожали торжествующую братию, уносящую их гостинцы. В два дня съедалось и выпивалось все, что приготавливалось родными на неделю, и отроки опять голодали, забывая тумбочки хлебом.

Занятия начинались каждый день в девять часов утра. Об этом извещал семинаристов все тот же ненавистный электрзвонок. Лекций было четыре – разбитые на пары по сорок пять минут с пятиминутным перерывом внутри лекции и с десятиминутными перерывами между предметами. Днем общий семинарский звонок молчал. Об окончании и начале пары извещал ручным колокольчиком семинарист, отбывающий наказание за слушание или нарушение режима. За два года обучения мне несколько раз приходилось трезвонить. Занятие не из сложных, но занудное. Со звонком следовало обежать все коридоры семинарии, извещая о начале перерыва или окончании пары. Правды ради, была и положительная сторона – звонящий пропускал молитву перед и после лекции. Доставали и однокашники, каждую минуту спрашивая: «Ну, скоро пойдешь?» «Скоро конец пары?» «Ну, иди уже, давай!»

В половине третьего семинария отправляется на обед. Длинная молитва перед обедом и после. Преподавателям и этого мало, потому читаем «житие святых» и во время трапезы. Пару кусков хлеба в карман, хорошо, если попадутся корочки и удастся натереть их чесночком, и идем еще на одну послеобеденную лекцию. Смотреть на семинаристов на послеобеденном уроке тошно – всех одолевает зевота, отрыгивают, плят глазами-плошками, едва удерживая веки открытыми, и все равно дремлют прямо с открытыми глазами.

Восторг поступления скоро растворился в учебных семинарских буднях. Нашим с Виктором планам погулять по мирскому городу не суждено осуществиться. С Виктором видимся редко, разве что он заскочит к нам вечером, перед сном. За зубрежкой времени не остается ни на что. С восемнадцати до двадцати одного часа – вечерние занятия по подготовке уроков на завтра, так называемая самоподготовка. Но никто не соблюдает расписания. Многие не покидают даже учебного корпуса, оставаясь в классах после за-

нятий, чтобы сразу начать готовить уроки к следующему дню. Семен свой полуденный сон устраивает тут же за партой. Отоспавшись, принимается за зубрежку вместе со всеми.

Ужин в двадцать один ноль-ноль! Молитва перед ужином и по окончании. И опять все карманы набиты хлебом. Дежурный цербер лютует и вечером, выискивая припасы. Задние семинаристы наблюдают за процессом, нервничая, напирая и проламывают вторые двери, вываливаясь толпой в фойе, чтобы рассыпаться, рассеяться по кельям. Тогда ищи-свищи!

И, наконец, ненавистный звонок в одиннадцать часов летнего времени и в десять часов зимою разливается по всей округе, возвещая о том, что семинария отходит ко сну. После контрольного времени свет в кельях должен быть выключен. За этим строго следит сам инспектор. Старшеклассники рассказывали, что для этого отец Лаврентий залезает даже на колокольню.

С первого дня занятий начинает пополняться и кондуит – книга духовного роста семинаристов. В нее записываются нарушения правил внутреннего распорядка и проступки, совершенные отроками. Записи в кондуит боятся все – с первого по четвертый классы, потому что влияют они на получение хорошего прихода, а то и вовсе могут выкинуть из семинарии. Тогда конец жизни. Но на первых порах наставники щадят воспитанников, ограничиваясь только письменными объяснениями, которые обязательно должен дать отрок, подробно описав свой проступок и раскаяние. Куда потом девались эти эпистолярные художества, никто не знает, даже старшеклассники. Слухи же ходят, и самые зловещие! Подогреваются они магической закрытостью инспектора.

По пятницам ненавистный звонок будит нас ни свет ни заря. Боюсь даже на часы смотреть, потому что понимаю – увиденное уложит меня обратно в постель безвозвратно. Сонными мухами ползем в Кафедральный собор. Для этого надо выйти в мирской город и пересечь брусчатую площадь. В утреннем сумраке – зрелище не для романтиков: многочисленные согбенные черные силуэты тощих фигур медленно, а если бы еще обыватель знал, что почти обреченно, бредут к храму. Слава Богу, в церкви не многолюдно – только особо грешные или страдающие бессонницей старики. Дремлющие старухи встрепыхивают на шелест подрясников входящих в храм отроков, провожают их сонными взглядами и снова клюют носами в мир иной. Семинаристы прикладываются к иконам и, подпирая друг друга, плечо к плечу, сгрудываются по правую сторону храма и, пока не началась служба, досыпают стоя. Будит всех дьякон. Он встряхивает ручной колокол, и утренняя служба начинается. Бить в большой подкупольный колокол в столь ранний час запрещают городские власти – так они заботятся о сне трудового народа-созидателя! Мы же семинаристы – дезертиры созидательного труда на благо общества. Семен еще и дезертир от армии. Пинаю его этим при каждом удобном случае. Пинаю по-доброму, по-товарищески. Семен только лыбится в ответ и, подмигнув, балагурит.

В самый разгар службы, так и не дослушав акафист, семинаристы покидают храм. Вся толпа сдвигается по мановению чьей-то воли и с все возрастающим гулом вытекает на залитый утренним солнцем двор. Нарушителям церковного спокойствия никто не осмеливается сделать замечание, только чтец устремляет строгий взор, но молитву не прерывает. Во дворе семинаристы разделяются на группы – по рвеню. Одни быстро бегут в семинарию, не оглядываясь по сторонам. Другие (в том числе и я) не спешат покидать грешный мир, с интересом рассматривая зарождающееся городское грехопадение. Смотрим с жадностью и даже с тоскою.

– Эх! Хороша! – горланит за моей спиной Семен, и его голос, как колокол, возвещает на всю площадь, привлекая внимание прохожих.

– Тише ты, – оборачиваюсь я к забияке, но не могу скрыть своего восторга товарищем. Семена, если начинал балагурить, не остановить. Не глядя в мою сторону, он продолжал кричать на всю площадь и, как нам показалось, желая докричаться и на весь город:

– Надо жить, братцы, я вам скажу, так, чтобы и Бога не гневить, и с Ваххом и мамонной жить не в ссоре, – тут Семен перевел дух, а все тем временем прибавили шагу, чтобы

скорее скрыться в стенах семинарии от греха подальше, но Семен все-таки успел закончить:

– Нам надо найти себе по хорошей бабенке, мирской, и тогда учеба пойдет глаже, – с этими словами Семен смешно забежал вперед толпы и, широко расставив руки, попытался всех остановить или хотя бы привлечь внимание: – Послушайте же, братцы!

Семинаристы шарахаются от Семена, с почерневшими взглядами каждый на свой лад, улыбаются, но тут же глаза утыкают долу и быстро прошмыгивают мимо Кувалды, как будто и не с ним идут. И делают вид, что не слышат, и быстро проходят в спасительные ворота. По крайней мере, в это хочется верить. Семен умолкает, как обиженный ребенок, что-то бубня себе под нос. Цепляю Семена под руку, чтобы привлечь внимание, и из-под локтя показываю ему кулак с большим пальцем вверх. У Семена аж глаза вылезли на лоб от радости. Он сгребает меня своей клешней и крепко прижимает, шепча в самое лицо:

– Молодчина! Я говорил! Я знал, что ты настоящий!

Все спешат на завтрак и занятия. Семен круто поворачивает меня и тащит обратно на улицу. Ничего не успеваю спросить, а он уже шепчет мне на ухо:

– Там идут две девки. Надеюсь, еще не прошли. Давай быстро договоримся о свидании.

Находясь в крепких объятиях Семена, сам себе не веря, я возвращаюсь на улицу, да еще не просто на улицу, а чтобы знакомиться с девушками. У самых ворот мы едва не налетаем на этих самых девушек. Я застываю как истукан и чувствую пробегающий холодок по спине, представляя, как хорошо мы видны всей семинарии в открытые настезь ворота. Семен же, позабыв обо мне и широко размахивая руками, знакомится с девицами. Они охотно с нами общаются, точнее с Семеном, я же стою оглохший и онемевший. Девчата хохочут на всю улицу, заглядывают через Семеново плечо во двор семинарии и взрываются на каждое Семеново слово новым приступом хохота. На прощание два девичьих голоса звенят на весь двор еще громче:

– Ждем вас в центре, в семь вечера у часовни!

Я не понял и не удержался, чтобы переспросить:

– Какая часовня в центре города?

Девушки рассмеялись моему вопросу еще звонче. Довольный Семен простецки отмахнулся от моего вопроса рукою, на радостях сгреб меня в охапку и потащил обратно во двор, шепча в самое ухо:

– Хороши чертовки! – Семен мечтательным взглядом провожал девушек, и было видно, что он душой остался с ними.

– Ты можешь мне объяснить, – я обиделся и как следствие не собирался оставлять свой вопрос без ответа, – с каких это пор в центре наших советских городов стали строить часовни?

– Чего пристал? Часовня! Людям время показывать. Не колокольня! – заорал на весь двор Семен и, увидев, как я смешался от собственной недогадливости, подбодрил меня: – Не ссы, будущий святой отец, – и Семен приступил к увещаниям, для этого он стал на всю ширину ног, закинул руку к небу и гаркнул. – Луком родился – луком, не розой, помрешь.

Мы подошли к учебному корпусу под зычное бубнение довольного Семена, который строил планы на вечер. В дверях я взглянул на своего товарища, а он только подмигнул и услужливо склонил голову, пропуская меня вперед. Его, в отличие от меня, не интересовало общественное мнение и заметил ли нас кто-то из семинарских. Я же, слегка ошарашенный, поглядываю по сторонам, – но ничего не изменилось в мире – семинаристы заняты личными заботами и никому до нас нет дела. Мимо прошел отец Дмитрий, и тоже ничего не случилось. Я немного успокаивался, но Семен опять догнал меня и шепнул в самое ухо:

– Не забудь, в половине седьмого – у ворот.

Нас с Семеном объединила тайна, и я грубовато отмахнулся от него, изобразив на лице раздражение. Но только на лице, в душе же я испытывал пугающее меня ликование,

а сердце рвалось из груди. «Вот она бесовинка! – усовестил я себя и мысленно освятился крестом. – Быстрее надо идти в аудиторию, за лекцией все забудется, – нашел я себе успокоение. – И еще...» Что-то еще меня тревожило. Я старался до аудитории вспомнить, но сосредоточиться мне мешал довольный Семен, идущий впереди и виляющий задом. От удовольствия Семен так смешно семенял в направлении нашего класса, что я едва сдерживал смех.

– Егор, брат мой, – неожиданно за моей спиной раздался ласковый голос инспектора.

«Да, вот что! Я все чаще крещусь про себя». От собственного открытия и зловещего оклика я едва устоял на ногах, потому что узнал этот голос раньше, чем понял, до чего я догадался. Я даже не спешил искать, в каком направлении находится инспектор. Он сам подошел ко мне и, конечно, сзади. Его бледное лицо появилось и застыло. Я видел, что инспектор открывает рот, но ничего не слышал. В очередной раз за последние несколько минут я оглох и онемел. Сильный удар по плечу мгновенно привел меня в чувство. Рядом стоял Семен и кричал:

– Как здоровье, дружище?

– Вы нездоровы? – в свою очередь тихим голосом осведомился инспектор и таким же голосом попер Семена. – Хондря, иди в класс.

Семен не заставил себя долго упрашивать и уже из-за спины инспектора погрозил мне кулаком. Этого уже не следовало делать – я пришел в себя и от Семенова тумака – плечо гудело. Grimаса товарища меня рассмешила. Инспектор начал раздражаться и, не оборачиваясь, прорычал:

– Хондря! В кондуит хотите попасть? – Инспектор спиной провожал Семена в класс и, когда тот исчез, снова обратился ко мне: – Что с вами?

– Простудился, наверное, – соврал я и в подтверждение потер ухо. – У меня с детства, – как простужусь, глухну на одно ухо.

– Скверно, – протянул инспектор, не сводя с меня цепкого взгляда. Я ждал разоблачения и посему скорчил болезненную мину, чтобы хоть видом смягчить угрозу и разжалобить брата Лаврентия.

– Как у вас дела с учебой? – вдруг спросил инспектор.

– Нормально, – с болезненным придыханием начал я, но инспектор меня прервал.

– Хватит разыгрывать больного, – инспектор продолжал смотреть на меня не мигая. – Хондря вам не пример. Говорите внятно и членораздельно. Почему по апологетике у вас нестабильные отметки?

– Вчера я получил пятерку, отец Лаврентий, – проблеял я, растерявшись и краснея. Мне стало стыдно за свое ребячество, и в душе я корил Семена, – почему он втянул меня в подобную крамолу, из-за него мне приходится врать и изворачиваться на пустом месте.

– Подходит к завершению полугодие, – инспектор заговорил холодно, но мягким голосом. Мой вид его больше не интересовал, и взгляд его устремился в окно. – Я предложил ректору вашу кандидатуру для перевода во второй класс со следующего полугодия.

– Разве так можно? – всего-то и нашелся спросить я.

– Можно, – сухо пояснил инспектор. – Но если вы не подтянете апологетику и будете пропускать спевки...

– Я не пропускаю спевки, – перебивая инспектора, затараторил я с благодарностью в голосе. На что Цапля, раздражаясь, только закрыл глаза и умолк. – Извините. Спасибо, родной отец, – поняв свою оплошность, я совсем сник, не находя, как исправить промашку.

– Идите в класс, – не открывая глаз, сказал инспектор. Я медлил, замешкавшись от волнения и не зная, что делать, а инспектор понял это по-своему и тихо добавил: – Скажете преподавателю, что я вас задержал. И готовьтесь держать экзамен по апологетике. Типикон* знать назубок. Иначе не пропущу экстерном.

* Церковный Устав.

Впервые с начала учебного семестра я не слышал, о чем рассказывал преподаватель. Мысленно я был занят анализом произошедшего. Разговор с инспектором возбудил меня. Передо мною рисовались грандиозные планы, с которыми я имел желание и был полон сил справиться. И началом их осуществления может стать досрочный переход во второй класс – первый, хоть и маленький успех на поприще батюшки. Торжество души омрачалось утренним происшествием, на которое подбил меня товарищ. Хоть я и дал согласие участвовать в аванюре Семена, но пока старался об этом не думать. Надо отказаться от сомнительного мероприятия, решил я твердо и в подтверждение бесповоротности своего решения посмотрел на Семена. То, что это авантюра и ни к чему хорошему нас она не приведет, я не сомневался, хотя и плохо еще отдавал себе в этом отчет. В душе я корил себя за нерешительность, пытался возложить всю вину случившегося на Семена и всячески старался погасить засевшее в груди ликование. Семен словно ждал моего взгляда, тут же, закрывшись учебником, закивал, спрашивая. Я отмахнулся и больше до конца занятий старался не смотреть на него, но на перемене избежать встречи не удалось. С первым звонком Семен сорвался с места и, перепрыгивая через ряды, практически на плечах уходящего преподавателя, с довольной физиономией восседал передо мною.

– Что он от тебя хотел? – Семен спросил без тени тревоги, наоборот, весь его вид говорил, что он запалывается от опасности затеянного мероприятия.

– Сказал – подтянуть апологетику, – как можно равнодушнее ответил я.

– И все? – в голосе Семена прозвучало нескрываемое разочарование, а на лице изобразилось недоверие. Отступить было некуда, и я сдался:

– Отец Лаврентий сказал, что можно перейти в следующем полугодии во второй класс.

– А так можно? – Семен подозрительно смотрел на меня.

– Сказал, можно. Только надо апологетику подтянуть до конца семестра и держать экзамен. Типикон знать назубок. – Я смотрел на товарища и видел недоверие, все еще не сходявшее с его лица. Мне ничего не оставалось, как выложить весь разговор с инспектором: – Мою кандидатуру уже предложили на рассмотрение ректору. – По завершении рассказа мне пришлось выдержать еще один пристальный взгляд Семена. Наконец, он расплылся в улыбке.

– Слава Богу, пронесло, – с облегчением выдохнул Семен и хлопнул меня по плечу. Но уже в следующую секунду с его лица улыбку как ветром сдуло. Семен мгновенно изменился в лице и, пристально всматриваясь мне в глаза, добавил: – Ты не можешь меня бросить.

Я не ответил, только отвернулся от Семена, не зная, как отвертеться от задуманной крамолы, особенно сейчас, когда мне улыбалась фортуна. Семен же по-своему истолковал мое молчание и уже увереннее сказал:

– Все, до семи. Обсудим вечером, – и, сорвавшись с места, убежал. Я даже не успел сказать ему, что мне бы не хотелось продолжать... Семен исчез, а я остался один на один с личными сомнениями и верой.

Хоть и обедали мы с Семеном за одним столом, но не проронили ни звука, а после обеда Семен опять пропал. Ни в классах на дополнительных занятиях, ни в нашей комнате его не было. Мне очень хотелось найти его и поговорить. Может быть, не откровенно, намеками выпытать, что же мы будем делать вечером. Пойдем ли на свидание или отложим эту затею, хотя бы до других, лучших времен. Я горел предложением инспектора и открывающимися перспективами. Только на мгновение мелькнуло: «Вот она песья преданность». Но я тут же подставил подпорку. Почему же сразу песья? Я учусь, стараюсь, из кожи вон лезу. Инспектор заметил и оценил мое старание. Так всегда бывает. Это и есть рост в профессии. Хорошо! – хвалил я себя за подобные мысли. Но если так, то почему надо обосновывать очевидное?

Время неумолимо приближалось к заветной половине седьмого. В душе я поблагодарил Бога, что дни короткие и, несмотря на позднюю осень, еще теплые, и темнеет рано.

Как бы прогуливаясь, я несколько раз прошелся мимо ворот и оценил, насколько буду заметен. Выдать меня мог только свет фар проезжающих машин. Еще стоило позаботиться о том, чтобы сторож не заметил, но он в темное время суток носа не высовывал из сторожки, так что проشمыгнуть под окнами не составляло труда. Я нервно поглядывал на часы, ожидая, что к положенному времени Семен обязательно появится, но его все не было и не было. В какой-то миг я даже обрадовался и со спокойной совестью отправился к себе в комнату. Однако келейная скука погнала меня обратно на улицу. Я и этому своему решению нашел оправдание: обещал быть в половине седьмого у ворот, значит, надо быть. Постою еще пару минут и вернусь с чистой совестью. Семен сам виноват, что смылся, не предупредив меня.

Я скрытно пересек двор, стараясь не попасть в свет единственного фонаря, и, подойдя к сторожке, заглянул в окно. Степан, закинув очки на лоб, что-то просматривал в книге посещения. Зачем он вообще надевал очки? Я украдкой проследовал мимо и протиснулся в щель приоткрытой ковanej калитки, стараясь к ней не прикасаться. Она скрипела на всю округу, и семинаристы догадывались, почему администрация не спешила смазывать петли – лучшего сторожа не придумаешь. Едва я оказался на улице, как тут же угодил в крепкие объятия Семена. Он сильно затряс меня и что-то зашептал на ухо. От неожиданности мое сердце чуть не оборвалось.

– Сдурел, Семен, – отталкивая товарища, пытался я отдышаться. – Думал, дьякон выследил. – Я едва переводил дыхание. Семена не заботили мои страхи. Он осмотрел меня с ног до головы и удивленно спросил:

– Ты в таком виде собираешься гулять по вечернему городу? – с этими словами Семен своими ручищами повернул меня вокруг собственной оси. Только теперь я рассмотрел, что у Семена, кроме лица, все остальное новое. На нем не было подрясника, а одет он был в джинсы, модные туфли и куртку «Аляска».

– Я так и думал, – продолжал бубнить на всю улицу Семен и, схватив меня под руку, потянул прочь от ворот семинарии.

– Куда ты меня тащишь? – попытался я хотя бы возражать, потому что сопротивление Семену было бесполезно, его ручищи держали меня крепко.

– Иди, иди. Я все устроил. Главное, чтобы с размером не прогадал. Что бы вы, будущий святой отец, без меня делали!? – подтрунивал надо мною Семен.

– Не грешил бы, – тихо огрызнулся я.

– Нет, все-таки из вас, дорогой друг, получится преотменный батюшка, – приговаривал Семен, поддерживая быстрый темп ходьбы. Я усмехнулся своему уделу, нарисованному и творимому Семеном.

Шли мы быстро и больше не разговаривали. Семен периодически оглядывался в сторону семинарии. Когда же мы отошли на достаточное по Семеновым меркам расстояние, он остановился и, сунув в меня сумкой, добродушно приказал:

– Переодевайся.

Я медлил, рассматривая вещи и в то же время собираясь с мыслями. Мы зашли далеко, и меня интересовало, как будем выбираться. Точнее, как я буду выбираться из этой истории. За Семена я почему-то не волновался. У меня в голове крепко засел его рассказ об оргиях Семенова батюшки и ректора нашей семинарии. В данный же момент Семена интересовало другое, он с нетерпением выхватил у меня сумку и спешно начал доставать из нее вещи.

– Быстро переодевайся. Вот рубаха. Джинсы. Телогрейка на тебе? – не дожидаясь моего ответа, Семен ощупал меня и, удостоверившись, что телогрейка на мне, продолжил: – Сверху рубахи наденешь. И вот тебе куртка. Правда, не новая. Все новое, а куртка не новая, с барахолки. Извини, брат, на новую не хватило денег. Пришлось на барахолку заскочить, слава Богу, она по пятницам работает. Давай, чего рот разинул, – гремел на весь квартал Семен.

– Что, прямо здесь? Холодно же, – опешил я, еще не веря в серьезность предложения

Семена, но он не шутил и в подтверждение своих намерений принялся стаскивать с меня церковную одежду, приговаривая:

– Извини, брат, уборной для переодевания таких персон не продавали. Сомневаюсь, что их вообще придумали. Так что не выпендривайся, а быстро переодевайся, – с этими словами Семен почти раздел меня, и ничего не оставалось делать, как еще быстрее надеть принесенную Семеном одежду, а тот не унимался и приговаривал: – Вот то-то и оно, братец. Пока изобретатели придумают уборную для таких, как ты, девки нас не дождутся, а что еще хуже – состарятся, – Семен выдержал паузу и, воздев перст кверху, лукаво закончил: – И мы того... – в этот момент проехала машина и осветила нас, я сумел рассмотреть лицо товарища и рассмеялся от всего сразу – от горечи осознания того, что мы творим, и от забиячьего лика Семена.

Наконец, я принял вид обычного молодого человека. Только небритость выдавала мое происхождение, и я непроизвольно потерял себя по скудной бородачке и кавалерским усам. Семен успел сложить мои вещи в сумку и, уловив мой жест, успокоил:

– Не дрейф, братец, на дворе мода на трех-четырёхдневную щетину. Идем.

Я сделал еще одно открытие в Семене. Он был гладко выбрит.

– Идем, идем, – поторапливал он меня. – Уже опаздываем.

Я старался не отставать от марширующего широким шагом товарища. В душе же я почему-то начал молить Господа Бога, чтобы он помиловал нас и сделал так, чтобы мы опоздали или девушки не пришли. Семен на меня уже не обращал внимания, он, словно ледокол, прокладывал путь во грех, только изредка бросая мне через плечо:

– Пошевеливайся, братец. До трассы еще не дошли, а надо еще попутку поймать до центра.

Я продолжал молиться Всевышнему и даже тайком от Семена перекрестился. Но в этот вечер кому-то было не до нас. Или наоборот, кто-то тот, другой, нас очень хотел.

Не прошло и получаса, как мы оказались на площади перед часовней, которая со всех сторон освещалась неоновыми лампами. Площадь оживлялась множеством отдыхающих. Со всех сторон разрывались динамики, вбрасывая в толпу музыку. Музыкальная разногласица добавляла хаоса, но люди, даже гуляя, соблюдали некое, только толпе свойственное построение. В аллее за часовней расположились ряды торговцев сувенирами. Каждый столик подсвечивался лампочкой, поэтому аллея походила на светящуюся гирлянду. Вдруг Семен вытянулся в струнку, поднялся на цыпочки и усиленно замахал рукою, привлекая внимание. Его упорно не замечали, и тогда он громогласно позвал.

– Девочки! Мы здесь!

Теперь все прогуливающиеся рассматривали нас. Мне показалось, они сразу поняли, что мы семинаристы и сейчас что-то должно произойти, но ничего не произошло, кроме того что к нам подошли знакомые девушки. Убедившись, что крик вызван тем, что кто-то искал друг друга, а главное, нашел, толпа потеряла к нам интерес. Семен сиял, а девушки оглядывали нас с ног до головы. Видно было, что они с иронией отнеслись к утреннему знакомству с воспитанниками семинарии и пришли на свидание, ожидая новых ощущений от нелепости ситуации, но мы были, как все, и девушки не могли скрыть своего разочарования.

– Света, – мило сказала одна из девушек и, окинув нас лукавым взглядом с ног до головы, тут же спросила: – Когда маскарад – утром или сейчас?

– Семен, – протрубил довольный произведенным эффектом Семен. Он заграбастал протянутую ручку и обвил вокруг своей, соединяясь с девушкой «под руку». – Ну что вы, барышня, – запел Лазаря смущенный Семен. – Я вот что вам на это скажу. – И они на пару двинулись прогуливаться по площади, как будто нас и не было. Я обиделся на товарища. Мне тоже понравилась Света больше, чем ее подруга. И руку Света протянула в мою сторону, а не в его. Я смотрел на Семена и не узнавал. Для меня он по-прежнему оставался загадкой, а сегодня открылся совсем с другой стороны.

– Оксана, – назвала свое имя подруга Светы.

– Егор, – представился и я, рассматривая девушку. Светлана все-таки красивее. В

Оксане же просматривалась некая привлекательность. Сразу и не скажешь в чем. Глаза! Живые, улыбающиеся глаза. Даже темнота не могла затмить их сияния. Мы смотрели друг на друга, и я чувствовал, как между нами образуется некая общность. Девушка светилась теплом, и глаза говорили, что их хозяйка испытывает те же ощущения. Но Светлана в общем красивее, с досадой отметил я, отводя взгляд.

– Что, Светка понравилась? – лукаво спросила Оксана, сразу раскрыв причину моего столь пристального рассматривания. – Ничего, я привыкла. Я сразу на ты. Ничего?

– Глаза у тебя красивые, – я решил скрыть свою неловкость, похвалив очевидное достоинство девушки.

– Принимаю. Пошли догонять наших, а то потеряемся.

И мы с Оксаной пошли догонять забывшуюся парочку. Я усмехнулся. Опять я его догоняю. Поглядывая за Семеном, я удивлялся тому, как быстро они сошлись со Светланой. У меня даже закралось сомнение, а не провел ли меня Семен. Наверное, они давно знакомы. И я решил проверить.

– Такое впечатление, – заговорил я с Оксаной, – что они старые друзья.

– Нет, что ты. Я сама Светке удивляюсь, – искренне ответила девушка.

Оксана еще что-то хотела сказать, но нас разъединила проходившая компания. Чтобы не потеряться в толпе, я схватил Оксану за руку. Ожидал, что девушка отстранится, но она покладисто вложила свою шелковистую ручку в мою, и я испытал блаженное облегчение. Вот и мы теперь шли, взявшись под руку. Правда, с разговором не складывалось, и я посмотрел на Семена, чтобы воспользоваться его умением так быстро завладеть девушкой. Посмотрел и понял, что мне надо опять догонять товарища, потому что он уже крепко держал свою подругу, обвив ее гибкую талию своей клешней, бесцеремонно тыкался лицом ей в волосы и что-то подолгу шептал. А девушка как будто спряталась в его объятиях и, едва довольная Семенова физиономия отворачивалась, звонко хохотала на всю улицу. Светлана хохотала долго, Семен поворачивался к своей спутнице и их лица смотрели друг на друга совсем близко-близко. Тогда мы переглядывались с Оксаной, и в наших взглядах читалось одно и то же – мы ожидали, когда же дело дойдет до поцелуев. Мне почему-то стало стыдно и за товарища, и обидно за Светлану. Как-то странно они вели себя. Я не допускал мысли, что наши девушки какие-нибудь распутные, но и вела себя Светлана не совсем обычно, в моем понимании, для первого знакомства. В очередной раз, когда Семен со Светланой смотрели друг на друга, я с некоторой тяжестью тихо сказал:

– Сейчас поцелуются, – в голосе моем звучала досада, мне не хотелось смотреть на идущую впереди парочку, и я отвернулся. Оксана потянула меня за руку. Я взглянул на нее, но она настойчиво показывала вперед, и я посмотрел. Лучше бы не делал этого. Семен, недолго собираясь, припал губами к лицу Светланы и, как мне показалось, пока она не опомнилась, несколько раз быстро поцеловал. Но я ошибся, мне и правду показалось. Светлана не отстранилась, а наоборот, искала его губы, чтобы ответить, и нашла.

– Ну Светка дает! – прыснула Оксана и, словно пряча свой стыдливый, не ко времени и не к месту смех, ткнулась лицом мне в плечо, крепко прижавшись к моей руке. Я вмиг почувствовал ее всю. Мне ничего не оставалось, как обнять мою спутницу, и мы громко рассмеялись, почти истерично.

– Чужой пример заразителен, – сквозь смех прокричала Оксана.

Приветливость и трогательность Оксаны подкупали, и настроение у меня улучшилось. На какой-то миг я забыл, что семинарист и должен находиться в кровати своей кельи. Мы наперебой болтали, только ориентировались на спины друзей, идущих впереди. Вернул меня в действительность все тот же Семен, когда он остановился и коротко сказал:

– Так, сейчас половина десятого, – Семен рассматривал в темноте циферблат часов на руке. – Ровно через два часа встречаемся у ворот, – с этими словами он сгреб барышню, и они скрылись в темноте переулка. Еще некоторое время издали доносились бубнение Семена и приглушенное хихиканье Светланы.

Оставшись одни, мы почувствовали некоторую отчужденность друг к другу. Пылкость наших друзей как будто насильно подталкивала и нас к форсированию отношений. При

всей зародившейся симпатии мы с Оксаной, хоть и обнялись опять, как несколько минут назад, но уже не чувствовалось прежней теплоты. Я снова задумался о совершенном поступке. На этот раз не помогло быстро пришедшее оправдание, что во всем виноват Семен, а я – жертва, поддавшаяся чужому влиянию. Меня терзали чувство вины и ожидание тяжелых последствий, если, конечно, раскроется наше дьявольское деяние. На какое-то время я забыл о барышне, идущей рядом. Она, скорее всего чувствуя мое беспокойство, шла рядом молча и даже ступала осторожно. Я не заметил, как долго мы так шли, но остановились как-то вдруг, и я увидел перед собой глаза Оксаны, трогательные, полные желания разделить мои тревоги. От нее исходил какой-то особый аромат. Желание вдохнуть его в себя сильнее возникло само собою. Аромат девушки утопил, растворил все волнения и терзания, я выдохнул сразу всю тяжесть, скопившуюся в душе. Каким-то шестым чувством Оксана угадала состояние моей души, и когда я выдохнул, сразу прижалась ко мне и что-то зашептала, скорее всего, для себя и что-то очень личное и вдруг превратилась в маленькую, беспомощную девочку. Я обнял ее крепче и уткнулся лицом в волосы, вдыхая ее запах. Губы непроизвольно коснулись виска, и Оксана посмотрела полными слез и восторга глазами. Мы стояли, обнявшись, в темноте мирского города и, ничего не говоря, целовались. Целовались жадно, в исступлении, ощущая внутреннее состояние друг друга. Не знаю, как долго это продолжалось, неожиданно громыхнула над нами балконная дверь, и оттуда же сверху приглушенно гаркнули: «Кто там стоит? Алька, ты? Быстро домой!» Строгий окрик нас встряхнул, и в следующее мгновение нас разобрало на дикий хохот. Обнявшись, счастливые, мы быстро пошли прочь, а вдогонку сверху с этажа бранил нас тот же голос.

Я прятался в ночи у стены семинарии, поглядывая по сторонам в ожидании Семена. Время тянулось невыносимо медленно. Ночная прохлада и камень ограды – я прижался всем своим существом к ограде, скрываясь в ее тени – своим холодом превратили меня в истукана. Я не имел часов и совсем потерялся во времени. По моим расчетам выходило, что стою я давно, а Семен опаздывает или вовсе не собирается приходить. Как назло, сумка с вещами была у него. От волнения и тревоги меня начисто покинули те пережитые блаженные мгновения в объятиях Оксаны. От долгого ожидания я совсем сник, и мне начали видаться всякие сцены казни грешников из Евангелия.

Появлению Семена я несказанно обрадовался и от злости за опоздание наделил крепким тумачком его тучную фигуру. Мы не были с Семеном настолько близки, чтобы допускать подобное панибратство, но сегодня нас кто-то связал невидимой, крепкой таинственной нитью. На мой тумак Семен медленно обернулся и на всю улицу восторжествовал, воздев перст к богу:

– Я знал, что тебе понравится, – и, тут же посерьезнев, заговорщицки скомандовал: – За мной. Только бы ящик не уперли.

– Тихо ты! Какой ящик? – удивленно зашептал я.

Семен только махнул рукой, и крадучись, мы прошли вдоль стены до угла семинарского двора.

– Ага, вот он, – обрадовался Семен. – Стоит. Давай. Ты первый. Только на край наступай. Посередине дерьмо.

– Какое еще дерьмо? – снова удивился я.

– Лезь, давай, – командовал Семен. – Я его дерьмом вымазал.

Я в недоумении уставился на товарища и чуть не рассмеялся от его вида. Семен развел руками, строил отвислую тупую физиономию:

– Так сперли бы ящик, – поддержав комический сюжет, проямлил Семен и уже серьезно добавил, подтолкнув меня к стене: – Лезь. Не зевай.

Мы благополучно перелезли через забор. Если не считать того, что ящик под тучной фигурой Семена подломился, и он выпачкался в дерьме. Как он мазал ящик? Ума не приложу. Его же надо было где-то найти, потом принести...

– Прекрати обтирать руки повсюду, кто-нибудь выпачкается, – попытался урезонить я Семена, который обо все, что нам попадалось, вытирал выпачканные руки и ботинки.

– Да Бог с ними, – равнодушно огрызнулся Семен.

Не Семен, а черти что. С чертыханиями Семена мы украдкой, от тени к тени перебежали через весь двор, и только когда заскочили в спальный корпус, я вздохнул с облегчением.

Мысли об Оксане вернулись, когда я согрелся в постели. Лежа под одеялом, наше ночное приключение оценивалось мною как сон наяву. Мое тело и душу потрянуло содрогание от осознания того, что нас могли застукать и какие бы были последствия. Из семинарии поперли бы точно. Семен посапывал, уснув до того, как голова его коснулась подушки. Мне же не спалось. Я дышал ароматом Оксаны и облизывал губы, пропитанные ее вкусом.

По воскресеньям завтрак не полагается.

Ох уж этот завтрак по воскресеньям! Сколько мне пришлось в детстве перенести душевных и физических страданий из-за воскресной службы. Бабушка все утро собиралась и ходила в церковь к обедне. До этого есть не полагалось. Обедали только после возвращения из церкви. Служба длится три часа. Стою голодный, воздуха не хватает. От запаха ладана тошнит и болит голова. Выйти бы на свежий воздух. С тем большей жадностью слушаю голоса мальчишек, бегающих по двору. Но как уйдешь, если рядом зоркое око бабушки. Любимой бабушки! Она учит меня правильно складывать пальцы для крестного знамения и вовремя кланяться. Стоит зазеваться, как тут же ложится мне на шею сухонькая бабушкина рука и бесцеремонно пригибает к бетонному полу. Ничего не поделаешь, кланяюсь. Соблазнов вокруг полно. Ходят старухи и угощают конфетами, печеньем, калачами. Бабушка строго следит, чтобы я, не дай Бог, не съел чего-нибудь. Но я и не смел. В семь лет я уже знал от бабушки, что Бог смотрит за нами с неба. Что он всемогущ и невидим, все может сделать, если захочет. Даже может среди нас ходить и высматривать, кто грешит. Также я знал, что есть у Бога такая книга, в которую он заносит все добрые и злые поступки, и есть весы, на которых он потом эти поступки взвешивает и определяет степень греховности каждого человека. И если в детстве я даже боялся представить себе эту книгу, то в семинарии я познакомился с нею – это наш кондуит!

В детстве для меня существовала неразрешимая задача – как умиловить это невидимое существо, именуемое Богом. Когда я в школе с полной уверенностью заявил, что земля стоит на трех слонах, класс поднял меня на смех. Больше я никак не показывал свою принадлежность к Богу, продолжая выстаивать воскресные службы и молиться перед сном и после. Я вырос, в армии управлял самой современной военной техникой, вот учусь в семинарии, а в духовном мире для меня все осталось по-прежнему. По воскресеньям служба, и до ее окончания завтрак не полагается.

Вообще-то постимся три раза в неделю. В среду – ничего не едим. В пятницу только постное – рыбу, хлеб, картошку – все заправлено подсолнечным маслом. Вкусна корочка хлеба, политая маслом и посыпанная солью! В воскресенье с утра служба утомительная, долгая – продолжается до полудня. В два – долгожданный, но скудный обед.

Но все это ерунда по сравнению с тем, что после обеда – свободное время! И мы с Семеном и Виктором спешим в город. Уже наступили времена оттепели, и на нас смотрят с завистью и почти с благоговением. В нашем лице общество лицезрело ростки демократии – свободу вероисповедания. Только неуютно у меня на душе. В церковь зачастили сомнительные типы. Все чаще и чаще в стенах храмов можно слышать исковерканный «феней» язык. Эти типы пытаются изъясняться нормальным человеческим языком, мучаются и не зря – «феня» им понятнее. Их бы взашей, но из них сыплются деньги, и святые отцы принимают. Церковь всему находит оправдание.

– Все перед Богом равны. Они такие же наши, как и дети, и бабушки, – объясняют священники.

Такие ли? Душа болезненно ноет, терзаемая острым чувством тревоги. Конечно, церковь не может не переболеть теми же болезнями, что и все общество, но все-таки! За всей этой муштрой особо не остается времени на личные душевные терзания, но все-таки... Глаза не закроешь. Успеваешь все сделать и еще задуматься о происходящем и о своем будущем. Откуда только время берется?

Уроки пения чуть ли не основные! Спевками нас загоняли так, что едва остается время для зубрежки богословских наук, а это ни много ни мало – церковный устав, Новый завет, Ветхий завет, к ним надо добавить заучивание уймы цитат из катехизиса и еще, еще и еще, и к ним еще вагон и маленькая тележка в виде часослова, например. Несмотря на все это, откуда остается время и для мучительных размышлений о верности избранного пути? Во время молитвы в соборе я рассматриваю окружающих меня людей и все больше задумываюсь, одна ли у меня с ними стезя? Все чаще возвращаюсь к тому времени или даже мгновению, когда принял решение посвятить себя пастырскому служению. За несколько месяцев я успел освоиться с укладом жизни семинарии, меня не тяготили недосыпание, недоедание и муштра. Я автоматически отдавался толпе, несущейся общим потоком то на занятия, то в столовую, то на службу в храм. Мы торопились всюду, куда нас так настойчиво требовал электрический монстр-звонок, кажется, единственный представитель технической мысли и цивилизации в стенах нашей тихой заводи. Правда, не такой уж тихой... и не такой уж заводи...

Полгода пролетели незаметно. Когда инспектор брат Лаврентий объявил об окончании первого семестра, у нас даже не изменились лица. Всех так загоняла муштра, что никто не понял – это успех или поражение? Радоваться или скорбеть? Но Цапля вещал, не обращая внимания на наше настроение. В конце речи он объявил, что все семинаристы отпускаются на недельные каникулы домой, а четверо семинаристов – с этими словами брат Лаврентий полистал свои бумаги, отыскивая нужную, – и зачитал фамилии:

– Близнюк Виктор, Крауклис Егор, Алексей Разумовский и Хондра Семен за успехи в учебе досрочно переводятся во второй класс и могут по возвращении с каникул определиться уже со второклассниками.

Слушая Цаплю, я испытывал гордость и старался не замечать завистливых взглядов уже бывших соучеников. В то же время меня не могли не тревожить взгляды будущих одноклассников, которые по личным причинам поглядывали враждебно, но больше всего меня занимала довольная физиономия Семена.

– Ты как в список попал? – после выступления отца Лаврентия я подошел с вопросом к Семену. – Я видел список из трех фамилий. А тут зачитали и тебя, – я не мог скрыть от товарища своего удивления и тут же поймал себя на том, что мне неприятно осознавать, что я изо всех сил старался, лишал себя покоя и отдыха, чтобы добиться такого признания, а Семен, как всегда, просто воспользовался своей принадлежностью к поповской касте. Семен уловил мое настроение и огорченно отвернулся. Мне стало стыдно за столь низменные мысли в адрес товарища, с которым мы сильно сблизились за эти полгода и которому я в некоторой степени был обязан продвижением даже больше, чем своему усердию.

– Ты не понял меня, Семен, – попытался оправдаться я. – Я не то имел в виду, – я начал заикаться и совсем сбился, выдавая себя сполна и краснея от стыда, и тихо попросил:

– Извини меня, Сема.

– Ладно.

– Семен, ты не мог бы одолжить денег? – тут же попросил я.

– У кого? – не понял Семен моей просьбы.

– Что значит, у кого? – опешил я и внимательно всмотрелся в лицо товарища – издевается, что ли? – Мне одолжить не мог бы денег?

– Я понял, что тебе, – простодушно пояснил Семен. – У кого одолжить?

– Зачем у кого-то одалживать? – я не мог уже скрывать своей обиды на товарища. Мстительный подлец, ругал я Семена в душе. – Ты не мог бы мне одолжить денег? – не сдавался я. – Я получу стипендию и сразу вышлю переводом.

– Егор, я понял. Но у кого мне одолжить деньги, чтобы потом дать их тебе?

– Скотина! – сквозь зубы вырвалось у меня. От злости я готов был поколотить верзилу прямо здесь. – Юродивый! – я не мог сдерживать обиду и сквозь зубы честил товарища на чем свет стоит, а он как ни в чем не бывало пялился на сцену. – Ну и жмот же ты!

– Тихо! Еще не закончили, – Семен как будто не слышал меня и не понимал, о чем я говорю. Он вытянул шею в направлении сцены, на которой молча стоял брат Лаврентий, ожидая, чтобы преждевременный гомон стих, и с не присущим ему вниманием поглощал зал глазами. Наконец, семинаристы затихли и расселись. Инспектор грозным рыком начал порку:

– Гм-гм! Но! Есть и определенные на отпуст¹!

Зал затаил дыхание. Видно было, как некая лихорадка пробежала по рядам. Следом по залу понеслось: «Кто-кто-кто?» Цапля опять выдержал паузу и поднял руку с бумагами, чтобы зачитать фамилии. Зал взвыл и опять замер. Мне ничего не угрожало. Мою фамилию зачитали в списке лучших и досрочно переведенных в следующий класс, тем не менее я испытывал те же ощущения, что и каждый из воспитанников. Фамилий отпустников я ждал с еще большим трепетом, чем свою в экстерне.

– Итак! – гаркнул на весь зал отец Лаврентий. Всегда спокойный и холодный, сейчас он был воплощением гнева.

– О-о-о! – снова пронеслось по залу.

– Начнем! Не внявшие божьему предназначению. Не желающие стать избранными Господом нашим Богом. Осрамившие стены священной семинарии! Наш позор! – взвыл брат Лаврентий, но тут же выдохся и перешел на человеческий язык. – Братцы! Как же так? – он выдержал паузу и еще тише начал зачитывать список: – Благонравов, первый «а» класс – на сцену. Селезнев, первый «а» класс – на сцену. Литовченко, первый «б» класс – на сцену. Окороков, первый «б» класс – на сцену. Всем названным выйти на сцену!

– Ху-у! – зал вздохнул. Созревшая в толпе от перенапряжения энергия должна куда-то выплеснуться. Зал молча наблюдал за тем, как на сцену бредут с опущенными головами отпустники, и ищет, на кого выплеснуть эту зловещую энергию. Литовченко едва идет. Из глаз его ручьями льются слезы. Какой-то чернявый коротышка не выдерживает и дает Литовченко поджопника. Толпа, словно очнувшись, подхватывает дурной пример, и на грешников исподтишка сыплются тумачи, подзатыльники... Отец Лаврентий молча взирает со сцены на происходящее. Честный отче ждет отпущенных на сцене. Благонравов огрызается. Селезнев зло зыркает по сторонам, защищается, подкладывая под тумачи руки, и тем самым подзадоривает злобствующую толпу, которая пытается ужалить еще жестче. Окороков и вовсе затеял драку. Семь бед – один ответ! Верзила Окороков был добряк добряком и не отличался умом, но выделялся недюжинной силищей. Как и за что он попал в отпустники, я ума не приложу. Он и свой отпуст не понял и выходил на сцену, как мне показалось, даже не соображая, зачем его вызвали. Когда же на него со всех сторон посыпались удары, он не выдержал и отмутузил первого попавшегося под горячую руку обидчика. Зато бил он уже с выражением понимания на лице причины своего выхода на сцену.

И вот отпущенные на сцене. Брат Лаврентий приступил к самой главной части своей речи.

– Дважды Господь Бог предупреждал сих воспитанников – одумайтесь. Когда в первый раз был вынесен каждому из них трапарь², казалось бы, задумайся! Остановись! Обрати свой лик к Богу и помолись! Признай, что согрешил, и стань на путь истинный! – Цапля перевел дыхание. – Я лично ходил к отцу нашему ректору и просил за каждого. – С этими словами он прижал руки замком к груди и чуть ли не взмолился к залу. – Вы же знаете меня. Сердце у меня доброе. Ан, нет! Не возымело. Каждый из этих упал второй раз. И опять – одумайся! Величание³ – это еще не мамона! Но как же так, братцы?! Довести свое-

¹ Третье и последнее предупреждение, после которого изгоняют из семинарии.

² Первое предупреждение, которое заносится в кондуит.

³ Второе предупреждение, которое заносится в кондуит.

го отца до крайней меры – дать вам отпуск! – отец Лаврентий уже обращался к отпущенным. Он лихо смахнул скупую слезу и хотел продолжить, но к нему бросился Литовченко. Литовченко поверил в искренность брата Лаврентия. Он упал в ноги святого отца и принялся лобзать его туфли.

– Вот! Что делает с человеком Сатана! – вскричал на весь зал инспектор, указывая на ползающего Литовченко.

С меня хватило представления. Пригнувшись низко-низко, я прошмыгнул в коридор. А как же «все люди братья»? Да разве же брат брату глаз выколет? Почему семинария превратилась в благодатную почву для ненависти? Почему антагонизм, как коррозия, разъедает один из основных догматов, так называемый равноправный догмат: «все люди братья и равны перед Господом Богом». Нетрудно понять, почему среди нас, воспитанников семинарии, существует тайная вражда, идет процесс разложения человеческой личности. Мы и проповедуем догму: закон что дышло, куда повернул – туда и вышло! Не прав Семен, говоря, что это естественный отбор, – остается сильнейший.

Зачем талантливому слабому биться с сильнейшим, когда удел таланта – творить, созидать, а не тратить свою драгоценную для человечества силу на бессмысленную борьбу за место под солнцем с тупицей, дегенератом, пусть даже и сильнейшим. Вон, в прошлом году в психушке один больной, силищи неимоверной, ударил главного врача по шее и переломил позвоночник. Так что же теперь, выпустить его и пусть отвоевывает себе место под солнцем? Нет, в смиренную рубашку его и в зарешеченную палату. Голова раскалывается от того, как стремительно меняется наша страна! Мне надо много еще читать, самообразовываться, чтобы найти свой путь, свое понимание. На каникулы! В библиотеку! Размышляя таким образом, наталкиваюсь на Виктора.

– Ты вроде был на собрании, – удивляюсь товарищу.

– Надоело, – сокрушенно признается Виктор. – Противно смотреть на все это. Пойдем, посидим во дворе. – Виктор смотрит почти умоляюще.

– Пошли, – соглашаюсь, очень давно хочу поговорить с товарищем, чтобы никто не мешал.

Сидим на семинарской лавочке и молчим. Давно не сидели вот так. У каждого есть о чем спросить и есть что рассказать. Каждый чувствует эту потребность и желает, но никак не находит повода завести разговор.

– Как дела? – пытаюсь начать первым.

– Зубрим. Спевки надоели, а так нормально, – Виктор отвечает охотно, но на этом разговор вновь буксует.

– Витя, не мог бы денег немного одолжить? Я обязательно отдам. На каникулах съезжу в приход, получу стипендию и верну.

– Чего ты, Егор? – удивился моей просьбе товарищ и суетливо достал деньги из кармана. – Бери, сколько надо.

– Мне рублей пятьдесят. Ты не волнуйся, я обязательно отдам. Хочешь, как получу стипендию, то вышлю почтой.

– Я не волнуюсь. Бери, сколько надо, – глаза Виктора засветились жизнью.

Вижу по лицу товарища, что для него моя просьба как спасение, оказаться полезным, хоть в таком.

– Отдашь, когда получится. Можно и после каникул.

Откуда ни возьмись, появился Семен.

– Привет, девочки!

Не знаю, что на меня нашло, но начинаю ржать, как идиот. По семинарии ходят слухи, что некоторые воспитанники находят для себя утеху в блуде друг с другом. К нам с Виктором это не относится, и от дурацкой шуточки товарища меня все равно разобрало на смех. Хороша шутка, только не по адресу!

– Семен, иди куда подальше, – едва натягиваю недовольную мину, но не могу остано-

вить дурную смешинку, залетевшую в рот, и стараюсь выпроводить шутника: – Иди, иди, Семен.

Виктор не выдерживает насмешки товарища и впадает в истерику. Уже в спину уходящему Семену Виктор сквозь слезы жалуется:

– Зачем он так? Почему меня все ненавидят? Я же не сделал никому ничего плохого!

– Не обращай на Семку внимания, – стараюсь утешить Виктора, хотя у самого тоже еще не остыла обида на Семена. – Ты же знаешь, ему побалагурить – хлебом не корми.

На Виктора не подействовали мои утешения, и в усиливающемся приступе истерики и отчаяния он сорвался со скамейки и убежал. Мы жестоки даже с близкими.

Я опять остаюсь один на один со своими переживаниями. Там ли, где мое место? Я неоднократно адресую свой вопрос к Богу, но он молчит... Надо отдать должное священнику отцу Никодиму, получившему отцовский приход. Он сдержал данное слово и исправно отправлял на мое имя деньги. Не скажу, что я шикавал, но и не нуждался. В возникающих время от времени финансовых проблемах я сам был виноват. Поэтому, когда заехал в приход, отец Никодим встретил меня дружелюбно. Подробно расспросил об успехах, предложил остаться погостить на каникулах, а провожая на учебу, выделил даже премиальные к предусмотренной стипендии. Я был несказанно рад. Брат Никодим напутствовал меня такими словами:

– Давай, Егор, учись, сынок, исправно!

Продолжение следует

Борис БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

Родился в 1949 году в г. Благовещенске Амурской области. Окончил Одесский политехнический институт. По специальности – инженер-механик. Член Союза писателей России (2001 г.) Член редколлегии литературного альманаха «Русский альбом», г. Кишинев. Первые публикации появились в 1971 году. Печатался в газетах «Вечерний Кишинев», «Советская Молдавия», «Литературная газета», «Труд».

Муравейник, или Один день Ивана Самарина

Рассказ

Самарин медленно продвигался к выходу из центрального рынка. В советские времена здесь было гораздо просторней и все на виду. Тогда он любил ходить просто так, разглядывать прилавки, заложенные плодами преимущественно местных производителей. Сегодня Самарин продирался сквозь раздражающую его массу людей с равнодушным видом. Киоск, в котором торговали магнитофонными кассетами, разрывался хриплым баритоном: «Бога нет, бога нет, бога нет, ребята, то тюрьма, то сума – вот за жизнь расплата». В нескольких шагах, в ползущей толпе, неожиданно он увидел Веру К. Она стояла с ворохом полиэтиленовых пакетов. Самарин знал ее по литературному объединению, где они познакомились лет десять назад. Вера писала неплохие стихи. По образованию она инженер-строитель, но в стране давно уже не нужны были строители. Вера зарабатывала на жизнь, как и многие, реализатором на рынке. Самарин не видел в этом ничего дурного, но и считал Веру закомплексованной. Перед близкими людьми ей было стыдно за свои стихи, а перед приятелями-литераторами – неловко за торговлю на рынке.

Самарин решил обойти бойкий пятачок, чтобы не смущать Веру, но было уже поздно. Она смотрела на него, ожидая встречного взгляда.

– Здравствуй! – приветливо улыбнулась Вера.

– Привет, как житье? – задал он обычный вопрос, хотя по одному занятию этой молодой красивой женщины было видно, что житье неважное. Тем не менее ответ Веры был оптимистичный.

– Все в порядке.

– Почему не показываешься в литературном салоне? – тут же спросил Самарин.

– Надоело. Одни и те же лица, – с грустинкой начала Вера, но быстро встрепенулась.

– Я посещаю сейчас общество Бахаи.

Самарин вопросительно посмотрел на собеседницу, но Вера и сама готова была поделиться своим новым увлечением.

– У нас совсем другая обстановка. Кстати, в следующее воскресенье отмечаем очередную годовщину создания нашего общества. Предполагается небольшой банкет. Это там же, в Департаменте национальных отношений, в Большом зале. Как у вас закончится, оставляй ваш салон и спускайся к нам, будет интересно.

Самарин растерянно поблагодарил Веру за приглашение. Он понятия не имел, что это

за общество и кто такой Бахаи. Вера отличалась любознательностью. То она была поклонницей творчества Рерихов и Елены Блаватской, то вдруг занялась изучением Библии в секте Свидетелей Иеговы, теперь же – общество Бахаи. Эзотерическая литература, различные учения, тайны Самарина тоже привлекали, но он предпочитал изучать все самостоятельно, не втягиваясь в сомнительные сообщества. Он ничего не воспринимал на веру, все анализировал своим критичным умом и на все имел собственное мнение, часто противоположное тому, что читал в книгах.

– Приноси стихи для нашего альманаха, – предложил Самарин, не найдя что ответить на приглашение. Вера тут же вытащила из сумки исписанный блокнот.

– Вот, посмотри, может, найдешь что-то интересное.

Самарин взял блокнот и бегло пробежался по страницам. Стихи Веры были похожи на птицу с перебитым крылом, она словно хотела взлететь, но сломанное крыло тянуло к земле. Опытный взгляд Самарина отметил интересные строчки, но сейчас в этой базарной толпе ему было не до стихов. Впереди предстоял тяжелый день, голова была запружена хлопотами, и он поскорее распрощался с Верой.

Самарин спешил в Дом печати. Там, в кафе, у него была запланирована встреча с писателем Ч. – редактором его книжки. Позже Самарин собирался встретиться с потенциальным издателем этой книги Филимоновым. Писатель Ч. уже ждал Самарина и после короткого приветствия минут двадцать тоном мэтра рассказывал ему известные школьные истины о литературе, о роли писателя в современной жизни, после чего вручил сборник со своими замечаниями и наставлениями, изложенными в пространным письме на трех машинописных страницах.

При выходе из Дома печати Самарин остановился у газетного киоска. Обилие печатной продукции всегда привлекало его внимание. Из-за хронического безденежья он уже лет шесть не выписывал газет. Иногда покупал их в киоске. Некоторые издания не читал принципиально, из-за их цинизма, другие – из-за нарушений авторских прав, с которыми сталкивался сам или его знакомые и коллеги. В кармане лежали сорок четыре лей, на которые он собирался купить лекарства для матери, страдающей грудной жабой. В последнем письме она жаловалась, что чувствует себя совсем плохо. Самарин задумался и решил потратить один лей на прессу. На остановке в ожидании троллейбуса он развернул газету. Последняя страница пестрела сообщениями из криминальной хроники. Взгляд остановился на одном, затонированном серым: «...в Кишиневе появился маньяк-убийца, жертвой которого стали мужчина и девушка». Едва Самарин это прочел, как рядом появился широко известный в литературных кругах поэт Н. Высокий, седой, сероглазый, с бородкой клинышком, он подошел с незнакомым молодым человеком лет тридцати пяти.

– Это Иван Самарин, – представил Самарина своему спутнику поэт Н., – у него несколько лет назад в «Кодрах» вышли пару интересных рассказов фантастики. Вообще-то он пишет стихи, но проза у него сильнее, – орал поэт Н. мощным баритоном. Самарин слушал, испытывая неловкость перед незнакомцем, что о нем рассказывают на всю улицу в центре города.

– Да, хорошенький журнал был, – согласился спутник поэта Н., – раньше на него подписка на весь Союз была. Как это его профукали? Я слышал, что им специально подножку подставили, чтобы избавиться от конкуренции.

– Да что журнал, страну профукали, – махнул рукой поэт Н., – они сами там виноваты. Напутали что-то с подпиской, вот журнал и сел в лужу. Да все равно он рано или поздно сгорел бы, не выдержав конкуренции. У нас нет литературы своей, а держаться на зарубежной, как они это делали, можно было до поры до времени.

– Как это нет своей литературы? – возразил Самарин, – а Друцэ, а ты, а другие местные писатели?

– Ну, сравнил. Друцэ – в Москве. Да он уже исписался и почивает на лаврах. Я – поэт, а на поэтах у нас деньги зарабатывают после смерти. Что касается остальной нашей писательской братии, то они раньше не пользовались успехом у читателей, а сейчас – тем более. Потому что как у читателей, так и у писателей давно сложился провинциальный

комплекс, что интересные книги могут писаться только где-то там, в Москве или Париже. Поэтому многие, как только напечатаются, стараются слинять отсюда подальше. А те, кто остается, не высоко летают.

- И ты тоже? – улыбнулся Самарин.
- Почему тоже? У меня в Москве две книжки вышли.
- Ну что, пойдём, может, где-то по стакану вина выпьем? – предложил спутник поэта Н.
- Нет, ты же знаешь, я завязал, пью только минералку.
- У меня нет времени, – отказался от приглашения Самарин, увидев, что приближается троллейбус, – мне в суд надо, по делу.
- Что за дело? На миллион? – неожиданно развеселился поэт Н.
- Больше, – крикнул Самарин, вскакивая в троллейбус, – «ставка больше, чем жизнь!»

В суде сектора Чокана, куда направлялся Самарин, почти месяц находилось его исковое заявление к акционерному обществу «Вега». На «Веге» он проработал десять месяцев и уволился до истечения контракта, потому что директор, показавшийся ему при поступлении на работу деловым руководителем, на самом деле оказался самодуром. На предприятии не только месяцами не выдавали зарплату, но директор изобрел собственную систему унижения работников (вынуждал писать заявления на получение заработной платы). Когда же недовольные уволились, расставался с ними без угрызений совести, не выплачивая заработанного. Затем с такой же легкостью набирал новых работников, которых ожидала та же участь. Удивительно, но никто из них не хотел ссориться с предприятием. Вот почему Самарин решил обратиться в суд, чтобы получить причитающуюся ему за пять месяцев заработную плату. Неделю назад из суда пришел туманный документ о том, что заявление его не соответствует статье 128 Гражданского Процессуального Кодекса, и, если он в десятидневный срок не устранил несоответствие, суд оставит заявление без рассмотрения.

Сосед Самарина, опытный юрист, посоветовал переписать заявление. Два дня назад Самарин лично принес его в суд. В канцелярии заявление не приняли, а направили к дежурному судье, которого на месте не оказалось. В приемной не могли ответить, где он находится и когда будет. Потоптавшись с полчаса под дверью судьи, Самарин снова пошел в канцелярию, но там категорически не хотели входить в его положение.

– Вы что, хотите, чтобы я отправил вам его по почте? – возмутился Самарин.

Завканцелярией, полная, высокая дама, наверное, поняла абсурдность ситуации и сдалась.

Сегодня Самарин специально ехал в суд, поскольку истекал последний день подачи заявления, и он решил лично убедиться, что с его документами все в порядке. Взяв документы в канцелярии, он направился к дежурному судье. На этот раз тот оказался на месте. В кабинете за столом сидела крупная женщина лет сорока, довольно приятной внешности. Едва он переступил порог кабинета, она, не предлагая сесть, грозно спросила:

– Что вам надо?

В ее голосе звучало нескрываемое раздражение. Самарин объяснил суть дела, положив папку перед судьей, и поинтересовался, все ли в порядке с исковым заявлением. Она небрежным движением листнула документы и фыркнула:

– Вы должны принести справки с предприятия о том, сколько они вам задолжали, и о том, что на предприятии отсутствует комиссия по трудовым спорам.

– А если они не дадут мне этих справок? – ошарашенный, поинтересовался Самарин.

– Ничего не знаю, – отрезала судья, – они обязаны выдать.

Самарин знал, что суд по просьбе заявителя сам мог запросить необходимые документы, но не стал спорить и решил, что проще будет поехать на завод и попытаться взять злополучные справки. Благо, ехать не так далеко, а часы показывали около одиннадцати.

На «Веге» его только и «ждали». Главный бухгалтер, лысоватый мужчина средних лет,

тут же потребовал заявление, подписанное директором или его замом. Самарин помчался в приемную. Начеркав заявление, бросился в кабинет директора, но тот, увидев своего бывшего начальника технического отдела, замахал руками: «Я занят, мне некогда, я сейчас уезжаю». Самарин вышел из приемной и устремился искать зама.

Ему повезло, он столкнулся с ним на лестничной клетке. Прочитав заявление, заместитель директора наложил резолюцию: «главбуху и председателю профкома выдать справки» и, возвращая заявление Самарину, сказал:

– Напрасно вы это затеяли. Будете получать свои деньги через суд еще дольше. У нас на этот счет имеются богатый опыт и хорошо отработанная система.

– Если вам это так не нравится, то выплатите мне зарплату, и я заберу свое заявление, – ответил Самарин.

– Ишь ты, чего захотел, – возмутился заместитель директора, – судом пугать будешь? Нет, нет...

Самарин вышел из кабинета и пустился искать председателя профкома. Скотинский, такая была его фамилия, стоял на улице у входа в офис и с кем-то разговаривал. Самарин показал заявление и попросил выдать справку об отсутствии на предприятии комиссии по трудовым спорам. Тот злорадно ухмыльнулся и сказал: «Справки я вам не дам, так как вы не член профсоюза».

Самарин поразился таким откровенным цинизмом. Он вспомнил, как бухгалтерия с первой же зарплаты стала удерживать профсоюзные взносы, как он ходил к бухгалтеру и объяснял, что он не член профсоюза (он забросил свой профсоюзный билет два года назад, окончательно разочаровавшись в профсоюзах), что они не имеют оснований удерживать с него взносы. Потом ходил к директору с просьбой прекратить безобразие, но реакции так и не последовало. Бухгалтерия до самого увольнения продолжала удерживать взносы с его зарплаты. Скотинский хорошо это знал, потому что Самарин заходил к нему и просил исправить положение. А теперь он стоял и победно ухмылялся. Самарину так захотелось заехать по физиономии этому мерзавцу с такой подходящей фамилией. «Черт с тобой, обойдусь без твоей справки», – подумал он и пошел в бухгалтерию за справкой о невыплаченной зарплате. Главбух, взяв заявление, сказал: «Справку получите только завтра, сегодня все заняты». Это означало, что у судьи будет формальный повод отклонить его исковое заявление, и завтра ему нужно будет начинать все сначала.

«Бога нет, бога нет, бога нет, ребята» – всплыли в памяти вдруг слова песни, услышанной на рынке. Против него работала хорошо отлаженная бюрократическая машина. Самарин понимал, что с ним играют в бюрократические игры, водят за нос, чтобы измотать и вынудить сойти с дистанции, то бишь отказаться от защиты своих прав в суде. Но не таков он, чтобы так легко сдаться. Бюрократов можно победить только бюрократией, решил он и, забрав у главбуха заявление, пошел снова в приемную директора. Там он написал еще один экземпляр заявления, которое зарегистрировал у секретаря и оставил ей, а первый экземпляр с резолюцией замдиректора и номером регистрации повез в суд.

Сделав в исковом заявлении приписку: «Прошу затребовать у ответчика справки, выдать которые мне отказались. Прилагается заявление директору А.О. «Вега» о выдаче справок», Самарин вновь предстал перед дамой-судьей. Она, услышав его объяснение и увидев красноречивый лист бумаги, поразилась его упрямству, больше не кричала, но, пролистав бегло его документы и заметив приписку от руки в исковом заявлении, снова фыркнула:

– Что это? Не приму никаких приписок от руки, перепечатайте! – потом, смилостивившись, – можете переписать от руки. И копии всех документов приложить в двух экземплярах.

«Бога нет, бога нет, бога нет, ребята», – вновь всплыли в памяти слова навязчивой песенки. «Вот вам бог, вот порог – вот ваша зарплата, – с иронией подумал он. – Для нее главное, чтобы я сейчас ушел отсюда, со своими документами».

Он вышел на улицу и задумался. Если поедет сейчас домой переписывать или перепечатывать исковое заявление, а потом нужно еще сделать где-то ксерокопии, то вряд ли

сегодня успеет вернуть документы в суд. «Нет, я вам заткну сегодня рты вашими бумажками, не пожалею ничего», – подумал он, садясь в маршрутное такси. Через полчаса он был на работе у жены, бухгалтера по зарплате одного из предприятий на Ботанике. Вызвав ее по телефону на проходную, он объяснил ей ситуацию. Не прошло и двадцати минут, как исковое заявление в двух экземплярах и копии остальных бумаг были у него в руках в надлежащем виде.

Было около пятнадцати часов, когда Самарин в третий раз появился в суде. Он зашел в канцелярию с намерением оставить документы и уйти. Как-никак они числились за канцелярией суда. Когда он их получал, никто не брал у него расписки. Однако не тут-то было. Та же высокая полная дама не захотела их принимать и снова направила его к дежурному судье. Но кабинет ее, находящийся в другом конце длинного коридора, был закрыт. Он повернулся и заметил в противоположном конце коридора ее фигуру, которая тут же исчезла в одном из кабинетов. Самарин пошел по коридору и увидел ее, стоящей в канцелярии и разговаривающей с дамой, пославшей его к судье. Он вошел и остановился рядом с судьей, перед барьером, отгораживающим работников канцелярии от посетителей.

– Вот, я принес вам полный комплект документов, сделал все, как вы требовали, – сказал он и положил пакет перед ней.

Она даже не взглянула на них.

– У меня приемный день закончился, – небрежно бросила она.

– Вы что, предлагаете мне послать их по почте? – его раздражала абсурдность ситуации. Рабочий день в суде в разгаре, а он должен идти на почту отправлять им документы. По закону он мог сделать это сегодня до двадцати четырех часов и срок считался бы не пропущенным, но зачем это делать, если он с ними в суде?

– Отправляйте, – вызывающе ответила судья, – я могу их сейчас выбросить в урну, и вы никому не докажете, что мне их дали.

Такого нахальства и цинизма от судьи он никак не ожидал. Внутри у него все закипело, и он, еле сдерживая чувства, произнес:

– Вы поступаете не по закону. Если будете нарушать мои права и подыгрывать этим бюрократам из «Веги», я откажусь от гражданства и уеду из этого государства. Вы что, этого добиваетесь?

Он бросил на стол пакет с документами и пошел прочь. Возмущение и негодование кипели в его сердце. «Какая глупость, – думал он, – почему это я должен уезжать из страны, а не эти проходимцы? Собрать бы их всех вместе, сослать на какой-нибудь необитаемый остров, пусть строят там свое бесправное государство».

Настроение было скверное, но впереди его ожидала встреча с издателем Филимоновым, которую он давно запланировал и не хотел откладывать. Миша Филимонов был его близкий приятель, жил на Скулянке в девятиэтажном доме, напротив озера. Они познакомились лет двенадцать назад в литературном объединении. Миша был моложе Самарина на десять лет. Раньше он работал корректором в книжном издательстве и писал стихи.

В начале 90-х, когда в стране был дан зеленый свет предпринимательству, Миша занялся челночным бизнесом – возил товар из Польши и Турции. За пять лет сумел скопить кое-какой капитал, на который приобрел сначала ксерокс, а потом небольшой печатный станок. За невысокую арендную плату установил его в подвале одной из школ. Поначалу печатал визитки, бланки. Но была у него мечта – стать крупным издателем и выпускать бестселлеры миллионными тиражами. А пока он довольствовался тем, что печатал тиражом в двести экземпляров книги членов Литературной ассоциации, в которую входили в основном молодые литераторы, в том числе и они с Филимоновым. Миша написал раз в десять меньше, чем Самарин, но зато успел издать два тоненьких сборника стихов, по которым его приняли в Союз писателей.

Самарин к членству в Союзе писателей относился равнодушно, хотя знающие люди убеждали его, что рукописи не членов Союза писателей в издательствах всерьез никто не воспринимает. Когда заходил разговор о членстве в Союзе писателей, Самарин с улыбкой отвечал: «Мечтаю умереть не членом Союза писателей». На самом деле, он мечтал о том,

что издаст, наконец, свою первую книжку, получит гонорар и сможет, оставив инженерную профессию, засесть за письменный стол, чтобы выписать то, что накопилось у него в душе и просилось на бумагу. Но времена, когда книги издавались и покупались в стране, прошли мимо него. Даже некогда очень известные писатели ныне были не у дел. Многие из них позабывались в глухие кабинеты газетных редакций и проявляли себя лишь тем, что изредка пописывали двусмысленные заметки про нынешнюю жизнь.

Денег на толстый сборник у Самарина не было, а издавать тонкими книжками, как советовали друзья, не хотел. Он никак не мог понять, почему нужно издавать несколько невзрачных тощих книжечек вместо одной нормальной.

Лицо Филимонова сияло от восторга.

– Проходи, старик, у меня сегодня очень хороший день, ты как раз кстати, отметим мою удачу.

Он провел Самарина в рабочий кабинет и широким жестом руки представил выставленные на показ книги. Экспозиция состояла из полутора десятка различных сборников, в основном стихотворных.

– А вот эта, – сказал Миша, беря в руки толстую монографию по истории какого-то ученого, – принесла мне сегодняшний успех. Меня признали не только деловые люди, но и самые крупные в стране издательства.

Книга была действительно хорошего полиграфического качества, и Миша не умолкал:

– Ты посмотри, посмотри, какая печать, какое качество! За это надо выпить. Пошли на кухню.

Миша поставил на стол коньяк, салат, бутерброды. Выпили за Мишин успех, а затем и за успех общего дела.

– Ну что, старик, ты виделся с Ч.? Забрал у него рукопись? – раздобрев после второй рюмки, поинтересовался Филимонов.

– Да, виделся, – Самарин положил перед Мишей распечатку своей книги с правками.

– По дороге к тебе посмотрел.

– Ну и что?

– С чем-то согласен, с чем-то нет. Скажем, если убрать тот эпизод, как он предлагает, – Самарин быстро нашел нужную страницу и ткнул пальцем, – рассказ теряет логическую последовательность, органичность. Надо делать новые связки в тексте. Так не пойдет. Только на первый взгляд кажется, что этот эпизод лишний.

– Думай. Тебе решать. Что ты держишься за этот сборник, написанный двадцать лет назад? Никому он не нужен. Раньше его не напечатали, а теперь поздно.

– Это тебе кто, Ч. сказал? Что вы мне все поете: давно написано, давно написано. Давно, это не значит, что плохо. Об этом твой Ч., кстати, молчит. Ты – конъюнктурщик и твой Ч. тоже. Вы работаете на потребу дня сегодняшнего, готовы удовлетворить самые низменные желания людей, лишь бы заработать. А меня это мало заботит, хотя в доме иногда жрать нечего, а жена давно, как на врага, смотрит. Я пишу о том, что всегда интересовало людей.

– Вечного ничего нет.

– Вечного очень много. Чего только стоит одна тайна появления человека на Земле. Но скажи лучше, на каких условиях ты собираешься издать мою книжку?

– Какие могут быть условия? Ты же знаешь, что денег у меня нет. Двести экземпляров тебе обойдутся примерно в полторы тысячи леев. За такие деньги ты сейчас нигде ничего не издашь, сам знаешь.

– А если на других условиях?

– Каких других?

– Половину этой суммы плачу я, половину – ты, тираж делим пополам.

– Смысла нет. Сто экземпляров – это не тираж, на нем не заработаешь, только время потеряешь.

Самарин ничего не ответил. После некоторой паузы сказал:

- Иногда мне кажется вся эта наша «бурная деятельность» мышинной возней.
- Раз ты так говоришь, значит, ты еще не определился.

Самарина эти слова задела за живое. Он понимал, что имеет в виду Филимонов. Это он-то не определился, – заниматься литературой или нет? Но, сдерживая эмоции, сказал:

– Ты не представляешь себе, какой я испытываю душевный раздрай, когда утром подъезжаю к заводу. Мысли мои о вчерашней недописанной главе. Мне приходится заниматься чуждым моей душе делом, а оно так далеко от того, чему бы я хотел посвятить себя. Я с нетерпением жду, когда выпадет час-другой, чтобы сесть за стол и поработать. Раньше, когда прогуливался по городу, мне в голову приходили чудесные строчки, я чувствовал себя героем, а сейчас букашкой. Потому что времени впереди все меньше и меньше, а сделано так мало.

- Что поделаешь, Ваня, не ты один в такой ситуации.
- У каждого своя ситуация.

– Надо писать, Ваня. Писатель должен работать двадцать четыре часа в сутки. Возьми, к примеру, Достоевского. Он же работал день и ночь, как каторжный. Правда, потом просаживал гонорары в казино. Но он без этого не мог, это его подпитывало, давало выход эмоциям, будило воображение. Ты Трофимова знаешь?

- Ну и что?

– Ты видел его первую книжку? Чепуха, не правда ли? Но он же через полгода новую принес, современную. Потому что работает. А ты на себе крест поставил.

Тут у Самарина заклокотало в груди, и он почувствовал, что сейчас взорвется, как вулкан.

– Это я на себе крест поставил?! Нет, это вы на мне крест поставили! Сколько лет прошло, как я принес свой сборник в вашу Ассоциацию? Пять, шесть? Что вы сделали для того, чтобы из него хоть что-то где-то напечатать, дать мне копейку заработать своим пером, чтобы я имел возможность продолжать писать? Да кто ты такой, издатель хренов, чтобы заставлял меня работать двадцать четыре часа в сутки? Ты что, за работу мне хоть копейку заплатил? И кто эти твои редакторы? Вы же зерна от плевел отличить не можете. Ты думаешь, если твой Ч. двадцать книг издал, то больше меня знает? Больше меня бумаги перевел, больше бессонных ночей испытал? Что ты меня с Достоевским сравниваешь? Достоевский был востребован обществом. Он даром, как я, ночами не работал, потому что жил в стране, где знали цену слову. Поэтому и мог создавать идеи, которыми теперь живет весь мир. Трофимова мне в пример ставишь? А ты знаешь, какая разница между мной и Трофимовым? Разница в том, что Трофимов нормальный мужик, писатель, со здоровым тщеславием. Он поставил себе цель стать членом вашего Союза и доказать всем тем засранцам, которые его за литератора не считали, что он не глупее их. А я – ненормальный, понимаешь? Я не хочу быть в одном союзе с теми, кто все делал для того, чтобы я не состоялся как писатель.

Самарин замолчал. От эмоций и бурного потока слов у него защемило под сердцем (признак обострившейся язвы), и он, переведя дыхание, продолжил спокойнее.

– Лет пять назад дал я в газету объявление: требуется литературный агент для заключения издательских договоров. Звонит одна, такая ушлая, как ты, работник издательства, спрашивает про условия и удивляется: «Вы что, хотите за свои книги еще гонорар получить? А вы знаете, что вы должны еще заплатить за то, чтоб вашу книжку издали?»

– Вот такие, как вы, – продолжал Самарин, – поставили в этой стране все с ног на голову, превратили ее в страну дураков. И вы хотите еще, чтобы я плясал под вашу дудку? Вкалывал день и ночь ни за грош? Черта с два! Не получите вы у меня на дурняк ничего. Ни одной строчки, ни одной мысли! Буду страдать, унесу все, что накопилось под моим черепом, в могилу, но плясать под вашу дудку не буду. Пока вы не поймете, что без книг, без идей вы – ничто, вы не государство, вы не общество, вы не люди. Ешьте голливудское дерьмо, смотрите перед сном порнуху и думайте, что вы люди.

– Ты что, считаешь, что твои сочинения лучше, чем «голливудское дерьмо»? – спросил Филимонов.

– Да, лучше, хотя бы только потому, что я еще не оскотинился, как они там. Но дело не только во мне, ты хорошо это знаешь.

– Ты уверен, то, что пишешь, кому-то когда-нибудь понадобится?

– Не уверен. Может, оттого и пишу, что не знаю, что с ними завтра будет. Но это не твое дело и не лезь в душу дальше, чем положено. Ну, найду я эти полторы тысячи, дам тебе, напечатаешь двести экземпляров моих рассказов, и что дальше? Книжку практически никто не увидит, свои финансовые проблемы я не поправлю, только еще больше залезу в долги...

– Почему? Продашь книжку, вернешь свои деньги, вступишь в Союз...

– От вашего Союза толку, как от козла молока. Там каждый о себе печется. Кроме права писать, он ничего не дает, а я этого права не спрашивал ни у кого раньше и сейчас не собираюсь. Продашь свою книжку... Ты хочешь, чтобы я работал инженером, писал книги и еще торговлей занялся? Да я не знаю, как это делается, понимаешь? Это твое дело, ты издатель, вот и зарабатывай на хлеб своим трудом, как я. Что, кишка тонка? Денег нет? Так чего же ты учишь меня, как жить? Вот когда появятся, тогда и позовешь. А сейчас извини, мне пора.

Надвигался августовский вечер, когда Самарин вышел из троллейбуса на углу улиц Штефана чел Маре и Пушкина, чтобы пересесть на пятый маршрут. Настроение было хуже некуда. «Какой скверный день и на что я его потратил», – размышлял он. В такие минуты ему всегда хотелось с кем-то поделиться наболевшим, снять камень с души, и он решил заглянуть к Жене Мартыновскому, своему приятелю, неунывающему весельчаку, который жил рядом, на улице Пушкина. Он собрался перейти улицу, как донеслась серена и Самарин увидел несущуюся на бешеной скорости пожарную машину. Он так и застыл на кромке дороги, немигающим взглядом встречая ревущую пожарку. Чудовищная мысль проскользнула в голове: а что, если сейчас сделать один шаг вперед? Всего один шаг. И все закончится – без боли, без мук. Внезапно и навсегда. Вместе с ним исчезнут все его проблемы, неудачи, неприятности. Не зря (вспомнил он давнюю статью в «Литературке») вычислительная машина, в которую ученые закладывали все новую и новую информацию о человеке, на вопрос, в чем состоит счастье, неизменно отвечала: «вечный покой». Несколько лет назад Самарин и Женя Мартыновский с женами поехали в лес по грибы. Когда они, устав от ходьбы, собирались сделать привал, у Тони, жены Евгения, случился сердечный приступ, и она потеряла сознание. Они тогда все здорово перепугались, били ее по щекам, брызгали в лицо водой. Слава Богу, через несколько минут она пришла в себя и сказала им, перепуганным от страха: «Если б вы знали, как мне было хорошо. Такая легкость, никакой боли, мук, страха. Такой блаженный покой!»

У Самарина в жизни было по меньшей мере восемь случаев, когда смерть дышала ему в лицо. Только он один знает, как отчаянно сопротивлялся, борясь за жизнь, и вдруг, вот сейчас на улице так глупо все закончить? «Нет, я еще поживу, я еще скажу свое!» – подумал он.

У Мартыновских ему открыла Тоня, маленькая, круглая, добродушная женщина. Она усадила Самарина за телевизор, сказав: «Женя погнал машину в гараж, сейчас подойдет», – и ушла на кухню готовить ужин.

Вскоре пришел Евгений, и Тоня позвала их ужинать. На столе стояли тарелки с горячей душистой гречкой, сосиски, салат, бутылка с наливкой. Душа Самарина уже успела оттаять в уютной дружеской обстановке, и он забыл о своих проблемах и горячих спорах с судьей и Мишей Филимоновым. Разговор, как всегда, шел о нынешней неустроенности, о работе, о детях. После ужина Евгений достал шахматы и предложил сыграть партию. Раскладывая фигуры, он сказал:

– Ну, что ты думаешь о нашей жизни? Скоро выкарабкаемся из этой ямы?

– Выкарабкаться-то мы выкарабкаемся, но с большими потерями. За все платить надо.

– Жизнь так устроена, что подъем сменяется спадом, потом наоборот, накапливаются

силы, и снова наступает подъем. Для кого-то это время свершений, но для меня и других таких, как я, это время потерь.

– Почему же?

– Такие, как я, не умеют приспосабливаться к жизни, они хотят ее переделать на свой лад, такой, какой, по их мнению, она должна быть. На этом пути они ломают себе хребты, рвут жилы, теряют бесценное время. Поэтому я сегодня – безработный инженер, невостребованный писатель с бездной мыслью в голове и ненаписанными книгами. Это не мое время, к сожалению.

– За что боролись, на то и напоролись! Почему мы такие бестолковые? Вроде, народ у нас не глупый, не ленивый, а живем хуже всех?

– Потому что у нас мало людей, думающих перспективно. Вот ты, например, на сколько ходов вперед просчитываешь, когда играешь в шахматы?

– В зависимости от положения. Иногда на два, три хода, а иногда и на пять.

– Вот именно, в зависимости от положения. Если бы у нас каждый человек на своем месте больше думал и просчитывал свои действия хотя бы на два хода вперед, мы бы сегодня были совсем в другом положении. Умных много, но дальновидных нет. Как пел Высоцкий: «Пророков нет в отечестве своем, но и в других не густо». Сначала огромную страну развалили, покромсали на части, потом промышленность угробили, а там и сельское хозяйство до ручки довели. Видел, что осталось от колхозных ферм? Кучи навоза, которые даже на поле вывезти не могут, да разрушенные коровники. Рушить старое можно, когда есть хотя бы фундамент нового. А мы всегда бежим впереди паровоза и лишь потом думаем о последствиях.

– Но лет через пятьдесят новое поколение, может, скажет спасибо тем, кто разрушил Советский Союз?

– Не знаю, как будущее поколение, но нынешнее в большинстве своем их уже прокляло.

– Выходит, у нас одна надежда – на Запад?

– Вот это и есть самая вредная мысль и самое глупое заблуждение некоторых людей. На Запад надейся, но сам не плошай. Он-то поможет нам, но если мы сами не будем работать и защищать себя от их могущественного капитала, нам это дорого обойдется. Это будет стоить нам нашей свободы.

Самарин играл рассеянно, партия для него была проигрышной, но он все же сумел свести ее вничью. Когда собрался уходить и стал прощаться, взгляд его упал на висевшую в прихожей гитару. Это была чешская «Кремона». Он взял ее в руки, тронул струны, и сердце его затрепетало. Вспомнилось сельское детство, отрочество, гармонь, на которой играл, пока не уехал учиться в институт. Гитару он обожал, но так и не сумел выучиться играть на ней. Теперь его пятнадцатилетний сын пристрастился, но инструмента у него не было.

– Кто играет на ней? – спросил Самарин.

– А никто, – сказала Тоня, – это Женя когда-то собирался стать бардом, да так и не хватило желаний.

– За сколько продашь ее? – обратился Самарин к Евгению. – Я тоже мечтал научиться играть, но на все времени не хватает. Теперь вот мой Валерка увлекся, может, у него получится.

– Да ладно, бери ее. Как научится играть, позовешь в гости, выпьем и споем все вместе.

Было около полуночи, когда Самарин вышел из троллейбуса на Мунчештской. С гитарой в одной руке и папкой в другой, он стал подниматься по переулку, ведущему на бывшую улицу Краснодонскую. В какой-то момент ему показалось, что за ним кто-то идет. Он оглянулся. Было темно. Ночью фонари горели не всюду даже в центре города, а в этом глухом переулке и подавно. По небу за облаками скользила луна. Показался силуэт человека, в шагах пятнадцати от него, скорее всего, мужчина. Самарин больше не оглядывался, прибавил шагу и почувствовал, что незнакомец не отстает. Возле дома 97 на

Краснодонской он свернул в свой переулок, чувствуя спиной, что незнакомец почти наступает ему на пятки. Метрах в ста от своего дома нервы Самарина не выдержали, и он резко повернулся. В свете вынырнувшей из-за облака луны он увидел перекошенное лицо безумца, рука его взметнулась вверх, и сверкнувший нож завис над головой Самарина. «Вот она, моя смерть», – промелькнуло в голове, и он инстинктивно поднял руку с гитарой над собой. Лезвие ножа скользнуло по грифу и струнам, и тишину, как гром, разорвал грозный аккорд. Он был такой мощный и трагичный, что Самарин на миг онемел. Нож выскользнул из рук покушавшегося, и он тоже остолбенел. Самарин опомнился первым и бросился на безумца. Теперь уже нельзя было отличить, кто из них нормальный, а кто маньяк. Безрассудная ярость бандита будто передалась Самарину, и он ударил его сначала гитарой, от чего та снова взвыла в тишине, а потом повалил его наземь и начал колотить руками и ногами со словами: «Гад, тебе моя жизнь понадобилась? А смерти ты не хочешь?» Наконец, опомнившись, незнакомец все-таки вывернулся из тисков Самарина и бросился прочь. Самарин тоже пришел в себя.

Когда с разбитой гитарой он вошел в дом, жена уже была в постели.

– Где ты пропадаешь так поздно? – спросила она.

– Ходил работу искать, потом зашел к Мартыновским.

– Ну и что, нашел?

– Пока нет.

Она тяжело вздохнула и перевернулась на другой бок. Самарин, не зажигая свет, разделся и лег. Напряженные нервы гудели, как струны. В такт им, казалось, вибрировали все клетки тела. Самарин вспомнил, что из намеченных в записной книжке дел на сегодня он так и не сделал главного – не зашел в аптеку за лекарством для матери. «Боже мой, как я бестолково живу, – подумал он, – на что я потратил день. Ни одно из моих дел не стоит даже одной минуты, на которую можно продлить жизнь мамы».

Уснул он только к утру. И приснилось ему, будто летит он над землей, распахнув руки-крылья. Под ним копошатся люди. Они снуют бессмысленно туда-сюда. Одни пешком, другие на авто, поездах, трамваях.... Тут он увидел под собой огромный муравейник. Все муравьи тащили из него на спине по соломинке, кроме одного-единственного муравья, который таскал их обратно в муравейник. Самарин стал парить над ним. Вдруг он обнаружил, что лицо у муравья человеческое, очень знакомое. Он присмотрелся – это было его лицо. «Какой глупый муравей», – подумал он, просыпаясь.

Владимир ГУСЕВ

Родился 18 мая 1937 года в г. Воронеже. Прозаик, эссеист, публицист, критик, литературовед, автор прозаических и поэтических дневников. Председатель правления МГО СП России, доктор филологических наук. Лауреат премий Москвы, имени А.С. Пушкина, М.В. Ломоносова, Ф.И. Тютчева, М.А. Шолохова и многих других. Имеет государственные и ведомственные награды.

Рассказы**Ночью**

После очередного бессмысленно-«откровенного» разговора с приятелем, который то учил меня бизнесу и вслух мечтал, что «сделает» 40 миллионов, то настойчиво спрашивал: «Ну как, как сделать (опять «сделать»!), чтоб она меня полюбила?» (имея в виду собственную жену), – я возвращался домой один пешком, ну, не через всю, но через несколько центральных кварталов Москвы. В башке еще стоял весь этот интим, который с моей стороны заключался в желании миролюбиво отвечать на дурацкие вопросы и поучения, а с его – как видим, в этих самых вопросах и поучениях. «Пить надо меньше», – мысленно отвечал я на вышеприведенный его вопрос. «Мы погибли, погибли, но не оттого, что нас обманули наши вожди, а оттого, что нас не поняли наши жены». Он, как бывает, спяну переоценивал свою мысль. И от этого повторял, повторял ее. Затем снова повторял тот вопрос: «Ну как, как сделать...» – и так далее. Я еще раз подумал о том, что и сам «не враг Змия», но что окружающий размах пьянства в последнее время меня удручает. И что в этом-то больше опасности, чем во всех происках Гайдаров. В ответ же на поучения у меня всплыл в голове афоризм, кем-то изобретенный тоже в самое последнее время (перефразировка классика): «Не приведи Бог видеть русский бизнес – бессмысленный и беспощадный». И еще: «Рашен сам себе страшен». Мол, поймите меня правильно: я за национальный капитал, но опять-таки не за такой пьяный.

Между тем я выходил к Красной площади и, как всегда при этом, постепенно начинал испытывать одновременно свежее, тревожное, грустное и мягкое, что ли, чувство. Да, вот. Вот откроется.

Я вышел – и вдруг был поражен.

Картина была та же, но и не та.

Я как-то не учел, что времени около трех ночи; что хотя и не холодная, но зима, и что сам я, видимо, втайне нахожусь в состоянии той некой странной готовности неизвестно к чему, которую в эти месяцы наблюдал и во многих людях.

Все «интимы» с приятелем вылетели из моей головы; и открылось... что?

Не знаю.

Можно описать лишь внешние контуры.

Площадь была абсолютно, совершенно пуста, и стояли лишь – эти стены и башни, подсвеченные снизу.

Всё это и всегда подсвечено во тьме, и картина была, конечно, не новая; но абсолютная, совершенная пустота и полная, полнейшая тишина-молчание площади соединялись с этим светом, и создавалось четкое впечатление, что эти башни-стены знают что-то.

Знают, но молчат.

Смотрят прямо и на меня, и на всё – и молчат.

Странное подступило к сердцу; «Москва, Москва», – прошептал я, видимо, вслух.

Быстрые и полные слезы пошли из глаз; я их не стирал.

Шаги сзади-сбоку, наконец, заставили меня оглянуться; подходили два милиционера в толстых шинелях, в валенках.

Я не испытал никаких чувств по их поводу и стал опять смотреть на Кремль, не вытирая слез.

Они молча остановились за плечом, как это умеют милиционеры.

Все мы помолчали.

– Как вас зовут-то? – спросил один.

Я назвал фамилию.

– Да нет, имя-отчество, – пояснил он спокойно.

Я ответил.

– Далеко живёте?

– Тут, за мостом.

Снова помолчали.

Я оглянулся на них; они смотрели не на меня, а тоже на Кремль, в глазах их были отсветы того света, и я уверен был в ту минуту, что мы все трое испытываем одни и те же чувства.

Хотя они и без слёз.

Я отвернулся от них и снова начал смотреть; все мы снова молчали.

– ...давайте поможем портфель донести, – сказал тот же (другой так и промолчал все время), назвав меня по имени-отчеству.

– Ну давайте, – ответил я.

Мы пошли в сторону моста: они рядом, и я рядом с ними – с краю. Тот нес портфель.

Мы молчали.

– Вы кто по профессии? – спросил он.

Я ответил.

– Может, до дома вас довести?

– Как знаете.

Пауза.

– С Пикулем были знакомы?

– Нет.

Все снова помолчали.

– А как к нему относитесь?

Я ответил в стиле «положительно с оговорками».

Помолчали снова.

Наконец он сказал:

– Ну до моста мы вас доведем, а там сами.

– Ладно.

До моста оставалось-то шагов двадцать.

Мы прошли их.

– Ну спасибо, до свидания.

– До свидания.

Без имени-отчества: отключаясь от общения; передавая портфель.

Далее я снова пошел один.

Вспомнил и о приятеле...

Разгоняли деревню

Разгоняли деревню. Собаки дежурили у метро, поджидая хозяев. Мы уже знали их, этих собак: вон рыжая, хвост крючком, вон «Шарик» (так его наскоро окрестили прохожие, а он отзывался) – умный угрюмый черно-белый пёс с каким-то шрамом на носу. Кстати, забегаю вперед, после он тоже поселился в подъезде, жил под лестницей, а на зов для еды выходил к двери. «По делам» стремился на улицу, терпеливо ожидая, подняв переднюю лапу, пока кто-либо пройдет и откроет ему эту двойную дверь с замком. Будь одинарная простая, он бы сам подцепил. Как многие «дворники», пёс был невероятно умный: понимал не только общий тон и смысл, но и подробности человеческой речи. Скажешь – «Шарик, отойди на два шага» – отойдет именно на два шага. Потом он «куда-то делся», и речь не о нем. Знали и большую собаку типа овчарки, но «подпорченную». Эта стояла в стороне и молча ждала. А Рыжий скулил, тоже подняв переднюю лапу, у самых метрошных дверей; когда очередной поток людей вываливался снизу наружу, он виновато-жалобно смотрел вверх на всех и на каждого, но хозяина не было. Шарик стоял близко, но молча, медленно помахивая хвостом из стороны в сторону. Ну и так далее: вели себя собаки сообразно характерам. Сколько их было, этих собак, бог весть, ведь не все сидели у самого входа. Многие, по собачьему обыкновению, делали круги около, расположились поблизости на пригорках, прятались от глаз и прочее. Кстати, где же были их чертовы хозяева, почему не выходили из метро, неизвестно. Ну да, деревню сносили, им «давали квартиры», но ведь не перелетели ж они на крыльях в эти квартиры. Надо было суетиться, заботиться, ездить туда-сюда, и не только на машинах. Как им удавалось по дороге избегать своих этих ныне бездомных собак, бог весть. Деревня эта давно уже была в черте города и строительства, бетонные коробки надвигались на нее со всех сторон, она была обречена, и все это знали. Знали и вокруг, и в деревне. Все, то есть люди. Собаки не знали; они служили своим домам и дворам. Многих из них мы видели, гуляя по деревне: видели в их дворах, уверенных, медлительных, деловитых. Теперь вот они потерянно сидели и слонялись у метро, которое тут тоже было уже давно. Но это к тому, что собаки привыкли к пафосу города, ориентировались в нем, да и не могли, конечно, не чувствовать, что «что-то происходит». Но куда им было деться-то?

И что такое собака без хозяина?

Словом, один такой пёс в конце концов приблудился и к нашему подъезду. Он сначала забился в нишу подвала с той стороны – со стороны улицы, дороги. Ему стали бросать с балконов и в форточки, а то и просто выносить, огибая дом, разную еду. Он быстро понял, откуда она исходит, в свою очередь обогнул дом и появился в подъезде. Над ним охали, ахали, его кормили. Пёс был тоже вроде овчарки, но маленький: видимо, овчар или овчарка согрешили с небольшою дворняжкой. Мы было забрали его к себе, но он тут же поразогнал по верхам наших котов, сжевал почему-то газету и две книги, лег было спать, но встал и начал скулить у двери: так жить ему было непривычно. Он вышел опять в подъезд и там пристроился.

Но дело не в этом.

Раз мы слышим – что такое: переполох в подъезде; и где-то собака лает.

Где-то, ибо как-то глухо: не в самом подъезде.

Выхожу я.

Картина такая: Полкан (так его называли, у нас особенно не мудрили), задрал хвост, стоит у подъезда – и аккуратно, добросовестно, хрипло лает на всех, кто приближается к этому месту придомного тротуара. А подъезд, надо сказать, был третий, то есть это была середина дома. Люди всё время ходят туда и сюда. В ту сторону метро, в эту магазины.

Эти люди, надо сказать, смущенно обходили собаку: не понимая в чем дело, но «чуя что-то».

Дело осложнилось тем, что непосредственно к подъезду, желая войти, завернул один там человек, который как раз сильно ворчал, что вот еще и собак в подъезде поразвели.

Не знаю уж, случайно это было или нет, но Полкан облаял и его. И грудью встал, не пуская в подъезд.

Тот мужик, надо сказать, как-то тоже в недоумении остановился. Ворчание ворчанием, а что делать? Не пускает, и всё. Не кусает заранее, но лает и не пускает.

Полкан помнил нас, которые его кормили и водили домой, решил, что мы признали себя его новыми хозяевами, посомневался, поколебался, поселился у двери хозяев, как и жил всю жизнь, и начал служить. Работать начал.

Я здесь живу, я здесь работаю.

Не пускаю в дом никого, кроме хозяина.

Что было делать?

Начальство в нашем доме было сволочное.

Идти внутрь квартиры Полкан решительно отказывался, да и для нас проблема это – дворовая собака среди квартиры. Жизнь-то есть жизнь.

Полкану грозила жалкая гибель, но, как в сказке, нашлась, как говорится, добрая душа.

Это была очень странная, если не сказать более, дама лет пятидесяти пяти, жившая через подъезд от нас. Она собирала всех окрестных диких собак и кошек, кормила их, содержала, потом отпускала и опять собирала. Она и со мной была в конфликте из-за моих котов. На мой балкон первого этажа она вечно тайком подставляла разные блюдца и банки с молоком, треской, тушёнкой и прочим – и, толстая, убегала, шурша кустами. Меня это, естественно, злило, тем более что я и сам голодал, но котов кормил, когда семейство было в отъезде. Услыша вкрадчивый скрип очередной консервной банки по цементу-бетону балкона, я открывал балконную дверь и говорил во тьму:

– Да черт же возьми, – или что-либо в этом роде.

На что однажды услышал из тьмы:

– Вот какой. Сам ест, а кисенек не кормит.

Однажды она соорудила экспедицию по спасению некого полувзрослого пегого кота, который, как это бывает с кошками, вверх-то на дерево влез мигом, а слезть не мог. Сидел на ветке и уныло мяукал. А выше на дереве было гнездо ворон, у которых как раз начали слетать слётки. Но некоторые были еще в гнезде. Вороны родители и более крепкие, чем в гнезде, их дети начали с граем пикировать на несчастного кота, а с воронами, как известно, шутки плохи.

Дама достала лестницу, долго призывала окрестных ребят, но они со смехом разбежались, наблюдая издали, что будет, и не успели мы, выйдя на свои балконы, опомниться, как она приставила лестницу покрепче к ветвистому дереву и сама полезла. Это было зрелище! Толстая, но решительная. Из-под платья мелькает комбинация. Кота она сняла, но, как на грех, в этот миг из вороньего гнезда грянулся, распылив перья, очередной слёт-ток. Он сидел под деревом, еще беспомощный и растерянный, вертя головой и раскрывая клюв. Вороны родители и их более взрослые дети совсем уж взбесились. Тогда эта дама столь же решительно взяла птенца и снова полезла вверх. А гнездо было, конечно, куда выше лестницы. Тут уж кто-то из ребят-отроков сжалился, перехватил у нее птенца на лестнице и полез выше. Рискуя глазом, ибо старые вороны не сразу поняли его намерения, он долез до гнезда и под общее одобрение всего двора водрузил несозревшего вороненка на место. Причем старые вороны при конце перестали его атаковать: нет птицы острее и умней вороны.

Такая была особа.

И благо, что такая всегда не всегда... ну, в общем, иногда и найдется.

Она-то и занялась Полканом.

Как уж она там с ним воевала, бог весть, она была человек опытный, но только он в конце концов просто прижился у неё в квартире навек, навсегда.

Я с тех пор переехал оттуда, а был недавно по делу – случайно рядом.

Идет эта дама, ведёт на поводке постаревшего, поседевшего Полкана. Он медлит, как

водится у собак, что-то туда-сюда нюхает по дороге, опустив черный нос к самому асфальту.

– А-а-а, здравствуйте! Как вы там?

Это она: приветливо-радостно.

– Приветствую вас; да ничего. Полкан?

– Полкаша...

Пёс поднял голову, посмотрел на меня спокойно и скорбно.

Парад медработников

Я ехал из Москвы в Воронеж.

Разговор в купе вертелся, конечно, вокруг продуктов, цен и политики: как всегда у нас в поезде. Все сходились на том, что такого не было и неизвестно, что теперь делать.

Под эту мажорную мелодию за окнами вагона стало темнеть, и постепенно исчезли из виду эти синеватые снега и темные дома и деревья.

Кто-то, как и положено, упомянул о чае. Обсудили и этот вопрос: что же, теперь, е... и его мать, и чаю не будет, хотя бы и по таким ценам? Ну уж дошли.

Ругаться не боялись: ехало четверо мужиков. Трое командировочных. Ездим, ездим... Не устали ездить.

Подождали и еще поругались на порядки и проводницу.

Сходили к ней: да, чаю не будет.

Еще поругались и посидели.

– Ну что же, раз так, так спать.

Все предвидели эту сентенцию, дружно посидели еще секунду, ожидая: кто встанет первым? Опытные ездоки знали, что всем сразу суетиться не след.

Всё равно не поместимся в этом купе с этими слипшимися наволоками на пальцах, локти растопырены; с этими неизменно мокрыми серыми простынями в руках, сующих их туда и сюда.

Кто-то встал и взял пачку белья, остальные тоже встали, чтобы выйти в коридор и не мешать ему.

Но в это время в радио умолкла идиотская музыка и четкий женский голос объявил:

– Граждане пассажиры, если в поезде находятся медработники, просьба срочно пройти в вагон номер девять.

Пауза – как бы затаили дыхание.

Как бы сглотнули.

И снова:

– Граждане пассажиры, если в поезде находятся медработники, просьба срочно пройти в вагон номер девять.

Все мы помедлили и помолчали.

Невольно глянули друг на друга: нет ли медработников?

Нет.

Даже и не спросили вслух: мужики, мужики.

Командировочные...

Мы снова сели, посидели.

– Вот гады. Раньше в каждом поезде был врач. Теперь, видно, и этого нет.

– Какие врачи. Экономия. И так горят.

– Что ж, даже и медпункта нет? Сестра там?

– Аптечка у проводника?

– А х... их знает.

– Да.

Мы еще посидели.

Кто-то инстинктивно шире отодвинул дверь. Девятый вагон был рядом, больше полпоезда за нами. Не пройдёт ли?

Молча сидели мы две, три, четыре минуты. Поглядывали на дверь.

Никто не шёл.

– Д-да, – с тяжким сердцем сказал, наконец, белесый лысоватый инженер лет сорока. – Ведь вот.

И он умолк.

Все молчали – и молча говорили одно и то же: не то беда, что... а то беда, что....

Мы уж готовы были перевести все это в рассудочные понятия, как вдруг по коридору торопливо, эдак собранно прошла группа людей.

Мы снова помолчали.

– Это что ж... столько медработников? – наконец сказал кто-то.

Вдруг в такой же манере прошла еще группа. Мужчины, женщины.

Потом еще и еще группы.

– Ка-а-акие все сознательные, – раздался из соседнего купе – где, оказывается, тоже была открыта дверь! – иронический молодой мужской голос – молодые, нынешние! – голос, в котором, однако, очевидно сквозило скрываемое удовольствие, вернее, некое как бы сочное удовлетворение.

– Пойдем и мы, что ли? – сказал пожилой мелиоратор в полосатой рубашке, в помочах.

– Да зачем, – спокойно и довольно сказал эдакий рассудительный, какие бывают у нас, малый, радиотехник лет тридцати. – Зачем нам? Там уже многие пошли. И сколько там надо-то. Это ж не медики. Там хороший медик один нужен... И с того конца-то ведь тоже пошли, – добавил он таким тоном, будто сам и организовал все это движение.

– Что-то не сразу они пошли, – кривясь эдак, сказал пожилой. – Мы-то...

– Ладно, папаша, – примирил тот инженер. – Вы тоже не сразу ходили.

– Мы? Чего это ты? Мы-то...

– Да ладно, – сказал и я.

Прошло минут двадцать.

Нехотя говорили о том о сём.

– Интересно, что там-то? – наконец, начал опять именно инженер.

– Да, интересно, – снова сказал и я.

– Ну, что. Что могли – сделали, – резюмировал радиотехник.

– А всё же как оно, – сказал пожилой.

И в самый этот миг по коридору в оживлении прошла кучка людей – в обратном направлении.

Да, они улыбались и зубоскалили...

Ну, тут и мы эдак со вздохами улыбнулись друг другу – еще посидели – и скоро и встали.

Стелить постели....

Две женщины

Если можете представить такое смутное как Вселенная, то представьте. Далее начинайте сужать круги: есть такой способ зрения.

Галактика, Солнечная система, ну и так далее; всё это, конечно, условности нашего бедного рассудка, но что делать.

До Земли добрались. Земля невелика, но и велика. Тут-то и начинается большое дробление кругов.

Наша бывшая Страна, Москва. Метро. Сосредоточьтесь на Метро. Метро – это Вселенная в миниатюре. Итак, Метро.

Ахтунг, Ахтунг, как говорится.

В метро сейчас с достаточно средней скоростью, далекой от скорости света, сближаются между собою две женщины, «ничем не примечательные» на вид. Одна сидит, другая идет, но они сближаются.

Клара Кудимовна идет на работу, опаздывая на лекцию на двадцать минут. Нельзя сказать, чтобы она при этом спешила. В голове ее прокручивается вчерашнее заседание кафедры и то, как она отбрила всех этих мужиков. Клара Кудимовна, хотя и Кудимовна, как это у нас водится, русская, но демократка. Она всю жизнь была интеллектуалкой, недовольной этим миром. Недовольна она была потому, что была «умна до неприличия», как злословили о ней ребята на курсе, как-то вся резка-угловата внешне, что было очень заметно, разумеется, удручающе некрасива и при этом очень активна, энергетична. Энергетична именно. Ей еще не повезло в том смысле, что благодаря своему этому энергетизму она вышла замуж. Ну была бы уж старой девой, так нет. Муж, как и положено, попался ей высокий (она была чересчур низенькая), белесо-красивый, эдакий дряблый и тоже умный. Он уныло изменял ей направо и налево, она, конечно, знала это и всё более уходила в свою гуманитарную науку и общественную деятельность. Она решила, что недовольна не миром, а именно этой страной. Студентов и вообще «службу» она спокойно презирала и считала, что «должны же как-то» (её любимое выражение) содержать таких как она полезных людей. Так прямо она и считала и говорила. Вот и содержат. Но и придираются. – «Клара Кудимовна, вы опять.... э-э-э... едете за границу, но как же курс? Как же лекции? Во всем остальном мы как-нибудь... но...» – «А вы завидуете, что меня приглашают за границу, потому и придираетесь?» – «Да, но... лекции...» – «Придумайте что-нибудь». – «Да, но... извините... но вы так резки, что и я должен... у вас ведь зарплата, да!» – «Ах вы... да как вы разговариваете с женщиной?» – «Но мы вам платим зарплату». – «Зарплату мне платите не вы, а государство. Я пока еще живу в свободной России. И она обеспечивает права своих граждан».

Клара Кудимовна с удовольствием прокручивала заново эту пленку, с неудовольствием вспоминала про подлых студентов, которые там сейчас бездельничают в аудитории, и продолжала свой путь в толпе по длинному переходу в Метро.

В толпе, где многие не походили, а многие и походили на нее чем-то, что она искоса замечала, и это последнее тоже доставляло ей удовольствие.

Дарья Петровна два года назад жила в селе Забродки, близ Овруча. Это самая эта точка, где сходятся Россия, Украина и Белоруссия. Тут и Чернобыль проклятый недалеко. Ну, ладно. Всё бы ничего. Была хата, не больно, да ничего. Был огород. Ну, что ещё. Да вот начали они... Кто они? Да и не знает. Вроде тут не Молдавия, чтоб ее, да и не Кавказ. А вот поди ж ты... что? Да кто её знает. Дёргают, дёргают. По ночам спать не дают. Стрельба даже... А тут сын Ивашка в Москве. Приезжай да приезжай. Ну, приехала. Сразу видно, чего-то не то. Бизинис у него. Ну, бизинис. Дальше что? – «Маманя, у тебя нет денег? Взяла с собой?» – «Да кой-чего есть. А что?» – «Дай, нам тут выпутаться надо. Через два дня отдам». – «Ой, Ванька! Не дам, не дам». – «Да ведь на два дня!» Ну, уговорил. Да и пролетел в трубу. – «Погоди, мамаша, еще неделю. Всё будет». Годили. Есть стало нечего. Сына забрали.

Всё это она уже рассказала сто раз, а теперь устала.

Куда и правда деваться?

Жила, свой дом, огород и сад. Печь... дрова...

Слово за слово, одичала совсем.

Люди научили: пойдти в метро, сядь.

– Милостыню?!

– Да нет, это нынче не милостыня; ну, попроси вон Кольку, он нарисует тебе плакат. Это сейчас не милостыня.

... И вот уж шестой день, с утра до ночи, сидит уважаемая сельчанка «от стрежня» России, Украины и Белоруссии в углу тут в метро, на решетчатом дощатом ящике из-под продуктов, и держит перед собою палку с квадратным картоном-плакатом, на котором прописано неяркими синими печатными буквами:

«Не имею денег на проезд. Граждане, помогите уехать домой».

...Не имею денег на проезд! Граждане! Помогите уехать домой!..

Колька предлагал всякие «люди добрые» и «я жертва»; но Дарья Петровна не захотела.

И вот она сидит шестой день, и кое-кто и помогает, но денег всё ещё мало. Мало!

Билеты нынче... мало денег.

Дарья Петровна шестой день почти не ест, соседи на лестнице предлагают, да совестно. Берет, но немного, сыта, мол.

И за Ваньку сердце болит: это уж...

Она сильно изменилась за эти дни.

Из слегка по тону суровой, хотя и улыбчивой пожилой женщины она стала какой-то мочуей угрюмой старухой; лицо вроде б потемнело, а волосы из-под платка – посветлели, хотя и не седые будто.

Взгляд ее постепенно кругло расширился и остановился в некоей точке напротив этого угла, на уровне людских животов, поясиц.

Есть полное ощущение, что она напряженно и одновременно задумчиво видит что-то – там, сквозь людские плащи, пальто, сквозь тела, там, на той стене.

Видит, и всё.

Спина ее кругло согнута, в руках, локтями положенных на сведенные и подобранные колени, она вместе с палкой держит кастрюлю, данную ей соседями сына.

Туда и сыпят рубли.

Она не видит, не знает, кто сыплет; она заранее чувствует приближение человека, который подаст (да, подаст, она уже знает это) – он, видимо, смущается, веет от него теплым, затихают, стихают его шаги – но она вот не видит его, не интересуется им: всё и правда ей – сквозь туман.

Так сидит она, широко смотрит из угла сквозь людей – туда, в стену.

Клара Кудимовна приближается к Дарье.

Что же будет?

Подходит.

Клара смотрит на Дарью.

Дарья смотрит на Клару: на деле сквозь неё.

Но и Клара смотрела не на Дарью, а сквозь неё...

Клара Кудимовна миновала Дарью.

Вот и всё.

Только и всего.

Ну что, ребята? Лихо начинали, лихо закончим.

Есть разные измерения жизни.

Вселенная, не раскрывай своих тайн.

Стой, Вселенная.

Ввысь, Вселенная.

Николай КОСТЫРКИН

*Продолжение. Начало в № 3***Пес из Махи****ГЛАВА III****Мысли вслух**

Если ты сохранён чудесным заклатьем,
 То веди свою жизнь не спеша.
 Если ты сомневаешься в бренности тела,
 Значит, бренна твоя душа.
 Если ты от земли оторвал стопы,
 То достигни планет других,
 А где-то в земле лежат павшие воины,
 И некому учить живых.

Если ловкость мысли тебе трудна,
 Обучайся ловкости рук.
 Если страшные сны стали явью казаться,
 Избавляйся от этих мук.
 Если начал путать добро и зло,
 То вспомни друзей боевых.
 А где-то в земле лежат павшие воины,
 И некому учить живых.

Если люди продолжают вгрызаться в сердце,
 Утратят наличье зубов.
 Если занятость мозга возрастёт вдвое,
 Можно будет общаться без слов.
 И когда мы начнём смеяться глазами,
 Но нас не сочтут за немых,
 Как раз тогда встанут павшие воины,
 Но уже не найдут живых.

...заклинание на удачный переход По Ту Сторону и не менее удачное возвращение обратно...

Суеверные женщины говорят, что Ди любят заниматься подменой новорождённых. Выкрадут человеческого ребёнка и заменят своим. И тот, украденный у мамы с папой грудничок, однажды перейдя грань Миров и став воспитанником Ди, никогда уже не пожелает вернуться обратно, к людям. А маленький отпрыск Туатха Де Дананн, не догадываясь о своём происхождении, всю жизнь будет скучать по своей родине – Верхнему Миру. Я всегда считал, что это неправильно, а когда спросил отца, тот сказал:

– Да, так оно и есть. Кровь Ди обманом живёт среди потомков Сынов Мила. А их детей Ди воспитывают как родных и оставляют у себя. Кое-кто из таких подменышей хочет вернуться назад в Мир Людей. Тогда его отпускают на три дня, чтобы осмотрелся, привык, ещё раз хорошо подумал. И знаешь, к нам возвращаются почти все из них: люди, воспитанные нами, уже не могут ужиться среди своих сородичей – им... скучно, неинтересно.

– Зачем Ди вообще крадут человеческих детей?

– Для обновления крови, Сетанта. Видишь ли, нас теперь гораздо меньше, чем могло бы быть, и браки между близкими родичами могут дать детей, весьма напоминающих... форморов. Случаи уже были, и никто не хочет их повторения. Поэтому приходится проводить естественный отбор. Те из Сынов Мила, кто жизнью своей во многих перевоплощениях доказал чистоту духа – в противном случае Верхний Мир просто вытолкнет таких обрат-

но – берётся на воспитание одним из нас, почти всегда кем-то из Младших Ди. Но тогда Ди должен навсегда расстаться со своим новорождённым и заменить его на маленького МакМила. Ради сохранения равновесия.

– И...?

– Это закон, по-другому такие дела не совершаются. Ди также привязаны к своим детям, как и МакМилы, но ничего нельзя изменить. Мы должны идти на это ради жизни большинства.

– А уши?

– Что, уши?

– У Ди уши острые, а у людей – круглые. По ушам ведь можно определить, кто ребёнок Ди, а кто нет.

Отец усмехнулся:

– Ты, Сетанта, волосы укладываешь по новой моде, в косу-гребень. А присмотришься повнимательнее к другим: есть и те, кто косы вообще не заплетает и волосы не зачёсывает. У них за волосами ушей не видно. Вот и думай...

* * *

Разговор этот всплыл в моей памяти во время Похищения...

[Что с нами случилось? Такое ощущение, что воздуха больше нет, и мы дышим лишь пылью; пылью, выбиваемой из-под копыт лошадей, вьющейся снизу вверх от борозд, оставляемых колесницами. И если кони увлекают колесницы вперёд, то пыль несётся в обратном направлении. И если кони замирают по окрику возницы и рывку поводев, пыль оседает вниз.

А мы ею дышим. Дышим, потому что не можем не дышать. Каждый фин, каждый септ, каждый туат. Наверное, так будет продолжаться всегда, будь ты последний раб или ард-риг.

Дышать пылью у нас в крови, и кровь тоже со временем насыщается пылью. Гейсы оседают в наших душах, сладость побед над врагами перемешивается с тяжестью крови, тянущей руки вниз, к земле. К пыли... Потому что оружие, вонзаемое в тело противника, суть продолжение рук. И кровь с очищаемой стали вязкими струйками переползает на пальцы, ладони, запястья, локти, плечи. Мы вытираем кровь, смываем её водой, а на руках всё равно остаётся пыль. Это она делает наши руки темнее. И женщины, к которым я всходил на ложе, смотрят на мои руки и... ..ничего не говорят.]

* * *

Он.

Стоит по колено в воде. Дышит глубоко, ритмично. Доволен, что отбил мою очередную атаку – уже в который, три тысячи фоморов, раз! Нет-нет, да и проглянет на лице улыбка. Смотрит исподлобья, не сводит с меня глаз: знает, с кем имеет дело. Острие меча с рукоятью из зуба какого-то морского чудовища едва касается воды – он понимает, что в битве времени нет никогда и вода может затормозить движение. Хоть на доли мгновения, но всё же...

С его меча в воды Великой Боанн ехидно стекает кровь. Моя кровь. Великая Боанн любит таких жертвенных подношений, но у каждой пограничной реки есть броды, и каждый такой брод в любой момент может стать полем битвы.

[Великая Боанн, Пресветлая Ди, прости нас за то, что мы всечасно нарушаем твой покой. Но долг зовёт нас защищать интересы, свои и чужие. А где и от кого, никто не знает.]

Я.

Почти не чувствую боли – лишь досаду, что вовремя не отразил удар, от которого не спас тройной кожаный панцирь с костяными и медными пластинами. Я слишком хорошо

знаю этого человека как бойца и поэтому усилием воли не позволяю себе работать на одной лишь ярости: не тот случай. Мы изучили друг друга уже давно, даже многие приёмы выполняем движение в движение. Мы равны по силе, ловкости и боевому опыту, и в пору бы нам, старым друзьям, снова сесть у одного костра и поесть из общего котла заячью похлёбку да порассказывать друг другу последние слухи о гибельных муманских торфяниках.

Но нет, прости, друг мой Фер Диад: я люблю тебя как брата, но убить себя не дам. Хватит с меня свистопляски с дядей Фергусом! Тебя используют, друг Фер Диад, и ты это знаешь, хотя теперь уже не в силах изменить свою нынешнюю роль. Ты устал биться, ты хочешь, чтобы это трёхнощное недоразумение поскорее закончилось. Ты даже готов ради этого умереть, но скорее друид Мог Руитх доверит секрет своего Колеса Катбаду, чем ты намеренно уступишь мне в бою. Ты сколько угодно будешь в мыслях просить меня применить какой-нибудь обманный, по крайней мере, не совсем честный приём, который срязит тебя наповал – но никогда не ослабишь руки и не пропустишь брешь в моей обороне.

Если всё так будет продолжаться и дальше, мы оба рано или поздно ослабеем, и тогда – я чувю, что все эти три дня за нашим поединком неусыпно наблюдали – всё воинство Медб придёт сюда, и пара десятков обычных пехотинцев растопчет меня, как пришедшую в негодность камышовую циновку. А затем враги войдут в земли уладов. Мои земли! А я не могу этого допустить. Поэтому, друг мой Фер Диад, сейчас я убью тебя. Ты видишь, как я подзываю Лойга, и он подаёт мне Га-болг. Ты знаешь, что это заговорённое рогатое копье с наконечниками в виде полумесяцев метается под водой двумя пальцами ноги. Ты видишь, что я ещё о чём-то переговариваюсь с Лойгом, но не знаешь о чём. Не догадываешься... не хочешь догадываться: так легче будет умирать. Но, увидев, что я меняю позицию, ища большую глубину дна реки – скоро вода начинает доходить мне до чресл и пальцы левой ноги уже сжимают Га-болг – ты лишь усмехаешься и опускаешь щит перед собою до самого дна, и теперь твоя голова и плечи открыты для моего...

– Лойг, давай!

Возница осторожно, но резко бросает в меня дротик, и я перехватываю его на лету. Фер Диад, друг, ты так и не понял, в чём дело. Ты резко поднимаешь щит и закрываешь голову, куда навесом летит мой дротик. Но одновременно запущенный мною Га-болг ты увидеть не сумел, а он ударил тебя снизу вверх, в незащищённый щитом живот. Прости, Фер Диад МакДаман, это всё, что я мог для тебя сделать.

Теперь...

Он.

Выпускает из рук меч и щит с застрявшим в нём дротиком и, инстинктивно обхватив руками торчащий из живота Га-болг, заваливается на спину. Медленно.

Я.

Уже вконец забыв о своей кровотокающей ране, одним прыжком преодолеваю эти тридцать шагов и успеваю подхватить его. Мгновение – шарю рукой по дну, нахожу его меч. Мгновение – отрубаю длинное древко Га-болга – не знал доселе, что цена за владение им будет такой высокой! – беру Фер Диада на руки и переносу на берег. Теперь мы все втроём сидели перед ним: я, Лойг и Фер Диадов возница, молодой парень, где-то наш с Лойгом ровесник. Фер Диад приоткрыл глаза:

– Ты всё-таки достал меня, Пёс. Молодец...

– Я не мог по-другому, – был мой ответ.

– Я знаю. Спасибо тебе.

– За что?

– Для меня большая честь пасть от твоей руки поражённым таким оружием, как Га-болг...

Из уголков рта у него потекла вязкая багровая струйка.

– Надеюсь, что Ди будут ко мне благосклонны и примут в одну из земель Верхнего

Мира, – Фер Диад попытался улыбнуться. – Хотя я и не прочь снова пожить среди людей в новом воплощении. Но я всё равно не буду помнить об этом желании, так ведь?

Я молчал. Я смотрел на друга, который между двумя чуждыми ему интересами выбрал мой. Я видел, как он сейчас, в свои последние мгновения, был по-настоящему счастлив, потому что предпочёл умереть не медленно, от гладициана, а быстро и от руки друга. Ты покидаешь этот Мир достойно, Фер Диад, и я всегда буду помнить твою смерть, до последнего твоего вздоха. Я буду ценить её и мечтать о такой же участи, хотя прекрасно знаю, что радости подобной кончины вряд ли изведу. Сколько мне ещё осталось? Пять зим? Десять? Сколько ещё ждать, пока все мои враги – и те, кто уже сейчас люто меня ненавидит, и те, кому ещё предстоит это чувство испытать – объединятся и в нужный момент зажмут меня, как муху, клещами? Прощай, друг мой Фер Диад. Твои глаза уже стекленеют, сердце перестает биться, и песок под тобой уже не песок, а... ..пыль.

Я вытащил обрубок Га-болга – кровь из мёртвого тела хлынула с новой силой – и положил его рядом. Оружие, поразившее моего друга, ляжет вместе с его прахом на погребальный костёр. Возница Фер Диада, нервно сглатывая, пел прощальную песнь. Я петь был не в силах, хотя знал от тёти Леборхам несколько примеров погребальных. Парень, видать, импровизировал: подобной вариации я, например, до этого не слышал. Ему бы в друиды с таким талантом, да он, наверное, не очень-то хотел.

Он пел:

Я никогда не вернусь в этот скошенный старостью склеп,
Я никогда не спою гимна отважных воителей.
Там, По Ту Сторону Мира я упаду на колени,
И покровители войн примут заветную жертву.

Двое увидят рассвет, но лишь один будет помнить,
Как научились они ласкать океана покров.
Если позвать моё имя, бриз принесёт его с моря,
А вы никогда не расстанетесь с недостижимым летом.

Я научусь вспоминать следы одинокой лисы,
Я не усну крепким сном на двух затупленных копьях,
Я никогда не вернусь на тучную ригову трапезу
И, словно вещей филид, тайну в себе сохраню.

Я уйду, чтоб забыться, вам оставляя память.

Он допел последнюю строфу. Допел, как надо, хотя, может быть, и не знал этого.

– Спасибо, – я едва пошевелил губами. – Спасибо, друг.

А что я ещё мог сказать?

[Года через два ко мне однажды подойдёт мальчуган зим семи-восьми, дёрнет за полы лейна и скажет:

– А я знаю, кто ты! Ты великий Кухулин!

– Такой уж великий? – усмехнусь я, глядя на мальчика.

– Ну да! – не поймёт он. – Ты же самый храбрый, самый сильный! А что нужно делать, чтобы стать героем?

– Вот этих девочек, что в песке играют, видишь?

– Ну?

– А вон женщина с ребёнком на руках.

– Вижу.

– Хочешь быть героем? Никогда не причиняй им вреда.

– И всё?!

– И всё.]

Я не знаю, сколько времени я провёл в забытьи. Наверное, много, потому что когда я очнулся, рана моя была уже промыта и перевязана, а тело Фер Диада пылало на погребальном костре, освобождая душу для прохождения следующего витка спирали на Мировом Древе.

– Пёс, очнись! – Лойг, что было силы, тряс меня за плечо. – Очнись: они идут!

Я огляделся. Фер Диадова возничего, равно как и колесницы, след простыл. «Возница всегда покидает поле боя с честью, даже без своего всадника», – вспомнил я старинную воинскую премудрость. Ещё говорили более точно: «Возница – это то, что всегда остаётся от воина».

– Они идут, Пёс, слышишь?

Я скорее чувствовал, нежели слышал. Лучше сказать, знал. Медб теперь полагает, что Фер Диад вымотал меня полностью и для её людей не составит особого труда со мной расправиться. Но сейчас мы с Лойгом слышали такой гул, который под силу издавать не десяткам, не сотням – тысячам двум людей. Я невольно рассмеялся, и перевязанная рана неприятно заныла, пустив по повязке красное пятно. Неужели для того, чтобы убить одного ослабевшего бешеного улада, нужна целая армия коннахтов?!

– Ты куда, Пёс?

– Убивать, – теперь я не был героем, защищающим родную пятину, туат, септ, фин, жену и домочадцев. Я даже не был сейчас мстителем: мстить кому-то за друга, убитого мной самим?! Бред! Я становился простым убийцей, которому безразлично, кого убивать, который, не убив никого здесь, у брода, не получит у себя на родине и куска хлеба, потому что рабы и те отвернутся от него и выгонят из родной усадьбы. Да нет, даже не из-за этого иду я убивать. Просто раз я здесь, значит, ничего другого мне не остается. Хотя всё равно, в конце концов – после пятидесятого, ну, пусть даже после сотого противника – кто-то меня достанет, а другие добьют. Я изранен, оружия в колеснице осталось совсем мало: ну, пара копий да пращей, три меча, искромсанный щит. Правда, со мной – чую это! – отец и Присносушая Морриган, но возможности и полномочия Ди тоже не безграничны...

[– Надежда умирает последней...

– Пап, а что такое «надежда»?

– «Надежда» – это когда смертные *на-деются*, то есть полностью полагаются *на Ди*.

– А если постоянно надеяться, то Ди всегда будут помогать или нет?

– Сетанта, ты любишь задавать вопросы, на которые я не всегда могу точно ответить. Ты уже мальчик взрослый, должен понимать. Мы, Ди, за столько сотен лет ещё не поняли, полностью ли мы бессмертны или нет, а ты просишь ответить, насколько мы сильны. Могу поклясться чем угодно, что сама Великая не сможет дать ответ на твой вопрос.]

– Пёс, остановись! – это снова Лойг. – Не ходи туда!.. Смотри!

Я оглянулся и посмотрел, куда указывал мой возница. Добрую четверть горизонта к северо-западу от нас заволокло пылью. Улады, оправившись после Недуга, спешили схватиться с непримиримым врагом. Нет, о Кухулине из Айрдига большинство из них думает в последнюю очередь: Пёс сделал своё дело, Пёс может отдыхать. Ведь победоносные отряды из Эмайн-Махи и других дунов разгромят свежими силами измотанных затянувшейся осадой брода коннахтов. А ты, Сетанта, молодец, ты заслужил отдых; ведь не забывая, что, случись новая напасть, тебе снова предстоит почти что в одиночку сдерживать натиск целого войска. Ты иди, залижи свои раны, поправь здоровье, ибо не ровен час... Да чтоб их всех к Лиру на дно морское! Пусть я держусь сейчас на честном слове, пусть оружия и сил моих хватит лишь на пару хороших атак, но зато мне не придётся больше сидеть и ждать, как рёва Нуада среди ясного неба, нового зова к труду и обороне всей пятинны уладской. Сейчас Фер Диад, а в следующий раз – кто? Фергус, от которого я второй раз уж точно не побегу? Кормак Конд Лонгас? Или ещё кто-нибудь из моих земляков, перешедших когда-то на службу к Медб и Айлилу? А кто в следующий раз будет прикрывать мне фланги и тылы? Может быть, снова Суалтам или Конал, например, а, может быть, и никто...

– Пёс, подожди меня!

– Назад, Лойг! Я сам, – щит за спину, мечи за пояс, копьё в руки, пращи за пазуху. Вперёд! Надо перейти брод и взбежать на вершину холма... Вот они! Торопятся изо всех сил: знает Медб, что срок Недуга истёк ещё вчера. Подождём, отдышимся... подпустим их ближе. Ведь Медб нужен я, тот, кого Недуг не берёт никогда. Если убьют меня, то в следующий раз опасаться будет некого. Они идут за мной: хотят убить – причём молниеносно – а затем аккуратно отступить под натиском уладов – об этом Медб, похоже, давно доложили – и готовиться к новому походу. Ну, вот он я, ребята, подходите! Сейчас вы уже совсем близко... Вдох – выдох. Пора! Плавно-медленно ступаю по траве, быстрее, перехожу на рысь. Время начинает течь не спеша, затянато. Мыслей нет, эмоций нет, ничего нет. В последний раз чувствуя всё это, я легко ломал об колено здоровенных детин с воловьими шеями. Я хочу убивать, и я буду убивать! Ускоряюсь... До них остаётся полтора полёта стрелы... один полёт стрелы... Сейчас! Два копьё взмывают в воздух, и я, спустя несколько мгновений, краем сознания понимаю, что метнул их не напрасно. Сейчас они ответят. Не останавливаясь, перекидываю щит со спины на левую руку... Пращники с колесниц дали нестройный залп. Прикрываю голову и грудь. Два камня простучали вскользь, два отскочили напрямик от умбона. Огромное копьё вслед за ними пронзает бронзовую обшивку и доски насквозь. Бросаю щит, он больше мне не нужен. На ходу раскручиваю пращи, пускаю – кто-то из пехоты падает. Быстрее, ещё быстрее... Теперь не важно. Они хотят в меня попасть – отбиваю стрелы и копьё мечами, уклоняюсь. Они встали, пехота – впереди. Ну, стойте, стойте, я уже близко. Я буду рубить вас, пока не переведу всё оружие, потом буду рвать вас пальцами, зубами. Я иду... я бегу, я лечу, я...

Я!..

* * *

– Спешешь умереть, Сетанта?

– Папа?! Н-но... как?.. что такое?.. где я?

– Потом, сын, вопросы потом. Сейчас слушай меня... Расслабься и дыши спокойно, равномерно. Не прекращай дышать! Чувствуй, как дыхание течёт по твоему телу. Отбрось все мысли.., ты нигде и ни в чём: ты везде и во всём. У тебя из ног растут корни – представь себе это. Растут корни, говорю! Вот так, очень хорошо... Корни уходят в Землю, вниз, до Изначальных Вод. Хорошо, вот так... Сквозь почву и камни в самое сердце начала Мира. Воды прохладны и живительны, чувствуй их... чувствуй их корнями. Впитывай их! Так... они текут по корням вверх, наполняют твоё тело... Сейчас тебе немного холодно внутри: потерпи, так надо... Очень хорошо! Теперь подними руки вверх – они становятся ветвями... Увидь их, почувствуй так же, как и корни. На ветвях появляются почки, набухают, из них появляются листья. Они тянутся к свету, свет пронизывает их, свет падает на тебя, наполняя собой твоё тело... Становится тепло... Дыши, дыши глубоко. Тянись вверх, двигайся вверх по своему Древу. Ещё чуть-чуть, ещё немного.

– Отец, я вижу равнину... На меня летит колесница, а в колеснице...

– Знаю, сын. Слушай меня: битва не прекратилась – она продолжается, она идёт к тебе... Возьми оружие!

– Где?! Какое?!

– Любое, Сетанта, просто представь в своей руке оружие. Молодец, неплохо... Теперь главное: сейчас я уйду, а ты продолжишь битву. Твоя ярость с тобой, она не даст проиграть – верь в это! Всё – пошёл!!!

[Из всего, что произошло после, я смог сохранить в памяти лишь немного. Десятки колесниц – не таких, как делаем мы, а намного лучше, величественнее, будто бы из чистого золота – запряжённых яростными конями с глазами, как у людей. Я нёсся на них в лобовую, держа в правой руке меч, а в левой – топор. Не понимаю почему, но я знал, что они – враги и что их кровь, которую я начну проливать уже через несколько мгновений, даст мне то неповторимое наслаждение боем, которое я испытал, завалив первого своего

врага на рубежах. Спинай я чувствовал других воинов, несущихся вместе со мной. Но там – я тоже понимал это – свои, которые в случае чего прикроют. «Прыжком лосося» я ухнул в середину вражеского строя и принялся за работу. Совсем скоро ко мне сзади пробился воин в белоснежных доспехах и пурпурном брэте. Мы вдвоём принялись расчищать пространство. Этот воин работал одним мечом и очень быстро, вдвое быстрее меня. И когда кто-то сбил с него шлем, я мимолётом взглянул на него и понял: Ди! Мгновением позже в голову пришла другая мысль: я бьюсь вместе с Ди против Ди. Но осознавать это было некогда, потому что на нас налетел какой-то мерзкий урод, ростом вдвое больше нормального человека. Нам вскоре удалось его уложить, и тогда *враги* побежали, а *свои* стали их преследовать. А я опустил на землю и, забыв про всё, заснул и спал, как оказалось позже, довольно крепко.

И долго...]

... – Честно говоря, я ожидал похожего исхода, но не настолько стремительного.

– Я что, уже проснулся?

– Думаю, не совсем; поэтому сдержи немного свои эмоции, чтобы никто не слышал, как ты разговариваешь во сне.

– Значит, я сплю?

– Да, Сетанта, и прошу, пока не просыпайся: вокруг тебя полно народу, и наш разговор может сорваться.

– Папа, что произошло?

– Произошло, сын мой, то, чего не должно было произойти. Вместо того чтобы подождать подхода уладов, ты решил принять смерть, достойную глупца, и вышел в одиночку против всей армии коннахтов. Во-первых, на самый крайний случай, если бы улады не подоспели, мы с Морриган тебя бы прикрыли, а во-вторых – зачем тебе всё это?! Хотя можешь и не отвечать: я ведь слышу сейчас твои мысли, все, до единой. Рано ты решил себя похоронить, рано.

– Откуда знаешь?

– Рысь на хвосте принесла. Шучу. Знаешь, ты бы умер, но не от коннахтского клинка.

– А от чего же? Кто там ещё был?

– Видишь ли, когда ты нёсся на них, то поднял свою ярость до такого предела, что Мир Людей просто вытолкнул твою душу в Преграду между собой и Верхним Миром. Но Преградами-то ты пользоваться не умеешь, поэтому мне пришлось медлить между Мирами вместе с тобой, чтобы ты раньше времени...

– Не умер, – закончил я. – Ну, хорошо, а где же я потом оказался?

– Там, где хотел.

– То есть как?

– Ты хотел драться, и Мироздание откликнулось на твоё «хочу». Только дрался ты в Верхнем Мире, потому что на тот момент ещё не мог вернуться в своё тело. А я, вошедши в него, заменил тебя у брода старушки Боанн. Признаться честно, это было не так уж легко, как я думал: у нас разные манеры ведения боя, а твоё тело помнит твои мысли, рефлексy, но никак не мои.

– М-да, весело...

– Гораздо веселее другое: когда ты преобразовался до конца и вылетел в Верхний Мир, битв там не намечалось вообще.

– Кстати! А разве там случаются битвы?

– В том то и дело, что нет. Дикая Охота не в счёт, это уже напоминает обычный дозор, потому что фоморы давно отвадились появляться в Мире Людей.

– И что же ты сделал?

– Я? Ничего. Мироздание само закинуло тебя в будущее. Иногда такое бывает, редко, правда, но всё же. Ты оказался зимы на три-четыре позже нынешнего времени. В битве, о которой в Верхнем Мире сейчас мало кто думает... Да, и мой тебе совет: когда в следующий раз задумаешь организовывать самоубийство, будь внимателен к деталям, ведь папа

может оказаться рядом и вовремя помешать. Он добродушно засмеялся, и мне на душе стало легче.

[Прошло три зимы, и на Самайн меня внезапно сковала болезнь. Не помогало ничего: ни заклинания против фоморов, ни лечебные отвары, ни чередование холодной и горячей воды. Лихорадка била и швыряла меня, как раньше... если ещё учесть, что раньше я почти не болел. Леборхам посмотрела на меня и сказала:

– Всё должно иногда приходиться в равновесие, маленький Сетанта. Твоя болезнь – расплата за то, что Проклятие Махи тебя не касается.

Я спал и бредил, бредил и спал, пока во сне мне не явился Оэнгус, Вечно-Юный-Ди, сын Дагды, и не сказал:

– Пора возвращать долги, сын Луга. Завтра тебя отпустит. Немного. Достаточно найти какой-нибудь стоячий камень и сесть, прислонившись к нему спиной.

Так я и сделал...

Завершалось Время Исков, наступало Время Судов.

... Корни и ветви принялись расти из меня почти сразу же. И я вновь увидел ту равнину в Верхнем Мире и Ди в белоснежных доспехах и пурпурном плаще, идущего в мою сторону.

– Лабрайд Быстрый Меч, – представился он. – Здравствуй, Сетанта, сын Луга. Ты ведь понимаешь, зачем оказался здесь? Я спросил его, кем был тот урод, против которого мы вдвоём должны будем сражаться.

– Этот Иул, назвавший себя Эохайдом, Всеотцом, на манер великих правителей Верхнего Мира и Мира Людей. Он тоже Ди.

– Такая образина – Ди?!

– Среди его родни, – ответил Лабрайд, – не в почёте подмена новорождённых. Вот и результат. Природа сыграла с плодом злую шутку.

– Да, отец мне рассказывал о таких случаях...

– Мальчик рос, осознавал свою непохожесть. Сверстники его дразнили, он их колотил. А в одну прекрасную ночь возомнил себя самым могучим и принялся собирать сторонников.

– Не понимаю, как в спокойном Верхнем Мире у этого выроodka нашлись последователи!

– Нашлись, Сетанта. В большинстве своём из нас, Младших Ди. Многие из них сами имеют во внешнем облике что-то от фоморов. Их набралось всего лишь пару сотен, но вобрази себе, что такое пара сотен бойцов-Ди! Восстание разгорелось в моей вотчине, Маг Мор, Равнине Мёртвых, где многие мои подданные – бывшие жители Мира Людей. Кто-то из наших полагал, что Иул – воплощение Балора, и мы известили об этом Старших Ди. Но Луг рассказал мне обо всём, и я через Оэнгуса срочно призвал тебя.

– Когда бой?

– Боя не будет.

– То есть как не будет?! А я тогда для чего здесь?

– Для того чтобы вспомнить тот бой, тот, который ты пережил, и где мы с тобой бок о бок сокрушили Иула. Тебе надо всего лишь восстановить в памяти каждый взмах, каждое движение, каждый крик и лязг. И тогда мы все сможем избежать кровопролития наяву.

– Но как я это сделаю?

– Об этом не беспокойся. Тебе помогут. Думаю, ты знаком со словосочетанием «дигетал до кеннаиб»?

– Я всегда думал, что этот обряд применяют только люди, а Ди он не надобен.

– Не забывай, сын Луга, что лучшие из нас, прежде чем стать Ди, были весьма сильными чародеями и мало чем отличались от ваших друидов.

– Ещё один вопрос, он меня очень долго мучает, – я старался говорить обдуманно. – Если бы я тогда повёл себя иначе и мой отец не вызвал бы сражение в Верхнем Мире, всё могло бы обойтись без этого... Иула и его шайки, ведь так?

– Не знаю, – покачал головой Лабрайд Быстрый Меч. – В этом случае гораздо инте-

ресней звучал бы другой вопрос: если бы ты повёл себя три зимы назад несколько иначе, не произошло бы чего-нибудь похуже восстания Иула? Я кивнул, и тут сознание осенила другая мысль:

– Подожди, мы ведь сейчас находимся на твоей Равнине Мёртвых, да?

– Верно, – кивнул Лабрайд.

– Ясно! Я... спросить хочу. Мой друг, которого я убил... Фер Диад...

– Я знал, что ты спросишь о нем, – улыбнулся мой собеседник. – Фер Диад МакДаман, мой новый подданный, тоже очень хочет тебя увидеть, – рукой Лабрайд указал в сторону от себя, и я направился туда...

... На поляне в окружении нескольких мужчин, полуприкрыв глаза, воздушно танцевали три девушки-Ди. Их волосы заботливо гладил нежный ветер, каждое их движение шло в такт доносившейся из ниоткуда музыки. Одна из девушек перестала танцевать и подошла ко мне.

– Добро пожаловать, Великий Кухулин. Я – Фанд, сестра Вечно Юного Оэнгуса и жена Мананнана МакЛиры. К ней приблизилась ещё одна танцовщица.

– Это моя сестра Либан, – промолвила Фанд. Взяла меня за руку:

– Идём, твой друг уже заждался.

Я узнал его сразу. Фер Диад, сын Дамана, всё тот же... Нет, не совсем тот же. Он стал... воздушнее, что ли? Как эти две Ди: вроде бы видишь в них расположение, благодушие, интерес к новому человеку, но всё это... все эти чувства пребывают где-то далеко и не дотянуться до них, не потрогать руками.

– Привет, братец!

– Здравствуй, Пёс. Молодец, что зашёл.

– Ты как здесь?

– Неплохо. Может быть, лучше, чем в той жизни. А ты, какими судьбами? Что делаешь, живой и невредимый, на Равнине Мёртвых?

– Да так, долги возвращаю.

– А-а, понятно. Слышал я про твой должок. Тут все, кому не лень, о нём только и говорят. Просьба будет у меня.

– Давай.

– Когда начнёшь всё это вспоминать, представь и меня заодно. Кто знает, может, я там тоже был. Вместе с тобой.

– Хорошо, брат, – ответил я. – Будет так, как ты просишь...

[... Посреди поля, которое не должно было стать местом сражения, горел костёр, обильно сдабриваемый душистыми травами. Кухулин был подведён к нему. На равном расстоянии от огня стояли Ди – мужчины и женщины. Среди них Кухулин увидел Лабрайда, его соправителя Файлбе Светлого, Фанд и Либан, жену Лабрайда. И если Либан при встрече с Псом вела себя степенно, то Фанд всё время смеялась и подмигивала молодому герою из Мира Людей. Вот и сейчас за мгновение перед первыми ударами бадранов она, улыbnувшись, подмигнула ему. Некоторые из стоявших в кругу взяли в руки бадраны и гулко в унисон принялись отбивать палочками какой-то тихий и медленный ритм. Устало шелестит камыш, призывно поют цикады. Кухулин творит танец битвы. Громче, сильнее, быстрее! На небосклоне зажглась новая звезда, а старая низринулась в Изначальные Воды. Кухулин творит танец битвы. Громче, сильнее, быстрее! Над кругом пролетел ястреб, прошмыгнула незамеченной мыш-полёвка. Кухулин творит танец битвы. Громче, сильнее, быстрее! Ди поют заклинания, гремят бадраны, звучат колокольца, воздух живёт!.. Кухулин творит танец битвы. Громче, сильнее, быстрее! А когда бадраны, голоса и колокольца, достигнув пика, вдруг одновременно оборвутся, Кухулин тотчас же рухнет на землю без движения и закроет глаза...

...И яростная битва, в которой он побывал три зимы тому назад, снова примет его в свои объятия.]

Фер Диад, сын Дамана из коннахтов

Я вернусь!
 Велик тот день,
 Когда я отбыл в дорогу,
 Потоптавшись у порога,
 Победив былую лень.
 Я вернусь!
 Курах по морю
 Рассекает волн просторы,
 И гребцы отважно вторят
 Песнею морских путей.
 Я вернусь!
 И это важно,
 Потому что будет страшно,
 Потому что будет жутко,
 Ибо это страх пути.
 Я решил, что мне наукой
 Станет шум волны и ветра,
 Глас огня и шёпот пепла,
 Говорящие «Иди!».
 Я вернусь!
 И высший Свет
 В этом слове мне порука.
 От врага или от друга
 Я приму любой совет.
 Парус выгнулся упруго,
 Песни, разговор и ругань...
 И не ведают испуга
 Те, кому надежда – бред.
 Я вернусь!

Они не слышат,
 Им не надо возвращаться,
 Все они бегут за счастьем,
 Может, им дано найти?
 Я смеюсь:
 Мой гнев пристыжен,
 Вниз течёт капелью с крыши.
 Возвращение всё ближе,
 Но далёк исход пути.
 Я иду!
 Сквозь штормы, штили,
 Милю заменяет миля,
 Кровь набатом вколотила
 Тысячу гвоздей в виски.
 Я вернусь!
 Пусть рифы ближе,
 Пусть вода на доски брызжет,
 Пусть команду море слижет
 И курах порвёт в куски!..
 Я не жду – я выбираю,
 Где живу, а где играю,
 И от Ноября до Мая¹
 Не спешу менять пути.
 Я вернусь на влажный берег,
 Подсчитаю все потери,
 Постучусь в родные двери,
 Чтоб потом
 Опять
 Уйти...

...клятва в вечной дружбе, приносящаяся на Сердце Весны²...

Говорят седые филиды, будто в стародавние годы правили уладами три рига, каждый семь лет, по очереди. Но со смертью одного из них прервался договор трёх ригов, ибо дочери почившего не пожелали передавать право престолонаследования. Не помнят её настоящего имени ныне живущие. Помнят лишь, что прозвали её Рыжей Бестией. Билась Рыжая Бестия с двумя враждебными ригами, одолела одного, а со вторым заключила мир и женила на себе. Сыновей же убитого рига изгнала за рубежи, на наши небогатые коннахтские земли. Но вскоре прослышала новая риганн уладов, что замышляют братья большой набег на её пятину. И порешила Рыжая Бестия напасть на них первой. А после победы привезла она братьев к уладам, посадила их на цепь и заставила таскать камни для возведения новой столицы. Границы будущего дуна³ Рыжая Бестия сама очертила собственной пряжкой плаща. И когда все линии на земле соединились, узрели улады видение: будто стоит на месте будущей столицы яблоневоый сад и каждое яблоко отливает изумрудами и алмазами...

Город назвали Эмайн. Друиды решили так, потому что посчитали увиденное садами Эмайн Аблах, что в Верхнем Мире. Всадники, услышав сказанное друидами, тоже посчитали это название верным, ибо «эмайн» ещё означает «близнецы»: два города-близнеца на одном и том же месте в разных Мирах – на всё воля Ди. И люди ремесла тоже решили называть новую столицу «Эмайн», потому что «эмайн» это ещё и обиходное название шейной пряжки, а именно ею Рыжая Бестия отмерила границы дуна. А потом, когда Рыжая Бестия оставила Мир Людей и слава её обросла слухами и скелами, стали многие говорить, будто это была сама Великая Маха, принявшая земное обличье, и город, ею по-

строенный – благословение уладской пятине на века. Так говорят до сих пор, и не только среди уладов, но и среди нас, коннахтов. Может быть, именно поэтому, начав свой великий и бессмысленный поход на уладов, Айлиль и Медб не спешили сразу поворачивать к Эмайн-Махе? Но потом мне стало не до этих мыслей...

То, что когда-то назовут Похищением, рано или поздно должно было начаться: бывают в жизни народов неизбежные переломные моменты, за которыми берёт начало новая вежа бытия. И ведь обыденное дело: угнать у соседа корову, быка, целое стадо. Обманом, силой, чарами – какая разница?! Это жизнь, и каждый в ней живёт, как может, укоряя другого за его деяния не имеет смысла. Ведь, во-первых, этим ничего не изменить, а во-вторых, нельзя рассуждать и решать за другого: ты ведь не живёшь его жизнью.

* * *

С тех самых пор как Всеотец Фейдлех сбросил с коннахтского трона Тинне из народа Домнаин и в Круахане на Маг Ай села дочь Фейдлеха Медб, прошло двадцать зим. Нынешнее поколение народа Домнаин, думнониев, взявшее в руки оружие уже после нашего всеобщего позора, старается не участвовать в делах коннахтской власти. Оттеснённые на самый запад пятини, мы и не думали бунтовать в открытую: нас мало, а нынешние риги Круахана умны и расчетливы. Я, как сын одного из септ-ригов Фир Домнаин, долгое время был заложником у Айлиля и Медб. Я вёл себя тихо и осторожно, за что заслужил особое уважение и по причине сильной любви к военному делу даже был отправлен на Альбу постигать искусство боя у могучей Скатах. Потом мой отец Даман МакДайре ушёл вечными тропами, а я вернулся из Круахана домой, чтобы принять бразды правления родным септом.

В нашем септе было восемь финов, и каждый фин располагал десятью–двенадцатью мужьями и жёнами, способными владеть оружием. Но мы не кормились набегами: дикое опьянение новой добычей заменялось простой радостью обильного улова морской рыбы. Великий Лир благоволил нам, и этого было достаточно, чтобы чувствовать себя достойными людьми. Наше общение с остальными коннахтами ограничивалось частой торговлей, редкими пирами и урочными службами на священные праздники. Людей Домнаин никогда не звали в набеги на соседей, ставшие частым явлением после смерти последнего ардрига Эохайда Фейдлеха. Поэтому прибытие гонца от риганн Медб с призывом выставить от думнониев двести воинов для похода на уладов было для всех полной неожиданностью.

– Надо же, – растерянно проворчал наш туата-риг, – что-то действительно меняется в этом мире, если народ Домнаин вдруг ни с того ни с сего понадобился Круахану. Ну, что ж, отказать мы не можем, хотя очень хочется, фомор меня заешь. Не удивлюсь, если наших там поставят на передовую, а потом попросят ещё людей... Эх, самое время собрать пожитки и всем туатом махнуть на острова. Насовсем. Ну да ладно, это всё разговоры. Фер Диад МакДаман О'Дайре⁴, ты поведёшь наш отряд: тебя, я думаю, в Круахане ещё не забыли. Ты знаешь тамошние нравы и порядки... авось, не все наши полягут в этой мясорубке. Я всё сказал. И ушёл в свое жилище, плотно закутавшись в старый брэт, надрывно кашляя. Мы выступили через две ночи. Стоял тёплый Месяц Коня, дни Яблони едва сменились днями Пихты. По небу скользили лёгкие облака, а по ночам, устраиваясь на отдых, мы видели на востоке кровавое зарево... Через два дневных перехода наш отряд достиг Круахана. Начальника гарнизона я неплохо знал, и мы разговорились за чашей сладкого мёда:

– Риги отбыли накануне, собрав всех воинов окрест. Всего пятьсот человек, среди них почти весь народ Галеоин⁵.

– Ну, куда уж без галеонцев! – попытался съязвить я. – Медб без них уже давно шагу не ступает.

Мой собеседник, конечно же, понял, что я намекаю на то, что Медб не круаханка и поэтому до сих пор не полагается на местных жителей, сделав галеонцев своими телохранителями.

– Зря ты так, дружище, – добродушно отпарировал он. – Нашу риганн все здесь любят. Кроме вас, думнониев, конечно. А после этого похода её будут вообще на руках носить.

Если позволят Великие Ди, привезём от уладов столько добычи, сколько самому Курою МакДаре не снилось! Гонцов шлём из туалата в туалат – всех собирать будем, со всей пятины. Ух, чувствую, повеселитесь вы там! Жаль, правда, я поспею, кажись, к самому концу: приказано, пока всех не оповестим, оставшийся гарнизон из дуна не отправлять.

– Действительно, жаль, – машинально ответил я, чтобы не показаться невежливым.

Мы вышли во двор дуна. Круахан непривычно пустовал: из всех жителей остались одни дети и старики, число дозорных на стенах уменьшилось, наверное, втрое, не было слышно привычного ржания лошадей, стука кузнечного молота. Мой собеседник будто угадал мои мысли:

– Даже друиды ушли вместе со всеми. Нет, вру – первее всех. Сразу после того как риги ездили к Мог Руитху, друиды, все как один, и выступили на восток. Мне даже было приказано послать им вдогонку на следующее утро обоз с провиантом.

Скорее всего, Айлиль и Медб испрашивали пророчество у Мог Руитха, действующего главы коннахтской Роци. Станный человек этот Мог Руитх, уже при жизни окружённый ореолом загадочности. Он сторонился всех, а к нему благоволили даже мы, думнонии, да и галеонцы тоже, не говоря уже об остальных жителях пятины. Он никогда не приносил жертвы никому из Ди, кроме Дагды, считая себя самым преданным из его служителей. Говорили, будто сам Дагда и наделил его чудесным Колесом, при помощи которого верховный коннахтов гадал и творил чары. Даже настоящее имя его уже давно забыли, вот уже много лет подряд называя Мог Руитхом, Владыкой Колеса. А ведь ни для кого не секрет, что неспроста к человеку пристаёт прозвище, связанное с предметом Силы, заменяющее ему со временем собственное имя. От этих мыслей стало как-то неуютно, и я решил продолжить разговор. Тем более вопросов накопилось предостаточно.

– Давно ли здесь начали готовиться к походу?

Начальник гарнизона призадумался:

– Вообще-то говорить об этом не велено, ну да ладно, тебе шепну по старой дружбе.

Отхлебнув немного из своей чаши, он снова задумался, будто подыскивая подходящие слова. Наконец, заговорил:

– Честно говоря, странно всё это. Ты, конечно же, должен знать, что на прошлую луну Эохайд Бик, туалата-риг Клиу из лагенов, гостил здесь, в Круахане, а потом, по пути домой, натолкнулся на отряд ваших, из фина, где сейчас Гласк верховодит.

– Да, знаю, – холодно отпарировал я. – МакГласки возвращались с торгового с богатой выручкой, а лагены их атаквали первыми...

– Да мне всё равно, кто там первым атаковал, а кто последним, – замахал рукой мой, уже немного захмелевший собеседник. – Ну порубили ваши лагенов, ну прикончили ихнего туалата-рига, какая разница! Я всегда уважал и буду уважать народ Домнаин⁶: у моей второй жены бабушка оттуда... Но дело не в этом. Дело всё в том, что я сам слышал, как Эохайд Бик пообещал нашим ригам в дар сорок молочных тёлочек из своего стада. После той стычки Орлам, старший сын Айлиля и Медб, с грехом пополам перегнал их от лагенов сюда, в Круахан. Говорил, что ради этого пришлось соблазнить Дартаду, дочь погибшего Эохайда Бика. Но они по дороге ещё с кем-то столкнулись, и... жаль, погибла девка; те, кто там был, говорят, хорошей женой могла бы стать нашему Орламу. Ну да ладно, я отвлекся. Так вот, с чего вдруг лагены обещать нам своих коров? А ты понимаешь, что стадо без молочных тёлочек не стадо?

– Значит, Эохайд Бик рассчитывал на что-то очень выгодное для себя, если заключил такую сделку.

– Именно! – мой собеседник многозначительно поднял вверх указательный палец. Затем он воровато оглянулся, не подслушивает ли кто, и продолжал: – Я тебе даже больше скажу: коров этих наши пастухи перегнали на восточные земли, поближе к рубежам. И думается мне, что сделали это не только потому, что там трава сочнее. Я даже полагаю, что не погибни Эохайд Бик, его отряды сейчас бы уже присоединились к нашему войску на востоке.

– Я слышал о другом случае. У нас рассказывают, что Медб недавно послала лю-

дей за стадами туата-рига Регамона, когда тот гостил у своих родичей круитнов в Корко Баискен.

– Та ещё была заварушка, скажу я тебе. Дело шло к большой потасовке: круаханцы уже были на полпути обратно, вместе со стадом, и угораздило их разделиться надвое. Одни догнали коров благополучно, а на других налетел Регамон со своей дружиной. Те засели в ущелье, держат осаду. Хорошо, что их быстро хватились. Медб лично отправилась туда и кое-как договорилась с Регамоном. Двоих её сыновей, ещё совсем мальчишек, быстро обручили с двумя дочерьми Регамона, а эриком и стали угнанные коровы.

– И где они сейчас?

– Кто? – не понял начальник гарнизона, вконец окривев от мёда. – Дочери Регамона?

– Да не дочери – коровы!

– Угадай с трёх раз!

– Неужели?!..

– Именно-именно: пасутся у восточных рубежей.

Внезапно стеною обрушился сильный дождь, и мы зашли обратно в дом допивать мёд. Присев на скамью, круаханец вновь наполнил чашу и внезапно хлопнул себя по лбу:

– Слушай, дружище, я, кажется, знаю, с чего всё началось. Когда риги выдавали свою дочь Финдабайр за туата-рига Фроэха... ну, там ещё, если слышал, Фроэх этот с местным озёрным чудищем расправился... так вот, было у Фроэха стадо. Было да сплыло. Как раз во время свадьбы. Кто его увёл, никто точно не знает. А когда хозяин своих коровок с бычками хватился, кто-то шепнул ему, что видели, как перегоняли стадо в сторону уладов. Медб убеждала своего новоиспеченного зятя, будто коров увёл его дальний родич Конал Кернах. Фроэх поехал к Коналу, а через две семиночи вернулся в Круахан и заявил, что всё в порядке: они с родичем стадо нашли и перегнали в родные хлева.

– И что с того?

– А то, дорогой мой Фер Диад, что один мой приятель из фроэхова туата клялся всеми Ди и не-Ди⁷, что стадо назад никто не пригонял. А там, ни много ни мало, сто восемьдесят три головы. Вот теперь и думай.

– Выходит, что Фроэх мог с самого начала знать о предстоящем походе и история со стадом – пыль в глаза всем остальным?

– Пыль эту, дорогой мой, пылинку к пылинке подбирали и взвешивали.

– А Конал?

– Что, Конал? Конал, насколько я слышал, честный рубака, не предатель. Фроэх мог просто расстаться с ним в тех местах, сказав, что доведёт стадо сам. А Конал мог вообще ничего не заподозрить. Мы же с тобой не знаем, какие укромные ущелья выбрали пастухи, чтобы спрятать скот. Улады, хоть и наглый народ, но их порубежники далеко на наши земли заходить опасаются. Ух и достанется же этим.., когда наши дадут им бой! Да и предлог неплохой есть.

– Что ещё за предлог?

– Да здесь давеча Айлиль и Медб решили для простого интереса богатства свои пересчитать. Пять семиночей управляющие трудились, едва со счёта не сбились. И вышла у них разница в одного быка.

– И всего-то?

– Э, нет, дорогой мой, – многозначительно проговорил круаханец, – бык-то этот не простой. Это Белорогий из Маг Ай, великий Бык! Он сначала в стадах Медб коров покрывал, а потом в стада Айлиля переметнулся: видать, хе-хе, тамошние коровки ему больше по душе пришлись.

– Уж не сам ли Айлиль и увёл его к себе?

– Тьфу ты, чудак-человек! Такую строптивую громадину угонять – себе дороже. Ушёл он. Сам. Бык-то не простой!

– И что же дальше?

– А дальше... А что дальше? Медб это, конечно же, задело. Знала она, что у одного уладского септ-рига Дайре, сына Фиахны, пасётся такой же могучий бык, ну прямо один

в один – Бурый из Куальнге. Вот и послала она к Дайре гонцов, чтобы отпустил своего Бурого померяться силами с Белорогим.

– Подожди! Ты же сам говорил, что угонять такого себе дороже: как же..?

– Да нет, ты не понял: Дайре с Бурым... ну, как это нормально сказать... общаться умеет.

– И Медб об этом было известно?

– Именно! В общем, это неважно... Короче говоря, Дайре согласился, заодно и небольшой пир для гонцов закатил. Те напились до фоморчиков в глазах, да и принялись бахвалиться: мол, если бы Дайре не отпустил с ними Бурого, они его, быка то есть, силой бы увели. Хозяин, конечно же, понимал, что в этом случае пару трупов от копыт Бурого было бы обеспечено, однако хвастливость послов его таки задела. Он в два счёта не на шутку рассвирепел и в те же два счёта выдворил наших ребят восвояси. Вот тебе и повод! Вместо того чтобы извиниться, как было бы в другом случае, наши риги спокойненько подтягивают войска к Великой Боанн, там много бродов – враз перейти можно. Историю эту с Бурым раздули до предела, чтобы всем коннахтам стало обидно за свою риганн. Да всё равно уладам рано или поздно следовало устроить хорошую взбучку!

Дождь кончился, стемнело, и я отправился спать. Завтра нам предстоял долгий переход: на рубежах, чуял нутром, уже становилось жарко.

Утром перед нашим отбытием начальник гарнизона, пытаясь с жуткого похмелья выглядеть более-менее бодро, напутствовал меня:

– Давай, Фер Диад, задай им всем огня! А я уж, надеюсь, ещё подспею на горяченькое.

Задавать кому-либо огня я почему-то не хотел.

Круахан-Ай был уже позади, когда с северо-запада с нами соединились два отряда. И если мы двигались почти молча, без особого веселья, то примкнувшие воины только и делали, что шутили, орали песни да хвалились, сколько уладских голов привезут домой. Некоторые из знатных, не слезая с колесниц, играли в брандуб на будущую добычу.

Я ненароком слушал некоторые разговоры:

– Чудные эти улады, ой, чудные, чтоб хуже не сказать! Неужели они действительно полагают, что если нашей риганн захочется у них что-либо отобрать, то ей это не под силу?!

– Верно говоришь! И не надо было этому недоноску Дайре бахвалиться: сам и напросился.

– Да, мы теперь ему покажем!

– Слушай, а помнишь, в тот год, когда Фергус и Кормак из Эмайн-Махи к нам переметнулись, какой-то Нера, говорили, на Самайн в сиды попал?

– Да, слышал. Ну, попал в сиды, с кем по пьяни на Самайн не бывает! Хорошо ещё, что жив-невредим вернулся, мог бы и сгинуть там навеки вечные.

– Да не о том разговор. Он ведь через год ещё раз ходил в сиды и корову оттуда привёл.

– Давно это было, всего не упомнишь. Ну, если и привёл он корову, так что с того? А, может быть, и не из сида вовсе она, а так, по дороге попала, бесхозная.

– А я к тому веду, что корова эта потом с Бурым из Куальнге сношалась и родила бычка. А бычок ейный, как его в Круахан пригнали да на выпас со всеми стадами отправили, с Белорогим из ригова стада схватился.

– И что?

– Ну, Белорогий, ясное дело, бычка того порвал, но и сам, говорили, помятый остался!

– Чего-то я не пойму, о чём ты беспокоишься?

– Да я не беспокоюсь, я фантазирую. Ну вот представь себе, пригоним мы Бурого в Круахан, натравят на него Белорогого, и Бурый его завалит насмерть: раз сынок годовалый, так неслабо дерётся, папаша там тот ещё фрукт. И если так случится, то всё равно из двоих только один бык останется. И смысл нам тогда тащиться за ним в такую даль?

– Балбес! Думай лучше о собственной добыче. Когда мы схватимся с уладами, то меньше всего будем мозговать о Буром из Куальнге. А ты мне восемь кумалов уже проиграл, и их, кстати, у тебя пока нет.

– Да отстань ты, привязался тут!

К вечеру, двумя ночами позже, за последним холмом перед нами раскинулась долина Великой Боанн, не спеша несшей свои воды на юго-восток. На ближнем берегу шумело море, огромное море из людей, животных, колесниц, походных шатров, обозов с провиантом и привальных костров. А за рекой раскинулась обширная Равнина Муиртемне, покрывшая на себе жадно колосившуюся до самого горизонта траву.

В сумерках мой отряд разбил лагерь в стороне от других, чтобы общий шум не мешал нашему отдыху.

Утром меня разбудил Этал, мой возница:

– Вставай, Фер Диад! Пришёл знатный всадник из лагеря Медб и хочет говорить с тобой.

Я поднялся и вышел из шатра. Передо мной стоял воин лет пятидесяти на вид, худощавый, жилистый, с суровым лицом человека видавшего столько, сколько и ты, но всегда чуть-чуть больше. Одет был в простой лейн и длинный брэт. Знатность воина подчёркивал лишь серебряный браслет на правой руке. Это был Фергус МакРойг, бывший риг уладов, восемнадцать зим назад ушедший из Эмайн-Махи в Круахан. Я знал его ещё со времен моего пребывания в коннахтской столице.

Фергус всегда был в меру суров и в меру скрытен. Даже будучи сильно пьян, он никогда не говорил о той кровавой, по слухам, расправе, из-за которой и покинул родину. Другие воины, ушедшие с ним, меньше следили за своим языком, поэтому я знал, что вся история произошла по причине того, что воины Конхобара убили людей, за которых Фергус поручился. В отместку тот устроил ночью в Эмайн-Махе резню и бежал за рубежи.

Мы с Фергусом обнялись, как старые друзья.

– Наконец-то я вижу в этом лагере приятное мне лицо, – сказал он.

– Я тоже рад видеть тебя, благородный. Надеюсь, ты немного прольёшь свет на всё, что здесь происходит.

Фергус усмехнулся:

– Трудно будет это сделать.

– Не понимаю.

– Я поставлен ригами коннахтов над всем войском на время похода, однако сам имею гораздо больше вопросов, нежели ответов.

– Тогда предлагаю разобраться во всём вместе.

– Ну что ж, если ты этого действительно хочешь, тогда пойдём.

Мы двинулись пешком к основному лагерю.

– Сколько с тобой человек, Фер Диад?

– Ровно двести бойцов, как и было приказано, не считая возниц и ляхов-целителей.

– Ты, конечно, спрашиваешь себя, зачем столько человек потребовали от вас, думнониев?

– Весь наш туат задаётся этим вопросом.

– Здесь уже девятнадцать отрядов, включая особую дружину галеонцев. В каждом отряде по двести-двести пятьдесят бойцов. И все они считают, что со дня на день мы двинем на Эмайн-Маху.

– Но разве мы не собираемся это сделать?

– Думаю, что нет.

– «Думаешь»?! Ты ведь главнокомандующий!

– Айлиль и Медб назначили меня, потому что я улад, и из всех, кто в ту проклятую ночь бежал из Махи к коннахтам, у меня гораздо больше причин ненавидеть Конхобара и его двор. Правда, все почему-то забыли, что я тоже оставил там свой дом, родичей, хозяйство. Свою родину...

– Почему же ты не отказался от командования?

– Мне не нужны лишние пересуды за спиной и копьё в спину. Всем, что у меня есть в Круахане, я обязан Медб, и только ей. Но если она заподозрит неладное...

К нам подошёл Кормак, ещё один улад-изгнанник. Его в Круахане и прозвали Кормак-с-Изгнанниками, потому что он в своё время не успокоился, пока не испросил у конахтских ригов земли и хозяйства для всех пришедших с ним и Фергусом уладов. Потом, мне говорили, Кормак полностью замкнулся в себе, стал неразговорчив. Но раз в год, в ночь той страшной резни в Эмайн-Махе, он сильно напивался, садился в колесницу и гонял с дикими криками по Равнине Ай до самого рассвета. Затем возвращался и три ночи спал беспробудным сном.

Мы с Кормаком поздоровались, и Фергус спросил его:

– Ну, что там?

– Пока всё тихо, – ответил тот.

– Хвала Великим Ди! – произнёс Фергус.

Кормак вопросительно взглянул на соплеменника, кивнув в мою сторону.

– Всё в порядке, – среагировал тот. – Фер Диад, сын Дамана – названный брат Пса из Махи, думаю, ему можно доверять. Ведь так, Фер Диад?

– Доверять в чём? – не понял я. – И о каком Псе из Махи вы говорите?

Мы вошли в шатёр Фергуса, и нам подали еду. В шатре, кроме нас троих, теперь никого не было.

– Итак, слушай, Фер Диад, и слушай внимательно. Я не пришёл бы к тебе, не будь ты человеком, которого так ценит сын моего брата Сетанта МакСуалтам, которого сейчас называют Псом из Махи.

– Я много раз слышал о том, что какой-то уладский Пёс свирепствует на рубежах, но я полагал, что это Конал Кернах или кто-нибудь ещё.

– Нет, Фер Диад, это именно маленький Сетанта-Кухулин, в котором силы больше, чем у нас троих вместе взятых. Я никогда не встречал своего племянника с глазу на глаз, но верные мне люди в Эмайн-Махе говорили, что Сетанта любит вспоминать о вашем совместном обучении у Скатах и считает тебя чуть ли не единственным коннахтом, за которого он отдал бы жизнь.

– Среди учеников Скатах он всегда был лучшим, – ответил я. – Мы побратались перед самым отбытием на Эрин и поклялись друг другу в вечной дружбе.

– Мы, улады-изгнанники, – сказал Кормак, – вот уже третью ночь сидим здесь, как на раскалённых углях. Медб теперь боится нас. Боится нашего внезапного неподчинения и перехода на сторону соплеменников. Поэтому она и назначила Фергуса главнокомандующим. Поэтому не посылает нас в разведку, боится, что мы не вернёмся.

– Но и ко мне, – произнёс Фергус, – приставили соглядатаев из галеонцев, которые слышат каждое моё распоряжение и передают его Медб.

– Если я всё правильно понял, именно риганн Медб первой стала призывать людей к походу?

– Да, – ответил Фергус, – ей стоило большого труда уговорить Айлиля поддержать эту затею. Риг Айлиль славный воин, но сей поход продолжает считать полной бессмыслицей. Он теперь не вмешивается в решения своей жены. Риг молча одобряет всё, что здесь происходит. Но сам бездействует.

– Сидит в шатре и смотрит вверх, – усмехнулся Кормак.

– Нам это на руку, – сказал Фергус. – Ещё не известно, что бы произошло, если бы он развеял бурную деятельность.

– И что же вы собираетесь делать? – спросил я уладов.

– Стоять здесь, – Фергус зло стукнул кулаком об колено. – Стоять, как можно дольше. Чтобы всем это надоело и они зароптали. Тогда Медб вынуждена будет распустить войска.

Помолчал, горько усмехнулся и продолжил:

– Всё очень глупо вышло, Фер Диад. Когда наше поручительство нарушили, мы решили

уйти к коннахтам лишь потому, что были очень злы на Конхобара, Катбада и их прихвостней. Мы ведь могли уйти и к лагенам, и к муманам, хотя были бы там в меньшем почёте. Коннахтские же риги нас едва ли не на руках носили.

– Правда, это больше делалось напоказ, – заметил Кормак.

– Несомненно, – усмехнулся Фергус. – Да и для Медб всегда было выгоднее опираться на таких, как мы, полностью зависящих от её воли, нежели на местное население.

– Странно, – сказал я, – когда мы вчера подходили к лагерю, на другом берегу я не заметил ни одного улада.

– И не мудрено, – произнёс Кормак, – эта земля Суалтама МакРойга, а с недавнего времени этот рубеж дозором объезжает Пёс из Махи.

– Значит, Сетанта здесь?! – воскликнул я. – Уж если так, то его одного действительно хватит, чтобы задать хорошую трепку.

– Но не целой армии, – хмыкнул Кормак.

Фергус добавил:

– Хотя я и назначен главнокомандующим, но чувствую, Медб поведёт собственную игру, о которой нам остаётся только догадываться. Галеонцы кроме неё никому не подчиняются. Скорее всего, они и перейдут брод первыми. Их обязательно должны встретить: мой человек уже мчит к брату Суалтаму... Но даже если Суалтам призовет подмогу, весть может и не дойти.

Я насторожился:

– Почему же?

Фергус опустил голову:

– Эту тайну вот уже много лет хранят все улады, и даже мы, покинув родину навсегда, поклялись молчать. Видимо, на то Воля Ди, чтобы ты стал первым и, надеюсь, единственным неуладом, услышавшим это... За несколько зим до того, как мы покинули Эмайн-Маху, уладов стала поражать странная болезнь: все мужчины в одночасье теряли силы и лежали без движения ровно пять ночей. Едва это случалось, где-то в пятине, у рубежей, занимались пожары. Те из женщин, кто владел оружием, кое-как отражали нападения врагов. А потом, по прошествии этих пяти ночей мы, мужчины, отправлялись и завершали дело. После нескольких таких случаев мы поняли, почему это происходит: едва враг ступает на земли уладов, как сразу появляется этот Недуг.

– Но что это за кара?

– Долгая история, – дернулся Кормак, – и сейчас нет времени ее рассказывать. Важно лишь то, что – хвала Великим Ди! – Медб ничего об этом не известно, и на чужой земле улады Недугу не подвержены. Хотя риганн коннахтов может догадываться...

– Только перед одним-единственным уладом-мужчиной, кроме друидов Роши, Недуг отступает. Этот человек – Пёс из Махи. Поэтому, если Недуг снова охватит всех, Сетанта будет единственным, кто встанет против нас у брода. Даже если женские дружины узнают, где мы находимся, то к тому времени, как только кто-то из них прибудет сюда из ближайшего дуна, Сетанты уже может не быть в живых. И пока улады оправятся от Недуга, треть их пятин окажется под пятою Медб.

– А как же друиды? – спросил я. – Ведь вся уладская Роща может пройти между двумя враждующими сторонами, и сражение тотчас прекратится.

– Думаю, что этого не будет, – ответил Фергус. – Накануне нашего выступления из Круахана Мог Руитх повёл всю Рощу коннахтов на северо-восток, в сторону Эмайн-Махи. Если там разразится битва Силы, на помощь уладских друидов рассчитывать не придется. Обе Рощи просто зажмут друг друга чарами, и ни один не даст противнику сдвинуться с места.

– Господин Фергус! – вдруг позвали снаружи.

Мы втроём вышли из шатра. Огромный, обхватом в три копейных броска, лагерь начинал как-то по-особенному шуметь.

Воин, позвавший Фергуса, произнес:

– Риганн Медб послала меня сообщить, что на том берегу появился всадник на колеснице. Он немного потоптался у воды и скрылся из виду.

На лицах Фергуса и Кормака не дрогнул ни один мускул. Было ясно, что этот всадник – Сетанта по прозвищу Кухулин. Наш лагерь он видел лишь издали и пока не знал, сколько людей стоит против него.

Посланец Медб удалился. Кормака сказал:

– Ночью он может совершить вылазку и, чего доброго, устроить в темноте резню. Я много слышал о выходках Кухулина, и это как раз будет в его духе.

– Мы сейчас имеем дело не с обычным воином, – заметил я. – Уж кому, а мне известно, что в состоянии сделать Сетанта. Когда ему было тринадцать, он творил то, перед чем пасовали опытные воины Страны Теней.

– Верно, – добавил Фергус, – мы можем только догадываться, на что он способен сейчас. Есть одно «но»: Медб, скорее всего, уже начинает понимать, кто именно стоит на том берегу. Как и многие другие, риганн слышана о Псе из Махи. Теперь она будет ждать от меня действий, причём, немедленных.

– И что же ты собираешься делать? – спросил Кормака.

– Мы перенесём лагерь назад, подальше от берега.

– Чего мы этим добьёмся? – был мой вопрос.

– Медб посчитает, что я пытаюсь выманить этим Пса на наш берег, и поддержит моё решение. Это позволит Сетанте быть как можно ближе к воде и не бояться, что его внезапно начнут обстреливать пращами и копьями. Но улады хоть как-то выиграют время.

– Может, Пёс просто уйдёт отсюда, – неуверенно предположил Кормака, – хотя бы для того, чтобы кого-нибудь предупредить или окопаться в ближайшем дуне?

Я отрицательно покачал головой:

– Нет. Сетанта никуда не уйдёт. Потому что Равнина Муиртемне и горы Куальнге, что за нею, – земля его туата. Его земля. Он уйдёт отсюда только мёртвым. Да и не привык мой побратим воевать из-за стен дуна. В Стране Теней я видел его в деле; поверьте мне: Медб надолго запомнит маленького Сетанту.

Я удалился в свой шатёр. Фергус с Кормаком отправились в ставку ригов говорить о передвижении лагеря.

В шатре я улёгся на шкуры и закрыл глаза. Сетанта. Я не видел его целых три зимы...

* * *

Он пришёл в Страну Теней, когда я уже учился там целый год. Маленький, смешной, невзрачный, задиристый, но уже сразу показавший себя так, что все только диву давались.

Во-первых, Сетанта оказался тем самым чудаковатым парнем, который незадолго до этого стал учеником Домнала Каменная Стопа и который чуть было не подрался с его дочерью Дорнолой. Мы все, кто обучался у Скатах, должны были сперва выучиться у Домнала, который обучал различным ненужным чудачествам, типа раздувания мехов через четырёхугольный камень или стойки на острие копья голой стопой. В воинском деле это никому особо не пригодилось, но дало неимоверную терпимость и стойкость характера.

И никому из учеников Домнала не удалось избежать весьма настойчивых домогательств его дочери. Некрасивая и грубая, Дорнола никого из юношей, а из девушек тем паче, не привлекала. И когда ещё один неудавшийся кандидат в любовники вышвыривал её со своего ложа, наутро старый Домнал лишь качал головой. Он понимал, что его дочь так и останется старой девой, и ничего не мог с этим поделать.

И вот уже будучи у Скатах, я услышал, что новый ученик Домнала уж очень резко отреагировал на приставания Дорнолы. Старый мастер рассердился и выгнал наглеца во-свояси, не преподав последнего и самого главного урока: как пройти через строптивную Равнину Добайл. По себе знаю, пройти по тем местам без должной подготовки нельзя: на первой половине равнина отталкивает тебя вверх, а вторая половина – трясина сплошная.

– Как же ты прошёл-то там? – спросили мы его.

– Колесо с яблочком вывели, – пожал плечами Сетанта и указал на лежавшие рядом с ним колесо от телеги и спелый плод садовой яблони. Больше он ничего объяснять не стал.

Не знаю, правда, как он в действительности прошёл равнину, но когда мы в первый раз увидели Сетанту, позади него, едва выше головы, проявлялось еле заметное сияние, напоминавшее голову рыси, любимого зверя Великого Луга Самилданаха. Так, во всяком случае, мне показалось.

Во-вторых, приехал к нам Сетанта верхом на каком-то чудном звере, который так и норовил кого-нибудь укусить, но под Сетантой вёл себя как шёлковый. Потом Сетанта, вволю наигравшись, зверя отпустил.

В-третьих, Сетанта осилил Мост Лезвия, ведущий в Страну Теней, уже после двух попыток. И это – также без специальных тренировок у Домнала. А Мост Лезвия, если честно, гораздо строптивее Равнины Добайл.

...Страна Теней, куда вёл Мост Лезвия, лежала у пределов Нижнего Мира, Аннона. Те, кто когда-то поселился здесь, принесли клятву хранить проход между Мирами от тех, кто не должен попасть из одного Мира в другой. Это были великие друиды, воины и ремесленники. Они добровольно отгородили себя от других людей, храня былые заветы с Мирозданием. Одной из них была Скатах, которая бралась обучать лишь избранных. Многие, даже перейдя мост Лезвия, могли вернуться домой ни с чем: Скатах внимательно смотрела на человека, в самую его душу, и уже после решала, браться ли за его обучение или нет. Я был из тех, кому удача улыбнулась. А вот Сетанте она сказала:

– Уходи. Ты не умеешь держать свой гнев в узде.

– Так научи меня этому! – воскликнул Сетанта.

– Твой гнев идёт не от тебя самого, а извне, – был ответ. – Я не смогу научить тебя обуздывать *этот* гнев. Если я дам тебе всё, что знаю, ты заберёшь столько жизней, сколько не заберут все мои ученики вместе взятые. Уходи, тебе здесь не место.

Что тут сказать? Другой бы действительно ушёл, но только не Сетанта. Одним прыжком он тут же подмял под себя Скатах и приставил кинжал к горлу. Мы все стояли, разинув рты, и ничего не могли сказать. А Сетанта, не меняя позы, смотрел на нашу наставницу жалобными глазами и чуть ли не умолял:

– Скатах, научи меня, пожалуйста. Если я вернусь домой ни с чем, меня же все засмеют!

Так Сетанта начал тренироваться вместе со всеми. Но одними тренировками всё не ограничилось. Он полюбился Уатах, дочери нашей наставницы, и дело уже шло к помолвке, но породниться со Скатах Сетанте так и не удалось.

В Стране Теней не чтят никого, кроме Великой Матери Дану, и раз в год между боевыми школами устраивались ритуальные сражения в ее честь. В них участвовали только женщины. Но когда дружина Скатах встала против дружины ещё одной неистовой воительницы, Айфе, и людей нашей наставницы принялись одолевать, наивный Сетанта «вступился» за Скатах и чуть не зарубил саму Айфе. Когда незадачливого «спасителя» насилу оттащили от поверженной противницы, та ещё долго каталась по земле в приступе дикого хохота:

– Ну и ученички же у тебя, Скатах! Да с такими, как этот малыш, и против самого Балора не страшно выходить!

Сетанте пришлось искупить свой позор бесплатным трудом в дуне Айфе...

... Когда мы покидали Страну Теней, чтобы отбыть на Эрин, она провожала Сетанту до Моста Лезвия с грудным ребёнком на руках.

Я не стал задавать лишних вопросов.

* * *

Мы с Сетантой подружились с начала его пребывания у Скатах. Я был старше его на десять зим, и он, посчитав себя младшим товарищем, старался брать с меня пример. Ещё таскал за мной оружие, добывал еду для обоих, засыпал умными вопросами. Мне это, ко-

нечно же, льстило, однако через некоторое время я понял, что брать пример следует не ему с меня, а наоборот.

Я немного завидовал ему: талантливый ученик и в то же время самый младший из нас, Сетанта осилил весь курс обучения за срок вдвое меньше положенного, ещё умудряясь при этом почти каждый день бегать на ночь в дун Айфе.

Смешав кровь, мы поклялись в вечной братской дружбе. Но теперь Великим Ди, наверное, захотелось, чтобы мы встали по разные стороны брода. А, может, теперь Ди просто нет дела до нас?

* * *

Утром следующего дня по лагерю прошел приказ: перенести место стоянки на три полёта стрелы назад от брода. Не желая участвовать во всеобщей неразберихе, я доверил своему вознице заботу о снаряжении и скарбе, а сам направился к реке. На Небе не было ни единого облачка, Солнце жгло нещадно, высокая трава податливо ложилась под ноги. Неожиданно по ту сторону брода показался конный, гнавший лошадь к небольшой роще. Оттуда вышел Сетанта, и конный принялся ему что-то поспешно объяснять. Кухулин сухо кивал в ответ, задавал вопросы. Закончив разговор, оба скрылись в роще. Я поспешил обратно, надеясь разыскать во всеобщей неразберихе Фергуса.

– Очень хорошо, – улыбнулся он, выслушав меня. – Значит, мой брат Суалтам уже на подходе.

К вечеру новый лагерь был полностью обустроен, выставлены дозоры, зажжены огни. Войско коннахтов, не считая часовых, погрузилось в глубокий сон.

... Утром меня разбудило яростное многоголосье, казалось, окружившее шатёр со всех сторон. На ходу продирая глаза, я выскочил наружу и устремился вперёд.

– Галеоин! Галеоин! – кричали повсюду.

– Что происходит? – спросил я кого-то.

– Галеонцы идут в атаку! – улыбнулись мне щербатым ртом.

Неподалеку, сурово скрестив руки на груди, стоял Фергус. На фоне общего гвалта и галдежа он казался неприступной скалой, о которую расшибаются морские волны. Взглянув дальше за спину Фергуса, я увидел Медб и Айлиля, покинувших пурпурный шатёр, чтобы проводить на бой лучших рубак коннахтской пятины. Свирепые галеонцы с конскими хвостами на шлемах двумя колоннами удалялись к броду. По всему лагерю призывно-напутственно загудели горны и рога. Я подошёл к Фергусу:

– Это ты приказал им?!

Тот покачал головой.

– Галеонцы подчиняются только Медб. Даже риг Айлиль им не указ, – вполголоса ответил он. – Она увидела, что Пёс не погнался вчера за нами, и решила начать первой. Медб хочет поскорее расправиться с Кухулином и двинуть войска через Боанн. Видишь: к броду идут лучшие!

– Боюсь, как бы она не раскусила твой план. Может, именно этим Медб хочет спровоцировать тебя, надеясь, что ты поведёшь себя необдуманно, и тогда...

– Я тоже этого боюсь. Ладно, что теперь говорить?! Увидим...

Солнце было в зените, когда в лагерь уже вернулись посланные вслед галеонцам разведчики. И все узнали, что едва галеонцы достигли брода, откуда ни возьмись появился какой-то отряд, шедший вверх по течению, и ударил с тыла. Те, кто остался в живых, просят подкрепления, чтобы расквитаться с обидчиками.

– Послать всех! – властно приказала Медб, и остальная часть галеонской дружины Круахана отправилась... на смерть: ни один из них не вернулся к закату. Всё-таки Суалтам успел!

Вечером почти весь лагерь пребывал в задумчиво-напряжённом молчании. В этот день те, кто слушал слова разведчиков, едва начинали осознавать, кто их противник на самом деле.

– Это зверь, говорю вам! Зверь, а не человек.

– Во-во: глазища красные, из ушей дым валит, разрисованный весь, как фирболг какой-то. Голыми руками человека рвёт – гвельтом⁸ буду, ежели лгу!

– Сущий монстр! Рычит на всю долину и по головам прыг-скок, прыг-скок; прыг – головы уже нету, скок – второй нету.

– Да кто же он, этот нелюдь?!

– А ты сам ещё не понял? Это Пёс из Махи, сын того туата-рига, которому Дайре, хозяин Бурого быка, подчиняется. Тот самый Пёс, который твоего шурина две зимы назад на северных рубежах распотрошил, как свинью.

– Нет, ну видел я таких и среди наших: их сами Ди на такие зверства благословляют, и ничего им за это не дается... Но чтобы такое!..

Ко мне в шатёр пришёл Фергус с кувшином мёда, и мы принялись его распивать.

– Чудесные вещи творятся в наше время, Фер Диад.

– Ты о чём?

– Об этих двух Быках, Белорогом и Буром. Когда мы собирались на пиру в Эмайн-Махе, филид Ферхертне часто любил рассказывать одну древнюю скелу. Будто жили во времена первых Сынов Мила два великих друида, которые постигли великую премудрость и решили отойти от дел своей Роши. Отправились они к Великим Ди и стали служить им свинопасами. Один пас свиней Охала Охни, а другой – стада Рыжего Бодба, сына Дагды. Даже от имён своих отрешились, и один стал называть себя Свиньёй, а другой – Кабаньей Щетиной. Жили они в дружбе и согласии, не утратив на новой службе верность прежним заветам. Часто пасли стада вместе и однажды решили вспомнить былые времена и поостязаться в чародейской силе. Да так разошлись с непривычки, что вконец озлились друг на друга и начали нешуточную битву. Долго длилась эта битва, и, чтобы продолжить её по окончании своих жизней, порешили друиды-свинопасы променять свои грядущие человеческие воплощения, в которых родились бы они без памяти о прошлом, на обличья животных, но с памятью о начавшейся вражде. Так они перерождались в птиц, речных тварей и бились от зари своих жизней до исхода. Затем их души растратили много внутренней силы и решили вселиться в двух мёртвых воинов, которые сражались много ночей кряду, пока полностью не разложились, и вместо них бой продолжали два бесплотных духа. Но и этот срок истекал, и тогда оба противника, собрав последние силы, воплотились в личинки, съеденные двумя коровами. Это уже произошло в наше время. «И вот думается мне, – говорил старик Ферхертне, – что одна из этих коров принадлежала Айлилю и родила вскоре Белорогого, а другая паслась в стаде уладского септ-рига Дайре и произвела на свет Бурого из Куальнге».

– Красивая скела, – проговорил я. – И ты что-то с ней связываешь.

– Да, – резко сказал Фергус. – А ты разве не уловил связь? Эти быки – воплощения друидов-свинопасов. Они ещё не забыли давнюю вражду и дорого поплатились за битву длиною в пять сотен зим, став бессловесными скотинами, но до сих пор жаждут продолжения схватки. За ними стоит какая-то древняя сила, которая может ради битвы двух Быков столкнуть целые армии. Кто бы не победил, рано или поздно Белорогий и Бурый схватятся на смерть, и тогда всем станет тесно!

Он замолчал.

– А ты сам этого хочешь, Фергус?

Он усмехнулся:

– Ты полагаешь, что я в глубине души жажду победы коннахтов, думая, что Айлиль и Медб помогут мне сесть ригом в Эмайн-Махе? Да, я до сих пор не могу забыть того позора, который испытал, так глупо потеряв трон. Может, я и стал бы для уладов хорошим ригом... Может быть. Но теперь я для многих из них предатель, на моих руках кровь земляков и пепел пожарищ. И что бы ни посулила мне Медб – а обещание сделать меня уладским ригом она, бьюсь об заклад, поберегла на потом – я никогда не войду желанным господином в Чертог Красной Ветви. Я сам в этом виноват: горячность воина – его проклятие. Теперь я изгой и останусь им до конца своих дней. Былого не воротишь...

* * *

Следующий день прошёл насыщенным воздухом перед грядущей грозой. Медб посыла-ла отряд за отрядом к броду, надеясь осилить Кухулина числом. Но каждый раз очередной предводитель отряда говорил одно и то же:

– Прости, почтенная риганн, но если Пёс из Махи встретит нас без подкрепления, я буду биться с ним один на один и честь моя запятнана не будет.

Так один за другим от руки моего побратима Сетанты пали двое сыновей Нера МакНуатайра, трое сыновей Араха, а также Летан и Мулхи. Все они когда-то были заложниками в Круахане, а теперь возглавляли отряды туатов. Но когда Кухулин одолевал каждого из них, отряды, оставшиеся без вождя, с проклятиями на устах поворачивали назад в лагерь, забирая тело погибшего с собой. Мёртвого сжигали, а живые пребывали в растерянности: выбирать сразу же нового предводителя или возвращаться домой к жёнам и детишкам? Фергус едва сдерживал при посторонних радость.

– Пока всё идёт хорошо, – говорил он Кормаку и мне. А потом резко менялся в лице и добавлял: – Пока...

Чем больше всадников гибло, тем меньше людей отваживалось меряться силами с Псом из Махи. Медб пришлось буквально выталкивать к броду своего сына Орлама, пропуская мимо ушей суровое молчание Айлиля. Она сама наблюдала за этим боем, стоя у самой воды, укрытая за панцирем из ростовых щитов... а потом горько оплакивала сына, лежавшего на собственной колеснице с раскроенной головой.

«Я тебя ненавижу!» – говорил взгляд рига Айлиля, обращённый к жене. «Мне нет до тебя дела», – не отвечала она ему, поглощённая своими мыслями.

После похорон последовала обильная жертва Покровительницам Сражений. Церемонию проводила сама Медб. В ритуальный костёр полетели все драгоценные украшения четы ригов и их свиты. Ужасен был облик Медб в отблесках яростного пламени, и речи ее, обращённые к Ди, вселяли ужас.

И, словно эхо, разносился по Равнине Муиртемне победоносный клич Сетанты, Пса из Махи, продолжавшего в одиночку оборонять брод от незваных гостей.

* * *

Следующим утром я застал Фергуса облачавшимся к бою.

– Что происходит?

– Этой ночью был совет. Они все словно с ума посходили: «Убрать этого выродка с рубежей, в клещи взять его всем скопом; к фомору древний воинский закон!». Мне ничего не оставалось сделать, как самому вызваться на поединок с Псом.

– Ты будешь с ним драться?

– Нет, я просто хочу с ним поговорить. Может, что-то получится...

К нам подбежал молодой парень зим восемнадцати.

– Благородный Фергус! Я – Этаркумал, сын Фида. Риганн Медб велела мне ехать вместе с тобой.

– Зачем? – был вопрос Фергуса.

– Хочу посмотреть, что за чудище такое, этот Пёс из Махи. А если нарвётся, то тогда...

– У тебя есть колесница, мальчик? – медным тоном произнёс Фергус.

– Конечно, – удивлённо ответил тот, – я ведь сын туата-рига...

– В таком случае, если ты не успеешь её снарядить к моему отбытию, тебе придётся меня догонять со всех копыт. А теперь – марш отсюда!

Этаркумал, возмущенно фыркнув, убежал, а Фергус, вздохнув, обратился ко мне:

– Ну вот теперь наши с Сетантой переговоры будут стоять одной коннахтской жизни.

– Ты убьёшь этого парня?

– Нет, – нервно усмехнулся Фергус. – Его убьёт Сетанта. Я видел, как Этаркумал ведёт себя с людьми: он высокомерен и задирист, может и слово грубое сказать. С Псом – ты это лучше меня знаешь – такой номер не пройдёт: уложит так, что «ох!» сказать не успеет.

Фергус внимательно осмотрел себя и своё оружие. Произнес с досадой:

– Все эти знатные господа и их отпрыски считают себя бессмертными только потому, что их в детстве благословил кто-то из высших друидов. Бьюсь об заклад, что тех, кого зарубил вчера Пёс, тоже благословляли друиды. Где сейчас эти благословения?

...Фергус вернулся с «победой» и мёртвым Этаркумалом.

– Сделка состоялась, – выдохнул он, когда мы с Кормаком проследовали за ним в шатёр. – Медб не зря послала со мной этого задавалу: знала, что тот затеет драку, надеялась, что со мной Пёс тоже сразится.

– Значит, она хотела от тебя избавиться?! – недоумевал я.

– Этот исход тоже был бы ей на руку: Медб, чувствую, всё меньше и меньше доверяет мне.

– Тогда отстранись от командования!

– Это вызовет ещё больше подозрений, хотя теперь уже нет большой разницы, буду ли я числиться командующим или нет. Повторюсь, сделка состоялась: Кухулин отступил. На время. А я, в свою очередь, в нужный момент поверну своих изгнанников назад и этим вызову замешательство в рядах коннахтов.

– Когда?

– Скоро истекает время Недуга, Фер Диад, и все улады будут здесь. Начнётся битва. Вот тогда мои люди и начнут отступать. Кормак, оповести всех наших до следующего дня. Ни один коннахт не должен об этом проведать.

– Хорошо, Фергус, – и Кормак вышел из шатра.

– Мои думнонии сделают то же самое, – произнёс я.

– И да помогут нам Ди!

Фергус отправился докладывать ригам о своём возвращении с брода.

* * *

Солнце уже минуло зенит, когда Медб, приняв отставку Фергуса, отдала приказ туатаригу Калатину выступить со всем отрядом вдогонку Сетанте. На утро следующего дня колесница Пса снова была у брода, а сам Пёс вместе со своим возницей, громко смеясь, перебросили пращами несколько отрезанных голов на наш берег. Разгневанные этой дерзостью, многие воины, даже не испрашивая дозволения ригов, снаряжали колесницы и пускались к реке. Когда очередной возница понуро возвращался в лагерь с телом убитого всадника, на поединок отправлялась следующая колесница. Два отряда пустились в обход на север, два – на юг. Медб приказала им перейти реку, окружить Пса и ударить с тыла. Но с холма было ясно видно: едва первые воины переправлялись на тот берег, как на них налетали буквально из воздуха возникавшие стаи воронов – черным-черно было от них в небе – и не давали пройти дальше. Под очумелое карканье и хлопанье тысяч крыльев воины в панике переправлялись обратно. Птицы не преследовали их за рекой. Лишь единожды тучи чёрных вороньих тел на мгновение представились мне гневным женским лицом. Но видение тут же исчезло... В этот вечер снова в лагере вздымались погребальные костры, снова хоронили доблестных коннахтов, убитых у брода Псом из Махи.

– Кто на этот раз? – спросил я у какого-то возницы.

– Нат Крантайл из Круахана, Фроэх, зять наших достопочтимым ригов, Фиах, сын Фир Аба, Фир Крандке с северных берегов, Буйде, сын Блайна Блаи, Срубдайре, сын Федайга да ещё... этот... Кур, сын Да Лота. А это уже Фер Баэта, наверное, везут: он был последним, кто поехал к броду. Да, велик проклятый Пёс, чтоб его фоморы сгрызли!..

Мимо пронесли носилки с телом. Брэт, полностью закрывавший его от людских глаз, был насквозь пропитан кровью. Все эти имена были на слуху. Хорошие вояки, достойные соперники в сражениях, опора и защита коннахтской пятины. И вот пришли они к Псу из Махи и не вернулись. Неожиданно для себя я обернулся и увидел фигуру в тёмном одеянии с капюшоном, неслышно проскользнувшую мимо скорбящей процессии по на-

правлению к шатру ригов. Подойдя к нему, фигура воровато осмотрелась, отогнула полог и исчезла внутри.

...Ночью несколько человек видели огромный ярко-красный сгусток, двигавшийся в потёмках с севера. Сгусток пересёк реку и через некоторое время растаял на том берегу...

Лагерь ширился величественными погребальными кострами и набухал ссорами о доле имущества погибших. Всё меньше коров оставалось на прокорм армии, и воины шли мародёрствовать в ближайшие селения. Случилось так, что местные жители однажды подстерегли отбившегося от остальных головореза, окружили его и, в конце концов, пригвоздили вилами к земле. Ходить за дармовым пропитанием становилось всё опаснее.

– Долго Медб не выдержит, – улыбался Фергус. – День-два, и мы уйдём обратно. Воронов видел? Даже Ди не на её стороне!

– Вам с Кормаком следует поостеречься коннахтской риганн, – проговорил я. – Теперь, когда многие туата-риги ропщут, Медб запросто сможет обвинить уладов-изгнанников в измене.

– Не думаю, – сказал Кормак. – Кто же будет оборонять саму Медб, если туата-риги решат её сместить? Галеонской дружины больше нет, воинов Айлиля не так уж много, а больше Медб рассчитывать не на кого. Фергус заметил:

– Нам, Кормак, тоже не нужна эта резня: и нас ничтожно мало. Думаю, Медб будет искать другой способ.

... И она его нашла. Чувствовал я, да боялся себе признаться – неспроста риганн коннахтов все это время жалела моих думнониев, не отправляя их на битву.

* * *

– Здравствуй, Фер Диад, сын Дамана.

– Добрый день, государыня, – я быстро поднимаюсь, прогоняю спешащий навязаться дневной сон: ещё чуть-чуть, и риганн коннахтов пришлось бы меня будить.

– Отдыхаешь? Не много ли времени тратишь на сон в походе?

– Прости, государыня...

– Ничего, не страшно. Это я так, к слову, – Медб улыбается и оскал зверя, выследившего долгожданную жертву, был этой улыбкой. Спину неприятно щекотнул лёгкий морозец.

– Хорошо ли живут мои думнонии на западе пятины? – она садится на шкуры и жестом приглашает меня последовать её примеру. По-особому красивое лицо обрамляют заплетённые в две косы иссиня-чёрные волосы, искрящиеся в дневном свете, обильно проникающем в шатёр снаружи. Свет играет в драгоценных камнях изящного торквеса.

– Не жалуемся, государыня. Мы не привыкли жаловаться.

– А привыкли ли вы получать милости риганн? Знаю, что нет. Но эту ошибку можно исправить. Нравятся ли тебе земли к востоку от вашего туата? Они могут стать твоими: тамошние правители слишком строптиво ведут себя здесь, в моём лагере.

– Ты очень милостива, благородная Медб, – отвечаю, – но распоряжение чужими землями запрещает закон...

– Мы решим этот вопрос, – она продолжает хищнически улыбаться, сделав вид, что не заметила моего саркастического намёка: ведь и нас, думнониев в предыдущем поколении, именно она, Медб, и её отец, ард-риг Эохайд Фейдлех, с позором оттеснили с исконных территорий, наплевав на закон и правду, поставив во главу угла лишь право сильнейшего. И что теперь? Желание искупить прошлые ошибки? Я слишком хорошо знаю тебя, риганн Медб, чтобы понимать, что это не так.

Приближаясь к сорока годам, она до сих пор пленяет мужские сердца. Не хочет ли она то же самое сделать и с моим? Она продолжает:

– Народ Домнаин многое претерпел за эти годы, ты это знаешь не хуже меня. Я ведь могу освободить весь твой туат от обязательств военной службы.

– Прости, риганн, но мы и так впервые за двадцать зим снарядились в поход.

– А теперь не будете делать этого никогда. К тому же я хочу наградить тебя, Фер Диад МакДаман, за то, что ты привёл сюда своих людей.

– Это мой долг.

– Не спорь со мной, – Медб плавно, по-кошачьи положила руку мне на колено. – Мы ведь прекрасно ладили, когда ты ещё жил заложником в Круахане. Я хочу породниться с тобой, Фер Диад. Моя Финдабайр составила бы тебе прекрасную партию в браке.

Я аккуратно замечаю:

– Но ведь твоя дочь совсем недавно похоронила мужа.

– О, это не помешает нашему общему делу, – зелёные глаза Медб ловили движение каждого мускула на моём лице. – Когда незначимые люди умирают, о них забывают очень быстро. Финдабайр молода, красива и, как ты сам понимаешь, эриком обделена не будет.

– Ты чего-то хочешь от меня, риганн Медб, чего-то очень важного. Сейчас ты смотришь мне прямо в глаза, и я наконец-то услышу то, что ты действительно хочешь мне сказать.

– Хоть ты до сих пор и не проявил себя в этом походе, – продолжает Медб, – всё же я знаю, что ты отважный воин. Готова биться об заклад, что ты был лучшим учеником у Скатах.

– Но...

– Кстати, кто-то мне говорил, что вместе с тобой у неё учился и Пёс из Махи. Ведь так?

– Именно так, – киваю я.

– А это значит, что ты очень хорошо должен знать его манеру боя. Если я правильно понимаю, у вас в этом деле гораздо больше общего, чем я могу предполагать.

– Я давно не бился с ним, риганн, поэтому...

– Мы можем исправить это упущение, – Медб сверкнула глазами и перешла на полужёпот: – Добудь мне завтра к вечеру голову Кухулина, и всё, что я обещала тебе, исполнится.

Этого я и боялся.

– Он мой друг и названный брат, благородная Медб.

– Я дам тебе поручителей, если ты сомневаешься в моём слове.

– Он мой друг и названный брат.

– Вы равны в силе и умении. Только ты можешь победить его, и твои люди благополучно вернутся к своим семьям.

– Он мой друг и названный брат.

– Судьба похода в твоих руках, Фер Диад. Не знаю, кто этот Кухулин на самом деле, но...

– Он мой друг и названный брат!

Она осознаёт, что разговор наш заходит в тупик. Понимает, что движет мной, но я не до конца понимаю, что движет ею. Жажда обогащения? Стремление доказать всем, что она лучшая? Может быть, всё вместе?

– Риганн Медб, ты негодуешь, ты гневаешься. Ты прекрасна в гневе. И я без оглядки влюбился бы в тебя, если бы не знал, что облик красавицы скрывает под собою суть чудовища. Ты будешь говорить дальше: ты всё-таки хочешь меня убедить. Ну, говори. Я слушаю...

– Думаешь, я не понимаю тебя, Фер Диад МакДаман? Ошибаешься! Раньше у меня тоже были друзья. Много друзей. У дочери ард-рига их не бывает мало. Сыновья знатных всадников почитали за честь состязаться и охотиться вместе со мной. Их жёны и сёстры, дабы решить разногласия, шли не к риг-брегону, а ко мне. Ко мне, которая до сих пор слабо различает имбас фороснаи и дигетал до кеннаиб, а также жанры скел – что похищение, что сватовство, что разрушение – были для меня на одно лицо.

– Я никогда не сомневался в твоей добродетельности, риганн Медб, – мой тон был пронизан уважением, но...

– Врёшь, всадник, – отпарировала она. – Ты уважаешь меня, это правда. Но ува-

жение твоё сродни худой кости голодной собаке: бросил, лишь бы отстала. Не пытайся оправдаться – я не злюсь на тебя за это. Ни на кого больше за это не злюсь. Кухулин твой друг, а я лишь риганн коннахтов, готовая заплатить друидам любые кумалы, чтобы они заставили тебя пойти к броду и биться с Псом из Махи.

Она помолчала, понимая, что я ещё готов её слушать и не поверну поток разговора в другое русло. Она здесь хозяйка, а я вряд ли что-то могу с этим поделать.

– С тех пор как я приняла правление коннахтами, друзей стало меньше: они бежали от злой и надменной Медб, как от вышедшего из берегов озера. Им было невдомёк, что я слишком сильно полюбила новый народ и Круахан-Ай, чтобы позволить коннахтской пятине трещать по швам от беззакония и неподчинения. Друзей у меня, в конце концов, не осталось. Даже отряд телохранителей пришлось вербовать из пришлых галеонцев... Но я не жалею, нет! Я сама выбрала этот путь и продолжаю пожинать его горькие плоды... Знаешь, о чём я денно и ночью думаю, Фер Диад? Не знаешь. А я скажу! Вот уже больше трёхсот зим длится вражда между Эмайн-Махой и Круаханом. В разное время и здесь и там правили достойные риги. Великая распря всегда завершается великим миром. Но когда плодородной землёй уладов стал править этот недоносок Конхобар, ни о каком мире не могло быть и речи.

– Такой ли на самом деле недостойный человек риг Конхобар, как ты о нём говоришь, благородная Медб? – я лишь хочу оттянуть разговор.

– Снова не веришь, – усмехается Медб. – Не верь – дело твоё. Однако я была замужем за Конхобаром и знаю, о чём говорю. Эта расхлябанная, не способная править кукла развела вокруг себя заразу, гордо именуемую воинством Красной Ветви! Ну, скажи мне, кто из них по-настоящему достойный воин? Лоэгайре Буадах?! Этот хвастливый болтун, лучше управляющийся с дубиной, нежели с мечом?! Бабник Конал МакАмаргин?! Пьяница Мунремур, приговаривающий почти всё пойло на пирах ещё до захода Солнца?! Может быть, Менд, у которого кулаки чешутся как на трезвую, так и на пьяную голову?! Или этот трус Кускрайд Заика, притча во языцех среди дружины моего мужа?! Или твой друг, маленький Пёс, каждодневно стоящий всех остальных вместе взятых?! Верно говорят старики в наше время: сила есть, ума не надо! Что творит эта «победоносная» братия от Огней Белена до Дикой Охоты? Обьедают почти на треть жителей всей уладской пятинны, да, знай себе, разъезжают по рубежам, словно диких зверей травя коннахтских всадников. А если травить некого?.. Что толку, если бешеный Пёс из Махи зараз справляется с четырьмя отборными коннахтами?! Казне Эмайн-Махи он стоит гораздо дороже, чем один набег моих галеонцев. И весь этот цвет уладского воинства, устроив перемирие на рубежах, принимается за своих же земляков: заливают наглые глаза всем, что попадётся под руку, и устраивают налёты на ближайшие от места пьянки селения!

Медб, почти сорвавшись на крик, внезапно останавливается, переводит дух, и я ловлю её взгляд. Нет, это не глаза волевой правительницы, способной подчинять себе всех и вся. Это глаза уставшей от всего уже немолодой женщины, привыкшей всегда решать за многих других.

– Зачем тебе всё это, риганн Медб? Зачем тебе такая тяжёлая ноша? Осилишь ли?

– Ты, наверное, слышал об этой истории, – риганн стала понемногу успокаиваться, когда Кухулин, Конал и Лоэгайре, напиваясь, наверное, в каждом селении на их пути, заявили в Круахан-Ай и с несусветного похмелья стали требовать меня, – здесь я невольно усмехнулся, – рассудить, кто из них самый доблестный воин среди уладов. Мол, мне со стороны виднее! На беду мой муж Айлиль решил устроить смотр войск в дневном переходе от дуна, и пошли я к нему гонца, всё равно бы не успел прийти на помощь. Не прикажи я впустить их в Круахан, эти трое легко бы взобрались на вал и перерезали малочисленный гарнизон. И мне пришлось любезничать с этими головорезами добрых полдня и даже расстаться с тремя очень дорогими мне вещами. Я приглашала к себе в покои каждого из них по очереди и, пока двое других сражались с мороком, напущенным моими друидами, вручала в дар свидетельство «о превосходнейшей доблести». Самой противно, когда вспоминаю об этом невиданном ранее унижении!

– Дары были одинаковыми? – не удержался я с вопросом.

– Конечно, нет, – она едва заметно улыбается. – Если бы эти чаши с украшениями были из одного материала, они бы вернулись, не покидая равнины, и тогда... Хотя зря я так: пьяными мужчинами управлять гораздо легче, чем трезвыми. Насилу удалось спровадить этих троих в Слиаб Мис к Курюю МакДаре. Надеюсь, что он, может быть, разгневаётся на них за что-нибудь и избавит всех коннахтов от такой напасти. Но нет! Курой оказался, как всегда, в своём репертуаре. Тоже напустил на них морок, а когда те уже устали рубиться, вконец протрезвели и ни с чем отправились обратно в Эмайн-Маху, Курой поехал следом и, в чужом облике явившись в Красную Ветвь – наверное, как раз на опохмел этих троих – предложил каждому из них отсечь себе голову и затем принять такой же удар обратно. Конал с Лоэгайре – хоть единожды в жизни здраво рассудили – отказались, а молокосос Кухулин – хоть бы что! – хлебнул для храбрости, взял топор и отсёк Курюю голову.

– Бедняга, – пошутил я, а самого гордость переполняет за побратима Сетанту. Медб разумно делает вид, что не замечает моего сарказма и продолжает:

– Голова, конечно же, прыгнула на прежнее место и тотчас приросла.

– Зная, кто такой Курой, другого и не ожидал, – улыбаюсь, но не сбавляю внимания. – Медб, кажется, специально хочет ослабить мою бдительность, дабы я проникся к риганн большей симпатией. Вряд ли она этого дожждётся.

– Кухулин, конечно же, оторопел, но шею под удар подставил. Жаль: Курой рубить не стал. Повеселился от души и как сквозь землю провалился.

Она замолчала, делая задумчивый вид. Даёт себе передышку перед решающей атакой. Неисправимый военачальник: на поле боя, дома в Круахане, не удивлюсь, если и на ложе с мужчинами. Такие женщины любят руководить везде. Но вот она набрала воздуха, внимание, сейчас продолжит:

– Живя в Эмайн-Махе, я не раз была свидетельницей того, как малодушный Конхобар мило улыбался, изо всех сил пытаясь свести на нет очередную жалобу на одного из своих пьяниц-дебоширов: здесь поле пожёг, там чужую невесту похитил, ещё где-нибудь полселения объел и обпил подчистую. А Конхобар... Трус он, а не риг! Не место ему на престоле в Эмайн-Махе!

– Это не тебе решать, риганн Медб, – спокойно, безо всякой боязни замечаю я.

– А кому?! – усмехается она. – Месройде МакДато? Тот ещё тихоня! Курюю? Который ещё до конца не понял, кто он в первую очередь: друид или риг... Или, может быть, Тигернаху, ригу ближних муманов, который всегда делает вид, что ничего не происходит?

Медб внезапно выпрямляется во весь рост, гордо оправляет сбившуюся прядь чёрных, чернее смоли, волос – где она, уставшая женщина? Пропала, испарилась в мгновение ока! Новая женщина властно воскликнула:

– Долго это продолжаться не будет! Мои коннахты рано или поздно войдут в Эмайн-Маху. Мы все уже устали сидеть на каменистых равнинах и ждать милости извне. Уладская пятина с её тучными лугами заслуживает лучшего правителя!

Вот ты и проговорила, риганн Медб, дочь Эохайда Фейдлеха. Ты метишь на престол в Красной Ветви, на богатые уладские почвы и леса, полные дичи. Все твои речи о бесчинствах уладских всадников на рубежах и о слабостях рига Конхобара – не более чем завеса, за которой кроются твои истинные желания. Твой единственный камень преткновения – Кухулин, и для решения этой задачи тебе нужен я.

– Ты всё-таки не желаешь изменить своего решения, Фер Диад? – лицо риганн становится холодно-восковым. Как у мертвеца: – Ну, что ж, я надеюсь, ты понял, что, говоря о друидах, я не шутила.

С этими словами полог шатра отогнулся, и мужчины и женщины в бело-синих одеяниях с отличительными знаками лагенской Роци вошли и встали напротив нас.

– Святые отцы, – торжественно произнесла Медб, – вы проделали долгий и нелёгкий путь. За это вас наградят сполна. И вы получите в несколько раз больше, если ваш глам-дицин коснётся этого человека, не желающего исполнить мою волю.

И – ко мне:

– Ты знаешь, что сейчас может произойти с тобой, если твоё решение останется неизменным.

Я прекрасно всё знал.

Я считал удары сердца...

* * *

До брода ехали почти молча. Безуспешно Этал, мой возница, пытался вызвать меня на разговор, будто чувствуя, что больше ему не удастся это сделать.

– Ты хочешь убить его? Он ведь Пёс из Махи! А если мы его не одолеем, что тогда?..

Я не отвечал вознице, но вслушивался внимательно в каждое его слово.

– Слушай, хозяин, а давай повернём обратно и скажем этой!..

– Заткнись! – неожиданно даже для самого себя взорвался я. – Заткнись и делай своё дело! Я хочу хотя бы до битвы быть невредимым, а за дорогой кто следить будет?! Не твоего ума дело, куда я еду и с кем буду биться!

– Он ведь твой друг...

– Молчать!!! – успокоившись, добавил: – Ладно, прости, сорвался я... Да, друг, да, иду биться с ним. Да, насмерть! Ну хоть ты не сыпь мне соль на рану. Хоть в последний раз дай...

– Ты сказал «в последний»...

– Да, я сказал «в последний»!.. Значит, время пришло.

Колесница остановилась посередине брода. Сетанта стоял напротив, по колено в воде.

– Зря ты сюда явился, – холодно проговорил он, и оба мои коня разом испуганно взбрыкнули.

– Мой возница такого же мнения, – попытался пошутить я. – Может быть, сперва поговорим?

– Поговорим, – буркнул Сетанта и, развернувшись, зашагал к берегу. Этал направил колесницу следом.

Мы уселись у берега, я и Сетанта. Этал укрыл колесницу в тени деревьев и сам улёгся под ней. Я посмотрел на Сетанту. За эти три зимы он сильно заматерел: черты лица обрели поистине зрелую суровость. На волосах кое-где отметилась ранняя седина. Слишком ранняя.

– Как живёшь, младший братец?

– Как видишь. Не знаю, доживу ли до завтра.

– Рассчитываешь их всех перебить?

– А как быть по-другому?! Либо я – их, либо они – меня. Это моя земля, и без моего слова здесь муха не пролетит, пока я жив.

– Не слишком ли много на себя берёшь?

Сетанта прикусил губу.

– Ты пришёл меня уму-разуму учить, старший братец? Спасибо, учёный уже. Не думал, что мы после стольких зим вот так встретимся. Как враги.

– Я тебе не враг.

– Тогда зачем ты здесь во всеоружии? Уж точно не рыбу ловить!

– Медб хочет, чтобы я сразился с тобой.

– «Медб хочет!» – передразнил меня Сетанта. – Ты, наверное, слишком долго был у неё в заложниках, и теперь её слово стало для тебя всем.

– Не забывайся!

– А я не забываюсь! Уж кого-кого, а тебя я не ожидал здесь увидеть.

– Ты не знаешь Медб: она любого может заставить плясать под её дудку.

– И как же она заставила тебя, друг Фер Диад?

– Гламдицин. Если бы я не согласился, друиды спели бы мне песнь поношения. Ты знаешь, что за этим может последовать.

– Позорная смерть, бесчестье в следующей жизни и вечно закрытые ворота в Благословенные Равнины, – после паузы произнёс Сетанта слова древнего закона. – Ты

всё равно не пройдёшь там, где я стою, Фер Диад. Я убью тебя.

– Это почему же так, а не наоборот?! – едва не взвился я. – У нас с тобой одна школа, стало быть, и возможности одинаковые.

– Просто я знаю. Из вашего лагеря, может быть, этой ночью и не было видно... Великая Бадб гнала перед собой корову, и я остановил их. Мне было страшно, но я понял, что не смогу поступить иначе. Я едва не начал биться с Великой Бадб, но обошлось. Она страшила меня, пророчила поражение, гибель... Я не сошёл с пути. Теперь уже ничего не боюсь. Великая Бадб провела меня через новое испытание. И если Ди со мной, то кто встанет против меня?!

– Многие так говорили и говорят.

– Я – не многие!

Мы замолчали.

– Я не отступлюсь, Фер Диад.

– Я знаю, младший братец. Я и не прошу тебя об этом. Ты лишь должен понять: я не хотел, чтобы так вышло.

– Понимаю, – кивнул Сетанта. И добавил: – Один из нас должен умереть.

[Нас многое объединяло. И далеко не самым важным было то, что мы с Сетантой обучались у одной наставницы, многое пройдя вместе, или то, что мы оба, собираясь сразиться на смерть, продолжаем по-братски любить друг друга. Теперь связь между нами приобретала в моем неискушенном в высоких материях уме потусторонний окрас. Будто бы кто-то в Верхнем Мире, оттягивая схватку Бурого и Белорогого, свел нас с Сетантой в смертельном поединке. Один из нас должен был принести себя в жертву, которая хоть на некоторое время охладила бы Быков, жаждущих схватки.]

– Умереть, – отозвался я и внезапно оглянулся...

... Невдалеке, показалось, я увидел немолодую женщину в длинных синих одеждах филида. Одной рукою женщина держала кожаный мешочек, а другой извлекла из него маленькую деревянную дощечку.

«Величайшее напряжение» – пронеслось у меня в голове.

Вот и выпал жребий.

Примечание

¹ Период «сидения дома», т.н. зимнее время года, когда, как считали древние кельты, природа умирает (1 ноября, Самайн), чтобы возродиться вновь (1 мая, Бельтэйн).

² Сердце Весны – праздник, приходившийся на 5 мая, т.е. через 40 дней после Весеннего Равноденствия.

³ Дун – укрепление на возвышенности, укрепленное рвом, валом, частоколом и деревянно-каменной стеной.

⁴ Приставка «О'» обозначает «внук».

⁵ Фир Галеон – туат, являвшийся пришлым в коннахтской пятине; его воины отличались исключительной храбростью.

⁶ Фир Домнаин – думнонии, докельтское население Эрина, ведущее свое происхождение от фирболгов.

⁷ Клятва, принятая среди современных друидов, но обоснованная для того времени и в логическом контексте употребленная в произведении. Под не-Ди подразумеваются как фоморы, так и смертные герои, полу-Ди и высшие существа, не входящие в состав Туатха Де Дананн.

⁸ Гвельт (ирл.) – безумный, сумасшедший, псих.

Петр РАЗУМОВСКИЙ

Родился в г. Шуя Ивановской обл. По окончании в 1948 году Ивановского сельскохозяйственного института, ветеринарный факультет, был принят в аспирантуру по микробиологии во Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии в Москве. В 1956 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1962 году прошел по конкурсу и был избран ученым секретарем Всесоюзного института физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных. В 1963 году приглашен в АН МССР на должность зав. лабораторией биологически активных веществ. В 1968 году защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора.

Принципиальный

Рассказ

Ион Степанович, очень дисциплинированный чиновник, уже тридцать лет работал в Министерстве сельского хозяйства. Всю жизнь и все труды он отдавал этой неблагодарной работе и, казалось, всякий раз лично был ответственным за то, что весна наступила слишком поздно или вдруг морозы ударили во время цветения абрикосов и персиков, или лето слишком засушливое и кукуруза зачала и так далее.

Вот и теперь, слушая доклад о высоких урожаях хлопка, он не понимал, зачем его командировали в Ташкент именно в тот период, когда надо собирать сводки (а кроме сводок он ничего не собирал) о ходе химической обработки виноградников.

– Начальству виднее, – успокаивал себя Ион Степанович. – Значит, так надо.

В Ташкенте он добросовестно сидел на всех семинарах с утра до вечера, удивляясь, почему постоянно говорят о хлопке, о грядущих обработках хлопчатника, о новых планах по сбору хлопка-сырца и еще множество всякой интересной информации, но все о хлопке.

– Почему никто не говорит о виноградниках, о кукурузе или на худой конец о гогошарах? – удивлялся Ион Степанович, но все исправно записывал и ждал, когда же речь пойдет о виноградниках.

Во время одной из лекций Ион Степанович услышал, как за рядом стоящим столом кто-то шептал своему соседу: «Вон этот, что справа... да, вон с усами который... он, видимо, чокнутый... или, быть может, ревизор какой. Только он все время сидит и что-то пишет! Никуда не отлучается. Даже в чайхану не ходит, только в буфет. И никаких покупок не делает домой».

Ион Степанович покраснел, невольно поправил усы и только ниже склонил голову.

После окончания недельного семинара, как самому дисциплинированному участнику, Иону Степановичу, дорогому гостю из Молдавии, подарили большую кипу книг различных форматов о возделывании хлопка в разных странах мира, о новых хлопкоуборочных машинах и, конечно же, о передовиках хлопководства, которые широко улыбались с цветных обложек. И хотя Ион не планировал разводить хлопок в Молдавии, он сунул книги в чемодан, причем в голове его мелькнула смутная мысль о ценности макулатуры, о тех временах, когда охотно принимали старые калоши, тряпье и бумагу и приезжали за этим утилем на дом... и еще что-то такое.

До вокзала Ион Степанович решил идти пешком, так как не успел посмотреть город. Всю неделю семинар начинался с самого утра и заканчивался поздним вечером. Времени не оставалось на экскурсии. Но зато Ион Степанович знал об этом городе песню:

«Сияй, Ташкент, звезда Востока, столица дружбы и тепла!»

Мурлыча себе под нос песенку о Ташкенте, Ион Степанович восторгался столицей Узбекистана. Какой шикарный город! Верно говорят – землетрясение пошло ему на пользу. Особенно хороши украинские кварталы. Какие величественные белокаменные здания с грандиозными верандами. И все в каменных кружевах. Как можно сделать кружева из камня? Быть может, тут был двойник великого Щусева? А как оригинально сделано – на каждой улице с обеих сторон бежит вода в арыках. Холодная прозрачная вода с гор. Кому жарко – зачерпни воды и умойся, хочешь – попей. Чудеса, и только!

– Это что такое? Жеребенка везут на грузовике, – не удержался Ион Степанович и воскликнул. – Весь разнаряжен – в лентах и цветах. Что за почет этому жеребенку?

– Ему такой почет, – услышал сзади Ион в ответ, – что его сейчас зарежут и съедят. Вот их сколько жаждущих. Это будет старинный обряд обрезания. Теперь-то уже не скрывают.

Вот и пиво! Ион Степанович, вытерев потный лоб, купил большой бокал и жадно отхлебнул. «Фу, какое неважное! Какое невкусное! У нас вода в реке Бык вкуснее!»

– Вы пиво из хлопка что ли делаете? – не смог сдержаться Ион Степанович и, скривившись, спросил у продавца.

– Из хлопка, из хлопка, пей, дорогой. Гвозди ешь – крепче будешь. Мыло ешь – чище будешь. Хлопок пьешь – мягче будешь, – и продавец расплылся в довольной улыбке, точь-в-точь как на обложках книг о хлопке.

Повеселел и Ион Степанович. А как много детей в Ташкенте!

Ион рассмеялся, вспомнив старый анекдот: «Приехал друг к Абдулле и видит, что тот сидит один дома. – Абдулла, у тебя такая большая семья была, а теперь ты один. Где же остальные?» – Тот отвечает: – Тиф был. Все померли. Старик помер, старуха померла, жена померла, все малайки померли. Аж смех берет».

Завернул Ион и на базар. Братцы вы мои! Вот это да! Вот те «пяца». Всем «пяцам пяца». Не верите? Насыпана гора арбузов. Гора – прямо Казбек. И дыни тоже горой, как Эльбрус. А каждая дыня – что свинья английской породы, да еще и супоросная. А одна картофелина может целый килограмм весить, величиной с голову. Это что такое? А!.. Приправа для плова. Тут снадобье всякое. Но краше всего рыба вяленая. Большая рыба, название ее по-узбекски не выговоришь, а на русский или молдавский язык не переводится. Рыба желтая, жирная, прозрачная, хоть сквозь нее смотри.

– Таковую рыбу можно есть только с нашим кишиневским пивом, лучшим в мире, – решил прихвастнуть Ион Степанович, но узбек даже не обиделся, а только дружелюбно расплылся в улыбке и, соглашаясь, закивал головой. – А вот шашлычки у вас что-то маленькие! – раззадоривался Ион Степанович. – У нас втрое больше порция.

– Так ведь у нас они из барашка, а у вас из чушки. А чушка – животное бя! – сквозь улыбку скривился узбек. – Грязное животное, его есть нельзя.

– А вы змей едите и курочкой их зовете, – с обидой парировал Ион Степанович, подхватил купленную рыбу и пошел с базара прочь.

Но все беды начались у Иона Степановича на вокзале. Он занял очередь за круглолицым киргизом в ватном халате неопределенного цвета и в черной тюбетейке с белыми вензелями. Быть может, то был узбек или казах, но Ион Степанович почему-то окрестил его киргизом.

Ион Степанович оказался седьмым. Кто был первым, никто не знал, а второй стояла симпатичная девушка с множеством монет, вплетенных в косы.

Ион Степанович отметил в очереди и направился в ресторан. Выбрал столик у окна, чтобы видеть кассу, и сделал заказ. Пообедал пловом, выпил прекрасного сухого вина. Но сытный обед не обрадовал его – хоть народа было мало, а Ион Степанович поторапливал официанта и даже приплатил ему, чтобы скорее обслуживал, но билетная касса все не открывалась, не считая кратковременного появления в ее окошке кассирши, которая билетов тоже не спешила выдавать. До самого вечера Ион Степанович оставался седьмым.

Правда, номер первый дал взятку кассирше и уехал. За ним последовал киргиз в тубетейке. Вечером Ион сходил в ресторан и с тоской посмотрел на свой кошелек. На второй день решил обойтись зеленым чаем. Но он оказался совсем невкусным, а запах напоминал березовый веник из парной бани или так казалось от усталости.

На четвертый день к Иону подошел пожилой узбек и намекнул, что если он хочет уехать, то надо дать кассирше «красненькую».

– Как? Взятку? Ни за что. Я – человек принципиальный.

Пожилый узбек недоуменно пожал плечами и исчез...

Между тем уехали известным образом красивая узбечка, пожилая украинка, мужчина с мешком, и на пятый день к вечеру Ион оказался первым у кассы. Первым и... единственным. Больше никого не было. Но он стоял!

На седьмой день, когда была уже полностью съедена предназначавшаяся для подарка дыня, а от золотистой рыбы осталась лишь узкая полоска с двумя плавниками, Ион с удивлением обнаружил, что начал понимать по-узбекски и даже немного разговаривать. «Первая ступень одомашнивания», – говорил он про себя. Особенно ему нравились такие слова, как элдаш – товарищ, якши – хорошо, иъл – дорога. Ох, уж эта дорога домой.

Как раз в тот день один аксакал в белой чалме посоветовал ему:

– Раз у тебя кончились деньги, а ехать надо, то ты женись на кассирше!

– Но у меня уже есть жена!

– Это не важно, будет вторая, помощница первой, и взятку не надо ей будет давать.

Ион посмотрел на кассиршу – молодая, широколицая, глазки узкие и... Черноглазая сжалась над ним и выдала билет. Без взятки и без подарка. И пошел Ион Степанович, верный своей жене, на перрон, гордо подняв голову.

Весь путь от Ташкента до Кишинева теперь представлялся ему примерно равным среднему расстоянию от центра Земли до Меркурия с пересадкой на Венере. Порой ему так хотелось есть, что он еле сдерживался, чтобы не попросить у соседа кусочек хлебца. Но нельзя – из принципа. Вот закурить, то другое дело: «мол, нет ли бумажки, вашего табачку закурить, а то у меня спичек нет». Но он оказался некурящим. И потому терпел, а голод переносился тяжелее.

В Кишинева Ион Степанович прибыл в полузабытье. В голове вертелось что-то из сказки о райской молдавской земле. Покачиваясь на ватных ногах, он вышел из вагона, увидел знакомую надпись «Гара», почувствовал ароматный запах миттей и, совсем ослабевший, сел возле белой котельцовой стены вокзала.

Как сквозь сон слышал он голоса: «Бери его! На носилки», «Напьются, а ты таскай их!» «В вытрезвитель его». Ион Степанович хотел возразить, что он трезвый и что не надо его в вытрезвитель, ему бы кусочек хлебца, но его упорно несли в вытрезвитель и он обессиленно распластался на носилках, как настоящий пьяный.

Ощущая холодный душ, Ион Степанович думал, что хорошо смыть всю ташкентскую пыль. И вдруг ему ясно представилось детство, те добрые старые времена, когда даже в больших городах не было канализации и большим спросом пользовались специалисты по очистке выгребных ям. Тогда он мальчишкой много работал с отцом по этой части.

Они везли на телеге большую бочку, рядом с которой лежал черпак на длинной палкешесте. Отец, как более опытный, был черпалем. То есть он, спустившись вниз, черпал жижу из ямы и, зачерпнув, подавал команду: «Тащи», а маленький Ион таскал ведро вверх за шест. Мальчишкой Ион работал у отца «на подхвате». И вот однажды он не совсем удачно подхватил черпак и облил отца вонючей жижей.

– Эх, – сердито сплюнув и махнув рукой, заключил отец, – не выйдет из тебя, видно, толку. Никогда не быть тебе черпалем, так и сдохнешь «на подхвате». Тогда Ион воспринял отцовскую ругань как тяжкое пророчество.

И вот теперь ему мерещилось, что стоит он на трибуне, перед ним народ, а вверху над ним огромное количество всяких начальников, больших и очень больших. А самый главный несет какую-то околесицу. Все про хлопок. Предлагает заменить его тополиным пухом.

– Чушь, – внезапно осмелев, закричал Ион Степанович. – Не быть тебе черпалем, так и сдохнешь «на подхвате!»

В норму Ион Степанович пришел через неделю.

– Больше не пейте, – на прощание напутствовал Иона Степановича начальник вытрезвителя.

Баллада

Памятнику генералу Ефремову

Вы, други, не слышали разве
О лучшей скульптуре, о той,
Что в городе Вязьме?
И тот монумент не простой!

В то лето ни касок, ни шлемов,
В пилотках солдат воевал...
Командовал ими Ефремов,
Отважный он был генерал!

Вокруг все гремело, взрывалось...
За горло душил воротник...
Их пятеро только осталось!
Что? Мало? Да, мал золотник!

Да, мал золотник, но дорог!
И дорог, и тем знаменит!
Что скромно расходовал порох,
А враг применял динамит!

Кричит генерал: «Снова к бою!»,
А боль его явно остра...
И, жертвуя жизнью, собою,
Обняв, его держит сестра...

А он уж почти что стал сказкой!
Уж начат в бессмертье восход.
Но пальцем, как длинной указкой,
Зовет: «Все на Запад! Вперед!»

У ног его, лоб забинтован,
Сидит лейтенант, чуть живой,
Уж орден ему уготован –
Он выиграл семнадцатый бой!

Усталые руки, как плети,
От жажды спасения нет.
Но спите спокойнее, дети,
В руках у него пистолет.

А взор... Нет подобного взора,
Не видел никто никогда!
И мнится: все скульпторы скоро
Придут поучиться сюда.

«Отряд» охраняют солдаты,
Их двое известных друзей,
Ведь слепок настольный из золота
Был взят в Третьяковку, в музей.

Один замахнулся гранатой,
Быть может, последний снаряд,
Другой – позади с автоматом
Блокирует с тыла отряд.

– Держи, генерал, оборону!
Ефремов держал хорошо.
Ему б золотую корону,
Чтоб в ней он в бессмертье вошел!

Сам Гитлер, ценивший отвагу,
Вскричал истерично: «Зер гуд!»
И дал указанье рейхстагу,
Чтоб был в честь героя салют.

Вот этот я памятник видел,
И вызвал он множество чувств –
Не как новоявленный идол,
А в роли шедевра искусств!

Стоял я до боли в коленях –
Нельзя оторвать было глаз...
Художники всех поколений!
Вучетич работал для вас!

12 октября 2000 год

Виктор АНДОН

Родился 12 апреля 1929 г. в с. Грушка Каменского района Молдовы. Окончил сценарно-киноведческий факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК) в Москве (1964) и аспирантуру ВГИКа. В кинематографии с мая 1953 г. – директор кинотеатров, редактор, старший научный сотрудник АН МССР, педагог. Автор ряда сценариев кино- и телефильмов, а также книг о молдавском кино, сборников прозы и стихов. Член Союза кинематографистов СССР (1970), доктор искусствоведения (1985), Заслуженный деятель искусств Молдовы (2000), профессор Академии музыки, театра и изобразительных искусств (1999), кавалер ордена «Gloria muncii» (2004).

Дога, дайся сам

Шуточный опыт музыкально-киноведческого исследования

Вы будете смеяться, но иногда великие научные открытия лежат прямо на поверхности, как золотые россыпи Клондайка. Стоит взять их и вставить в строчку, а потом – поставить точку.

Посудите сами. Еще в ту пору, когда наш ныне известнейший и популярнейший маэстро – композитор Евгений Дога протирал штаны за школьной партой (джинсов тогда еще в его родном селе Мокра никто не носил), видные поэты и композиторы Страны Советов уже слагали о нем песни, ставшие популярными не только в пору их сочинения (50–60-е годы), но и хитами 90-х. Приведем для примера «Старые песни о главном».

Наиболее характерными и замечательными в этом отношении являются известнейшие песни из фильма «Кубанские казаки» режиссера Ивана Пырьева, сочиненные Михаилом Исаковским на музыку Исаака Дунаевского.

Воспевая прекрасную весеннюю пору, когда «цветет калина в поле у ручья», известная ныне актриса Клара Лучко (по фильму она же Даша Шелест) душевно и проникновенно признавалась в любви нашему будущему композитору «Парня моло Догу полюбила я...».

Это уже позже стало ясно, что полюбила его она «на свою беду», поскольку ни «открыться», ни «нужных слов» найти, как известно, не могла. В связи с этим Клара-Даша предлагала кумиру своего сердца компромиссный вариант: «Я хожу, не смея, воли дать словам. Милый мой, хороший, Дога дайся сам».

Клара-Даша была, как известно, не единственной претенденткой на руку и сердце будущего маэстро. Как свидетельствовала другая актриса из этого же фильма – Марина Ладынина, юный Женя игнорировал заманчивое предложение не только Клары Лучко, но и кумира всех кинозрителей предвоенного и послевоенного советского кино – Марины Ладыниной. О чем свидетельствует другая песня из фильма «Кубанские казаки».

«Но ты взглянуть не Дога дался,
Умчался вдаль казак лихой...»

Видимо, «дался» Ладыниной другой казак, хоть и не кубанский – Иван Пырьев, ставший мужем знаменитой актрисы.

В как же Клара-Даша? Она тоже нашла свое счастье с актером Сергеем Лукьяновым – Гордеем Вороновым из того же фильма. Тут сценарист Николай Погодин, написавший сценарий для фильма «Кубанские казаки», все «перепутал». Дашу-Клару поженил с Николаем – Владленом Давыдовым, а жену Пырьева – Марину-Галину выдал замуж за Ворона-Лукьянова. Впрочем, в кино такое случается довольно часто.

Пырьев тоже внакладе не остался. После очередной своей картины «Испытание верности» он открыл для себя новую звезду «Белой ночи» – Люсю Марченко, а затем и сверхновую – Лионелу Скирду. Из четырех жен Пырьева только Лионела решила взять его знаменитую фамилию. Видимо, не зря. «Братья Карамазовы» этого стоили. Хотя злые языки ехидно утверждали, что Пырьев, как истинный сибиряк, умер все-таки на скирде.

Но вернемся к нашему маэстро.

Только дремучие неучи способны утверждать, что слово «догматик» имеет что-то общее с таким обидным понятием, как «догма». Мы же рискуем предположить, что настоящие ДОГматики – это фанаты, обожающие музыку Доги и преклоняющиеся перед нею. Можно с уверенностью сказать, что почти к половине фильмов, снятых на киностудии «Молдова-фильм», музыку написал Евгений Дога. В связи с чем в парламент была направлена официальная бумага с предложением впредь именовать киностудию «МолДОГА-фильм». Предложение это, однако, затерялось в канцелярии парламента, что свидетельствует о засилии бюрократизма в этом учреждении. Поэтому Дога нынче больше пишет музыку для «Мосфильма», «Ленфильма» и других студий СНГ и его окрестностей, не испытывая недостатка в заказах.

ДОГА-дайтесь, кто от этого проиграл, а кто выиграл?

Хождение по мукам Иона Скурту

В эту ночь Ион спал плохо. Приснилось ему, будто его, мелкого чиновника департамента жилищного хозяйства, назначили начальником какого-то ЖЭКа и ему пришлось целый день разбираться с докучливыми посетителями по поводу прохудившихся крыш, протекающих кранов, выслушивать многочисленные жалобы на высокие коммунальные платежи, квитанции за уплату которых его подчиненные рассылали жильцам ежемесячно с завидной аккуратностью.

Кошмары покинули его только под утро, когда жена разбудила к завтраку. Побрившись и почистив зубы, он понуро побрел на кухню, где его уже ждала чашечка дымящегося кофе, а рядом – тарелка с овсяной кашей и сваренное «в мешочек» яйцо на изящной подставке. Это вконец испортило ему настроение.

– Я что, лошадь что ли? Каждый день одно и то же – овсяная каша.

– Между прочим, это не каша, а «поридж», – возразила жена. – Ее англичане каждое утро едят с превеликим удовольствием. Видел по телевизору, какие они подтянутые? А у тебя живот, как будто ты на седьмом месяце беременности. Съев яйцо и запив скудный завтрак уже остывшим кофе, даже не притронувшись к ненавистному «пориджу», Ион встал из-за стола и начал собираться на работу. Вдогонку жена проворчала:

– Ты бы хоть мусор вынес. Все приходится делать мне. А я ведь тоже не лошадь, и работа, и кухня! Кстати, прихвати с собой белье в стирку. Тебе ведь в прачечную по пути.

Тяжело вздохнув, Ион нехотя взял большой черный пакет с мусором в одну руку, не менее внушительный пакет с бельем – в другую, вышел на площадку и направился к мусоропроводу. Но тот был наглухо заварен, да еще какой-то шутник написал мелом на крышке: «Не выноси сор из избы!»

Он нажал кнопку лифта, но привычного гудения подъемника не последовало. Лифт молчал. И только теперь Ион обратил внимание еще на одну надпись на дверях лифтовой кабины: «Ходьба по лестнице укрепляет сердечную мышцу и защищает от инфаркта».

Чертыхнувшись, он процедил сквозь зубы:

– Опять с шестнадцатого этажа пешком топать. Ну, ЖЭК, погоди! – добавил он грозным голосом артиста Папанова, озвучившего волка в известном мультфильме.

Пакет с мусором Скурту намеревался бросить в урну на ближайшей троллейбусной остановке. Но только приблизился к одной из них, как услышал суровый голос дворничихи:

– А ну мотай отсюда! Мне что, за вами целый день урны выгребать?

Пришлось идти с двумя злополучными пакетами к подходившему троллейбусу. Как всегда, в эти утренние часы он был переполнен. Войти с двумя большими пакетами в салон было не так-то просто. А время поджимало. Кое-как он все же протиснулся последним в заветные **двери** и, стоя на одной ноге, изо всех сил пытался удержать равновесие. Весь потный, взъерошенный и злой, он вышел на остановке у прачечной. Она... оказалась закрытой по случаю перегрузки, а на большом листе на дверях кто-то написал язвительное: «Грязное белье надо стирать дома».

– Ну и развелось же у нас шутников! – снова чертыхнулся Ион. – Спасу от них нет. Лучше бы устроили акцию протеста, чтобы хоть на новогодние праздники горячую воду в дома подали, а то в рекламе сто раз показывают: шикарная дамочка, принимая ванну, шоколадом «Корона» лакомится. «Корону» у нас в сто раз легче найти, чем горячую воду, чтобы нормально помыться. На свое рабочее место в офисе Скурту явился с опозданием на двадцать минут с двумя пакетами в руках. Служивцы как-то странно посмотрели на него, а один из них, Петре Поздере, потянув носом воздух, даже спросил с издевкой:

– Что это от тебя так скверно пахнет? И опоздал, чего с тобой раньше не случалось. Топай скорей к шефу. Секретарша уже два раза звонила, тебя спрашивала. Затолкав кое-как объемистые сумки под рабочий стол, Скурту направился к директору департамента. Шеф как-то подозрительно посмотрел на него и участливо спросил:

– Ты что, плохо спал, Ион?

– Да, чертовщина какая-то снилась.

– Интересно! И что же именно?

– Будто вы рекомендовали меня начальником какого-то ЖЭУ...

– Вот даже как? Вещим твой сон оказался, дорогой Ион. Мы как раз тут подумали о твоём повышении. Большому кораблю – большое плавание.

– Да разве я справлюсь, Николай Иванович? Лифты не работают, мусоропроводы в сотках заварены, контейнеров для мусора не хватает...

– Вот тебе и карты в руки. Кто-то же должен порядок навести в нашем ведомстве. А парень ты энергичный, да и зарплата начальника ЖЭУ посолидней, чем в нашем отделе. Так что благословляю тебя, действуй.

– Благодарствую, – промямлил Ион и направился к выходу на непослушных ватных ногах. В отделе сослуживцы встретили его с бокалами шампанского и радостными восклицаниями: «С Рождеством, Ион! С повышением!»

Сотворение женщины

индийская легенда

В Индии легенду я слышал,
Что бытует с сотворенья мира –
Бог вначале женщину создал
И в Раю ей выделил квартиру.

Всем, чем наш Создатель был богат,
С женщиной готов был поделиться.
Услужить всегда он был ей рад
И готов был на нее молиться.

Наделил он даму красотой
И фигурой самой совершенной,
Что у нас встречается порой
Разве только у иных **спортсменок**.

Дивно все: глаза, овал лица,
Лишь чуток характер не удался.
Не сложилось что-то у Творца,
Как создатель только ни старался.

Было старику не так легко
Угождать, ходить за нею тенью.
Говорят, что «птичье молоко»
Давней той поры изобретенье.

Как-то раз, нектару взяв сто грамм,
Заглянул старик привычно в Святцы,
Срочных дел не намечалось там,
И решил Создатель прогуляться.

Было жарко, день был выходной,
Было грустно женщине одной.
И, взглянув привычно на дорогу,
Женщина увидела там Бога.

– Звезд небесных свет, о, Божество!
Говорят, что можешь Ты немало,
Так создай такое существо,
Чтоб меня обнял, приласкало.

Бог к капризам женским не привык.
– Что за прихоть?! О, Санта Мария!
Но, подумав, прикусил язык –
«Сотворю я ей, пожалуй, Змия».

День, другой всего лишь пролетел,
Змий порядком даме надоел.
То не очень ласково ласкает,
То не там, где надо обвивает.

Яблоко червивое сорвет,
Что годится разве на компот.
С громким воплем: «Гадина такая!»
Змий был изгнан женщиной из Рая.

Рай печально шелестит листвою,
Снова скучно женщине одной.
И, склонив колени, недотрога
Голосом смиренным просит Бога:

– О, Создатель Солнца и планет,
Гений и Творец Большого Рая!
Мне покоя снова нынче нет,
Я от скуки просто умираю.

Ниспошли мне Божью Благодать.
Ты не мог бы для меня создать
Существо забавное такое,
Веселило что б меня порою?

Бог вздохнул, затылок почесал.
Видно, допустил чуток изъяну
В день, когда животный мир создал.
– Как же я забыл про обезьяну?!

Наскребя по закуткам излишки,
Сотворил Он для нее Мартышку.
Вместе с банкой сладкого варенья
Даме преподнес на День Рожденья.

Вот еще неделя пролетела,
Обезьяна даме надоела.
Не смогли избавить от тоски
Все ее ужимки и прыжки.

Да к тому же безнадежно стар
Обезьяний был репертуар.
Будучи вконец разлажена,
На Мартышку рывкнула она:

– Нечего мне вечно корчить рожи!
Так кривляться я умею тоже!
И Мартышку, палкой избивая,
Моментально выгнала из Рая.

Снова жарко, снова выходной,
Снова скучно женщине одной.
И, принарядившись, у крыльца
Поджидает женщина Творца.

На прогулку Бог выходит чинно,
Огорчаться вроде нет причины.
Лишь хотел зайти он в Райбуфет –
Видит обожаемый предмет.

– Ты чего грустишь, моя родная?
Посмотри вокруг, природа Рая
Дарит нам прохладу и цветы.
Отчего, мой друг, печальна ты?

– Ах, ко мне природа равнодушна,
Да к тому же мне ужасно скучно.
Не пройдешь по Раю и квартала,
Пристают какие-то шакалы.

Была б жизнь не жизнь, а благодать,
Если б смог Ты для меня создать
Существо, хранящее меня
Темной ночью и средь бела дня.

Дай подумать, кто для этой роли
Пригодится в нашем райском поле.
Сморщив лоб, потом повеселев,
Бог воскликнул: «Стражем будет Лев!»

Да, со Львом, конечно, было лучше,
Но и он, в конце концов, наскучил.
Ни на шаг ее не отпускает,
Даже в душ сопровождает.

Громким рыком будит очень рано,
Надоела ей сия охрана.
Снова к Богу женщина идет
И такую речь пред ним ведет:

– Боже, Ты велик и всемогущий!
Ты построил Рай и райски кущи.
Землю сотворил, огонь и воду,
Изобрел с икрою бутерброды.

Можешь ты создать, в конце концов,
Существо одно, в одном лице,
Чтоб меня ласкало, забавляло,
От невзгод и хамства защищало,

Танцевало чтоб и песни пело,
И капризы все мои терпело?
Разгони мою печаль-кручину...
Бог подумал и создал... мужчину.

Дальше уж история другая,
Как мужчина в Ад удрал из Рая.

Славич

Вячеслав МОРОЗ (литературное имя Славич).

По профессии журналист, живет в Кагуле, работает диджеем на местном радио. Известен также как поэт и музыкальный исполнитель, успешно гастролирующий в Молдове и Румынии. Участник отборочного конкурса на «Евровидение-2009» в Молдове.

* * *

И не сейчас и не давно,
И мы легки, как тени,
И как в замедленном кино
Твои прикосновенья.

Так я у времени в руках,
Как маятник беспечный,
Живущая в моих шагах,
Меня уводишь в вечность.

Но тянет за рукав весна.
И нам пора проститься.
Из неоконченного сна
Вернусь я по крупицам.

Цикл: ВИРТУАЛЬНЫЕ СНЫ

Нирвана

И случайных совпадений
и кошмарных сновидений
избежать не можем мы с тобой.
Потеряли свои тени,
накрывает наслажденье
нас невидимой волной.

Я, хранитель тайных знаков и
ключей от древних замков,
полечу с тобой на чей-то зов.
И для нас уже не важно,
где обман и где реальность
в лабиринте виртуальных снов.

Замки сточатся от ветра,
тайны сузятся от света,
сердце капает в висок...

Почему мы в этих стенах?

Отчего же в наших венах
кровь похожа на песок.

Это страна обмана.
Это моя нирвана.

* * *

Возносимся все выше –
прочь из земного плена,
чтоб невзначай услышать
дыхание Вселенной.

И к скоротечной жизни
устанем возвращаться.
нас время не разделит,
нам поздно просыпаться.

И росчерком усталым
осенних звезд опавших
нам раствориться мало,
чтоб скрыть ошибки наши.

И Властелин Вселенной
уронит тихо слезы,
и на часах настенных
отмерит жизни дозу

2008 (Бухарест)

* * *

Позабыл-таки русскую речь
И душой разучился слушать,
Мне бы красные зори стеречь
И росой похмеляться лучше б.
Мне бы в русских просторах пропасть
И исконной набраться лени...
Моя карта – бубновая масть,

Ведь в душе моей плачет Есенин.
 Нет, пожалуй, ничьей вины,
 Что себя раздарил дорогам.
 Но хочу до ближайшей весны
 Я вернуться к своим истокам.
 Я, конечно, охотно вернусь
 К просветленным молдавским березам.
 Жизнь поэта, как матери грусть
 И как песнь о несбывшихся грезах.
 Только как бы опять не пропасть
 Среди мыслей своих осенних,
 Моя карта – бубновая масть
 Ведь в душе моей плачет Есенин

Цикл: «СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ», 1995 г.

* * *

Луна светила фонарем
 в девятиэтажный вечер,
 а мы молчали обо всем,
 лишь суетился ветер.

И было выпито вино
 взахлеб, как поиск темы,
 и так нелепо и смешно
 вокруг кружились стены.

Но потянуло сквозняком
 меня в иные дали,
 от друга я ушел тайком,
 когда молчать устали.

Я торопился жить, а он
 уже нашел ответы...
 в ночи парил его балкон –
 корабль чужой планеты.

* * *

Некстати так и неуютно
 Вдруг прибывают поезда.
 И в расписание вязнет утро,
 И тает эхо в проводах.

А мы расстанемся поспешно
 С нелепою тоской в глазах,
 С усталостью от ночи грешной
 С чужим билетом на руках.

Русская песня

Позади
 дорог океаны.
 Впереди
 светится маяк.
 По волнам
 бросать не устанет
 меня
 судьбинушка моя.

Только мне
 не до волнений.
 Поскорей бы
 к берегу пристать.
 И душе
 моей осенней
 Дать бы
 тишь и благодать.

Нет, не станет
 легче, хоть тресни.
 Жить, коль знать
 все наперед.
 Обернусь
 русскою песней.
 И легко
 пусть душа поет.

Пусть поет
 о той, что любила,
 Что ждала,
 где светится маяк.
 Милая
 – с именем милым,
 Ждет меня,
 любимая моя...

* * *

Я в доме, где меня не ждали,
 обманут, но самим собой...
 Ее глаза меня не звали,
 а я назвал ее судьбой!

Хозяйка – пиковая дама...
 И кот, проворный, как сквозняк,
 мне намекнут (какая драма!),
 что я – непрошенный чужак...

Я попытаюсь хитрой лестью
 пленить хозяев, но хоть плачь! –
 Я для нее не вышел шерстью,
 а кот ревнует: я ж усач!

Я не хозяин положенья,
 нагрянет муж ее вот-вот,
 но обернусь стихотвореньем
 «про нелюбовь» – и пронесет....

* * *

Не танцовщица кабаре
 и не панельная подружка,
 ты пахла сочно каберне,
 когда шептала мне на ушко.

Ты говорила, что мы в масть,
 что не юнцы, и в этом прелесть!
 Поэт, так жаждущий пропасть,
 и ведьма, канувшая в ересь...

Но оттого, что не любил
 ни целиком и ни частично,
 тогда я в общем-то не пил,
 а напивался неприлично,

чтобы потом ни дать ни взять,
 чтоб все осталось так, как было...
 чтоб, не изнедав, потерять
 любви гостиничной обмылок.

Зимний блюз

Так непривычен зимний блюз –
 Я нервно зазвучу гитарой.
 И лишь сфальшивить я боюсь
 Душой усталой.

Так непривычен зимний блюз –
 Как будто осень исчерпалась.
 Я в вихре снежном закружусь.
 И прочь усталость.

Так непривычен зимний блюз –
 Мы переложены на ноты.
 По прихоти волшебниц-муз
 Со мной ты.

Так непривычен зимний блюз –
 Прольюсь строкой стихотворенья.
 Ты млечный путь,
 к тебе стремлюсь
 Звездой осенней.

* * *

убаюкивал ветер нас,
 успокаивал мысли-бредни...
 а настоящее без прикрас,
 а мне хотелось вечно бредить.

возвращаться мне в никуда
 без оглядки – а не хотелось!
 а ты хотела бы навсегда,
 я ж улетел, чтоб легче пелось...

только временем приструнить,
 нелюбовью лишить полета!
 ведь меня, не успев забыть,
 на земле ожидает кто-то.

не останется и следа:
 я – как слово и брошен на ветер!
 возвращение навсегда
 мне пожизненным сроком светит...

Виктор ХАНТЯ

Родился 27 октября 1990 года в Кагуле. Детство провел в родном городе, затем до 15 лет жил в Одессе. Ныне живет в Кишиневе. Учится в лицее им. Матея Басараба. Стихи пишет с 15 лет. Первое стихотворение опубликовано в журнале «Омнибус». Увлекается музыкой и литературой. Интересуется прошлым великих поэтов: Есенина, Маяковского, Блока, Цветаевой, а также философией.

* * *

Выглянул в окно,
Закурил.
Обделен я сном –
Нет сил.

Эта ночь черна
До костей.
Пусть мне не до сна
От чертей.

Пусть я в эту ночь
Их прощу,
А к рассвету прочь
Отпущу.

И замкнусь в тоске
Вопреки.
Жизнь на волоске –
Пустяки!

* * *

Декабрь месяц над Одессой
Остановил свой хмурый взгляд.
По всюду кружит снег белесый.
Я рад, я этому так рад!

Брожу по улицам, как странник,
Пришедший с дальних берегов.
Сейчас бы сесть в лихие сани
С веселой тройкой молодцов.

И обогнуть старинный город,
Как шар земной, да с ветерком!
Который сердцу очень дорог
И так знаком, и так знаком.

Небо

Плакало небо, будто от скуки,
В лужах стеклянных я видел печаль,
В лужах стеклянных я мыл свои руки,
Взгляд подымая на серую даль.

Сердце щемили тоска и утрата,
Слезы глотая, дышал не спеша.
Плакало небо – смеялись ребята,
А у меня так болела душа!!!

И понеслись мои мысли на ругань,
Так захотелось на небо кричать!
Плакало небо, как дети в испуге,
Что потеряли во сне свою мать.

Имя

Я забуду про всё на свете,
Кроме имени твоего.
Я душой за тебя в ответе,
Я отдам все, что есть в поэте –
Ради имени твоего.
Погружусь я в кипящую лаву,
Выпью горького вкуса отраву –
Ради имени твоего.
Я не буду молить о пощаде,
Пусть меня расстреляют, не глядя –
Ради имени твоего.
Отвернусь от ругающей брани,
Обвенчаюсь навеки с изгнанием –
Ради имени твоего.
Полюблю всё, что мог ненавидеть,
Отрекнусь от всего, что я видел, –

Ради имени твоего.
Я умру в задушевной песне,
Но душа моя тут же воскреснет –
Ради имени твоего.

* * *

Кошка на крыше
Ловит лучи,
Облаком дышат
В небе грачи.

Веет жасмином
Ласковый дым,
Необъяснимо
Тянет за ним.

Стелется в поле
Зеленый ковер,
Снова на воле
Весенний простор!

Михаил ЛУГОВЕЦ

Родился 15 июля 1984 года в Кишиневе. Окончил лицей им. Д. Кантемира. В настоящее время учится на последнем курсе в Техническом университете. С 16 лет пишет стихи, а с 18 – песни. В 2003 становится лауреатом 2-го республиканского фестиваля авторской песни «Mistral – 2003».

Увлекается туризмом, играет на гитаре в музыкальной группе «Эль».

Песня о несчастной любви одной из голов Змея Горыныча к какой-то Принцессе

Там за рекою, оврагом и лесом
Под солнцем стоит расписной теремок.
В том теремке жить могла ты, Принцесса,
Если б тебя я сюда приволок.
В доме твоём неприступные стены,
На окнах решётки, за окнами ров.
Ты, словно птица в запертой клетке,
А по ночам оглушительный рёв.
Бьются столетия стрелками в башнях,
То догоняют, то отстают:
Ты же вне времени, вечно прекрасна,
В доме сидишь, охраняя уют.
Взял бы тебя и понёс над снегами,
Ветер нам в помощь, солнце в глаза:
Вместе кружили бы под облаками,
Жаль, от себя улететь мне нельзя.
Всё бы отдал за свободу лихую,
Всё для того, чтобы вместе нам быть!

Но Злой Колдун разлучил нас с тобою:
С братьями до самой смерти мне жить.
Мощные крылья – стрелой в поднебесье,
Когтистые лапы – разорвана плоть!
Жизнь положил за тебя бы, Принцесса,
Если б не пара старших голов.
Голос твой нежный над самым рассветом –
Звон колокольный в моей голове.
Слышишь, во мне сотворила поэта
Песня твоя на вчерашней заре.
Знаю, не любишь, знаю, не терпишь,
Знаю, со мною не полетишь,
Но без тебя счастья нет мне на свете,
Братья, пустите, я камнем – и вниз!
Мощные крылья сложу в поднебесье,
Брошу на камни когтистую плоть.
Жизнь положил за тебя бы, Принцесса,
Если б не пара старших голов.

Городок

Я люблю смотреть на песок –
Будто время сквозь пальцы бежит.
Я построю тебе городок,
И мы вместе будем там жить.
Будет людно, и залы дворцов,
Наполняя играющим светом,
Миллиарды беспечных скворцов
Будут петь нам зимою и летом.
Этот город не смоет вода,
Это счастье никто не отнимет.
Возвращаясь сюда сквозь года,
Память нас не покинет.

Эти стены растут для двоих,
Притираясь плотнее друг к другу.
Оставляя их здесь для других,
Мы поднимемся выше по кругу.
Мимо грязи лукавых лжецов,
Мимо фальши играющих в дело,
Мы живём по велению снов
Внутри обновлённого тела.
Не вернутся былые года,
Мы не вспомним, куда текли реки.
Снова встретимся мы навсегда,
Чтобы расстаться навеки.

Наталья СИНЯВСКАЯ

Сокровища гайдуга Бакира

– Что, любуетесь? – спросил меня какой-то мужчина, когда я, стоя спиной к Днестру, рассматривала Сорокскую крепость. Хотелось уединения, хотелось расслышать шум реки, а тут этот любитель поговорить.

– Я вам не помешаю, – будто прочитав мои мысли, продолжал мужчина. – Я часто хожу в эту крепость, вспоминаю, где же спрятаны сокровища.

Услышав слово «сокровища», я забыла про желание услышать шум Днестра и посмотрела в глаза собеседнику, призывая его продолжить рассказ.

– Я почти уже приблизился к цели. Осталось всего ничего, последние расчеты ...

– Откуда здесь клад? Дворик этой крепости перекапывали, наверное, сотни раз, стены перестраивали, да еще и туристы затптали последние следы.

– Клад спрятан на совесть. Сейчас я вам расскажу, откуда он. – «Наверное, сумасшедший, – подумалось мне, – но какой любопытный!» – Еще Штефан чел Маре понял, насколько значимы эти места, и в свое время построил здесь деревянную крепость... Я бы, конечно, сразу каменную возвел, но Штефан не сообразил...

Действительно, почти все источники в один голос утверждают, что на этом самом месте при Штефане чел Маре была возведена на берегу Днестра крепость в 1499 году. Затем, как гласят летописи, «сладил сий замок Якоп». Можно предположить, что Якоп – вроде архитектора тех времен, а точнее, времен господаря Петру Рареша,

по приказу которого на месте деревянной крепости была возведена каменная в 1543–1546 годах.

– Эта крепость не перестраивалась со времен Рареша, – продолжал собеседник. – И копали здесь не очень активно. Я-то знаю.

Да, кажется, он хорошо подготовился, крепость действительно уникальна тем, что сохранилась в первозданном виде. Проект крепости и придумал сам Рареш. Я мысленно прогулялся по внутреннему дворику крепости. Круглой формы, в диаметре 37 с половиной метра, четыре внушительные башни, тоже круглой формы, симметрично расположены. Да, есть еще и пятая, она уже в основании квадратная, над воротами. Высота – огромная по тем временам – 17–20 метров. У стен внутри замка – помещения, где когда-то располагались гарнизон и склады. Эти постройки были двухъярусными. В свое время были обнаружены каменные винтовые лестницы для сообщения между вторым и первым этажами. Внутри башен – площадки для ведения боя, в стенах – отверстия для орудий.

Где же может быть клад? Не в казармах же... Какой солдат обладал состоянием?! Я лихорадочно «пробегала» по крепости. Ах, да... чуть не забыла: на втором ярусе находилась часовня. И хотя фрески «не дожили» до наших дней, найденные фрагменты свидетельствуют о том, что убранство было богатым. Правильно, в крепости бывали исторические личности в разные времена: Богдан Хмельницкий, Тимуш Хмельницкий, Александр Суворов... А собственно, в какие времена?! Не Петр 1 же свою казну сюда перетасил.

– Петр 1 здесь ни при чем. – «Он точно читает мои мысли...». – Крепость служила как фортификационное укрепление, помогая одолеть врага. В 1711 году во время Прутского похода Петра 1 она сыграла важную роль. Петр 1 здесь, конечно, был. Но не он спрятал сокровища.

– А что после Петра?!

– В конце 18 века в крепости бывал Бакир. Гайдук.

Что-то такое говорил экскурсовод. Но не про крепость, а про то, что Бакир грабил богатых в Сорокском цинуте (уезде).

Скрывался, правда, он в пещере близ Сорок, которая сегодня так и называется «пещера Бакира», и яр тоже назван в его честь. Но документов о Бакире никаких нет, все это – предания.

– Это был смелый человек. По-молдавски мудрый. Талантливый стратег. Ловкий и сильный. У него была такая внешность, что его никто не мог точно описать. И только одно выдавало его – родимое пятно в форме сердечка на запястье правой руки. – «Откуда он знает такие подробности?! Об этом никто нигде не сообщал! Вот же выдумщик». – Он долго отбирал ценности у богачей, пока однажды не ушел из своей пещеры и не вступил в русскую армию воевать против турок. Судьба его сокровищ неизвестна.

– Значит, нужно искать в пещере его имени.

– Я точно знаю, что он спрятал их в крепости. И скоро вспомню, где.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

Зачем искать сокровища – крепость давно уже стала туристической Меккой? Зачем ворошить прошлое?

– Это мое прошлое. Но я не собираюсь эти сокровища вытаскивать из крепости, вы все, живущие здесь, к этому не готовы.

– А вы готовы?!

– Мне нужна только одна вещь из этих сокровищ. Она принадлежит мне.

Я постоянно ловила себя на мысли, что как только отворачиваюсь или опускаю глаза, не могу вспомнить, как выглядит собеседник. Странно все, очень странно.

– Что это за вещь? Как вас зовут?

– Догадайтесь, – вдруг он рывком протянул мне руку для пожатия, – мне нужно идти.

Он резко развернулся и зашагал прочь. Я так и застыла с открытым ртом: перед моими глазами все еще было видение – родимое пятно в виде сердца на запястье таинственного собеседника.

Александр ПОРОЖНЯКОВ

Вечная тема

Недавно в окраинном районе Лондона одна активистка организовала литературный клуб. Дела в нем шли хорошо, и женщины были довольны. Как-то во время ужина мистер Браун поинтересовался у супруги:

– Скажи, Инесс, как у вас прошла сегодня встреча?

– О, дорогой, великолепно, – живо отозвалась миссис Браун. – Это была действительно интересная встреча. Пожалуй, одна из лучших, я думаю.

– Да? – засомневался муж, который был не очень горячим сторонником женских клубов. – А какая у вас была литературная тема?

Миссис Браун сначала никак не могла вспомнить, о чем они беседовали, но потом вдруг воскликнула:

– А, да, я вспомнила. У нас вышел спор, да, большой спор о той рыжеволосой нахалке, которая появилась перед окнами нашего клуба... Ну, а потом, по-моему мы немного поговорили о Шекспире...

Все в будущем

– Джон, заведи у ребенка чернила!

– Гм-м...

– Да, да, он еще слишком мал, чтобы писать фельетоны.

Что значит трудолюбие

Писатель: Итак, друг мой, самое интересное заключается в том, что мне потребовалось десять лет, дабы прийти к выводу о своей бесталанности в литературе.

Приятель: И ты бросил писать?

Писатель: Вот в том то и дело, что нет. К этому времени я стал уже слишком знаменит.

Забота о репутации

Известный писатель: Десять лет тому назад вы купили у меня рассказ за двадцать пять долларов.

Редактор: Да, но мы его еще не напечатали.

Известный писатель: Тогда верните мне его назад, и я заплачу вам двести пятьдесят долларов. У меня теперь хорошая репутация, и я не хочу ее портить.

Com. 9293

Tiraj1000 ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică "Tipografia Centrală!"

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46